

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

В.Н.КОТОВ

КРИТИКА
БУРЖУАЗНЫХ
ТЕОРИЙ
«ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМ»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

В.Н.КОТОВ

КРИТИКА
БУРЖУАЗНЫХ
ТЕОРИЙ
«ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

Монография посвящена критическому анализу наиболее комплексной теории буржуазной политэкономии — теории «экономических систем». Критически рассмотрены основные направления в теории «экономических систем» и их методология, теория «центральноуправляемого хозяйства», теория экономической системы «рыночного хозяйства», проблема сравнительной эффективности двух противоположных экономических систем как в трактовке буржуазной теории «всеобщего равновесия», так и на базе теории «эффективной конкуренции».

Книга рассчитана на экономистов.

Ответственный редактор
доктор экономических наук

В. А. ЖАМИН

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в буржуазной экономической теории весьма интенсивно развивается направление, получившее название теории «экономических систем». Наметилась тенденция рассматривать существование этого направления в качестве особой дисциплины в рамках буржуазной экономической теории. Тенденция эта проявляется в попытках, предпринимаемых буржуазными авторами, по отграничению предмета исследования этой новой дисциплины от предмета анализа других и в стремлении разработать методы сравнения экономических систем.

В чем же причины возникновения и широкого распространения теории «экономических систем»?

Возникновение и широкое распространение теории «экономических систем» представляют собой прежде всего реакцию буржуазной идеологии на новые процессы, происходящие в современном мире, которые определяются противоборством между капитализмом и социализмом. Буржуазная политэкономика долго рассматривала капитализм как естественный, как единственно возможный экономический строй. Возникновение государства диктатуры пролетариата, провозгласившего своей целью построение социализма, вызвало к жизни в лагере буржуазных идеологов многочисленные попытки теоретически доказать экономическую невозможность, неосуществимость социализма. Огромные успехи в социалистическом строительстве в СССР, переход на рельсы социализма других стран означал полное крушение подобного рода попыток. «Сегодня капитализм только одна из многих экономических систем,— пишет американский экономист Дж. Холм.— Виды социального строя, принципиально отличающиеся от капитализма, существуют достаточно долго, чтобы доказать, что они практически возможны. В первые десять лет существования советской экономики можно было еще сомневаться в жизнеспособности этой новой системы. Сегодня мы должны примириться с мыслью, что центральноуправляемая экономика (в эту категорию буржуазные экономисты зачисляют и плановую социалистическую экономику.— В. К.) в целом возможна. Поэтому мы имеем дело как минимум с двумя противоположными видами строя...»¹

Буржуазная политэкономика была вынуждена отказаться от одного из своих важнейших постулатов — утверждения, что капитализм — естественный и вечный экономический строй. Ис-

¹ Halm G. Wirtschaftssysteme. Berlin, 1960, S. 1—2.

ходным пунктом теории «экономических систем» служит положение о том, что капитализм более не является единственной экономической системой. Таким образом, само возникновение этой теории, предполагающей сравнение различных экономических систем, обусловлено общим кризисом капитализма, успехами социализма, достижением экономической системой социализма определенной степени зрелости.

Другая важнейшая причина того, что буржуазная политэкономия отдает много сил попыткам разработки теории «экономических систем», заключается в необходимости противопоставить эту теорию фундаментальным идеям «Капитала» Маркса. Более 100 лет прошло со дня выхода в свет «Капитала», огромный временной период, целая историческая эпоха, но столь велико значение этой работы Маркса, столь величественны ее основные идеи, что теоретическая и политическая значимость их ничуть не утрачена и поныне; более того, время, исторический опыт доказали их правильность, сфера действительности марксовы идеи многократно расширилась.

Две краеугольные идеи «Капитала» Маркса все эти годы подвергаются яростным и постоянным атакам буржуазной экономической теории, в первую очередь — теория прибавочной стоимости и теория способа производства. Ибо прежде всего именно эти положения марксизма нанесли сокрушительный удар капитализму и буржуазной экономической теории, указали научно обоснованный путь к построению нового общества.

Восприняв из классической буржуазной политэкономии теорию трудовой стоимости, творчески переработав ее, создав теорию прибавочной стоимости, раскрыв законы накопления капитала, Маркс показал, что законы капитализма, законы капиталистического накопления неизбежно ведут к гибели капиталистической системы, к возникновению нового экономического строя — социализма. Маркс впервые создал *научную* теорию не одного, а целого ряда способов производства, показав одновременно несостоятельность метафизического представления, господствовавшего в буржуазной экономической науке, о существовании лишь одного естественного экономического порядка, ибо в основе классической буржуазной политэкономии лежало представление об экономике капитализма как о естественном порядке экономической жизни (*ordre naturel*) и само собой из этого вытекало положение, что естественный порядок может быть только один.

Современные буржуазные экономисты вынуждены признать, что «Марксов анализ впервые, во всеобъемлющей форме и до самых основ поставил под вопрос центральные результаты существовавших тогда уже добрых сто лет систематических экономических исследований»². Мало того, анализ Маркса «все-

² Gegenstand und Methoden der Nationalökonomie, Köln, 1971, S. 20.

охватывающим образом поставил под вопрос данный (т. е. капиталистический.— В. К.) экономический строй»³.

Буржуазная критика «Капитала» идет не только по пути попыток отрицания правильности его основных положений и поисков противоречий внутри концепции Маркса. С самого появления в свет «Капитала» основной задачей буржуазной политэкономии была разработка собственных теоретических конструкций, призванных снять вопросы, поставленные «Капиталом», в том числе, во-первых, проблемы капиталистической эксплуатации, а во-вторых, проблемы неизбежности перехода к новому социально-экономическому строю — социализму. Решение первой задачи возлагается в рамках буржуазной политэкономии на теорию предельной полезности и предельной производительности, решение же второй задачи возложено на теорию «экономических систем».

Какие цели ставит перед собой теория «экономических систем», каковы важнейшие функции этого направления буржуазной политэкономии? Если обратиться к трудам буржуазных авторов, то эти цели состоят будто бы главным образом в том, чтобы через сравнение различных видов экономического строя достичь более «углубленного понимания своей собственной экономической системы», выявить, какие институты и меры экономической политики отвечают основным предпосылкам и целям «рыночного хозяйства», а какие «мероприятия и институты противоречат характеру системы, препятствуют ее функционированию и могут привести в конце концов даже к ее крушению».

Далее, такой анализ имеет и непосредственный выход на процессы, связанные с современной борьбой двух противоположных социально-экономических систем: «Современный конфликт между Востоком и Западом показывает, насколько важно учитывать производительность и темпы экономического роста нашего идеологического противника», — заявляют представители этого направления. «Мы должны также попытаться понять, что думают русские экономисты — плановики о капитализме, ибо эти представления в значительной мере определяют их действия». Кроме того, буржуазные экономисты полагают, что «сравнение различных видов экономического строя содействует также лучшему пониманию международных экономических связей», ибо «мы должны учиться понимать, что торговая политика других стран является часто выражением хозяйственной философии, существенно отличающейся от нашей».

И, наконец, «в наших экономических связях с развивающимися странами мы должны осознать тот факт, что эти страны стремятся к быстрейшему росту и в этой связи находятся под сильным впечатлением успеха центрального планирования в России. Что имеет предложить им рыночное хозяйство в этом

³ Ibidem.

сравнении диаметрально противоположных экономических философий? Если имеется убедительный ответ, то частично он должен быть предложен сравнительным экономическим анализом»⁴. Так выглядят основные цели теории «экономических систем» в интерпретации самих представителей этого направления буржуазной политической экономии.

Однако анализ теории «экономических систем» показывает, что это направление буржуазной политэкономии преследует весьма важные и далеко идущие идеологические цели. Во-первых, представители теории «экономических систем» пытаются противопоставить понятию социально-экономической формации Маркса, марксистскому понятию способа производства буржуазное понятие экономического строя. Во-вторых, на этой методологической базе буржуазные экономисты конструируют абстрактную теоретическую модель так называемого центрально-управляемого хозяйства, которая, как они считают, адекватно раскрывает существо социалистической экономики, а в действительности извращает сущность социалистической системы хозяйствования. В-третьих, эта же методологическая база используется для разработки абстрактно-теоретической модели капитализма. Такая модель, получившая наименование «рыночной экономики», дает приукрашенную картину капитализма как системы гармоничной и естественной и имеет ярко выраженный апологетический характер. И, в-четвертых, будучи вынуждены заняться динамикой экономических систем, буржуазные экономисты пытаются опровергнуть марксистско-ленинскую теорию развития социально-экономических формаций и важнейшее положение марксизма-ленинизма о неизбежности революционного крушения капитализма и смены его социализмом.

Теории «экономических систем» отводится исключительно важное место во всей буржуазной политэкономии. «Вопрос о сущности строя и принципах строя, который господствует в экономической жизни, составляет центральный пункт проблематики экономических наук»⁵, — считал В. Зомбарт. По его мнению, «экономическая наука также нуждается в такой формообразующей идее, посредством которой она может собрать свой материал в системы. Такая идея призвана дать определение экономической жизни известного времени, дать отличие формы хозяйства в другие экономические эпохи и тем самым отграничить крупные исторические эпохи человеческого хозяйства»⁶. «Исследование экономических систем является ядром политической экономии...», — заявляет также П. Книрш⁷.

Теории «экономических систем» имеют ярко выраженную антисоциалистическую и антисоветскую направленность. В со-

⁴ Halm G. Wirtschaftssysteme, S. 8—10.

⁵ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen. Darmstadt, 1971, S. 344.

⁶ Ibid., S. 351.

⁷ Beiträge zum Vergleich der Wirtschaftssysteme. B., 1970, S. 21.

временных условиях, в обстановке обострения идеологической борьбы буржуазные идеологи усилили работу в области теории «экономических систем» и пытаются оказывать идеологическое давление на социалистические страны и трудящиеся массы в капиталистических странах, используя в возрастающей степени именно это идеологическое оружие. В ФРГ, например, был основан «Комитет по сравнению экономических систем». Этот «комитет» возник из «Комитета по исследованию экономики Восточной Европы» и предполагает продолжать его работу лишь в одном направлении — в области сравнения экономических систем. При этом подчеркивается, что рамки работы должны быть значительно расширены, должны ставиться новые вопросы и привлекаться новые методы. Теория «экономических систем» с точки зрения буржуазных экономистов призвана играть не только теоретически-идеологическую, но и определенную практически-политическую роль; указывается, что на сравнение экономических систем ориентируются важные политические решения.

Что же является предметом исследования буржуазных теорий «экономических систем»? Казалось бы, он определен достаточно ясно и четко уже самим названием этих теорий. Однако судить о предмете исследования буржуазных теорий «экономических систем» лишь по названию, которое они сами себе присвоили, по той вывеске, которая красуется над этими теориями, было бы серьезным заблуждением. Сам термин «экономическая система», используемый буржуазными экономистами, еще ничего не говорит о содержании, которое вкладывается ими в это понятие.

Между марксистским пониманием термина «экономическая система» и буржуазным пониманием того же термина существуют различия принципиального характера. Марксистская политическая экономия критикует буржуазные теории «экономических систем» отнюдь не за то, что эти теории оперируют термином «экономическая система». Понятие «экономическая система» играет важную теоретическую роль в марксистской политической экономии. Это понятие использовали классики марксизма-ленинизма, этот термин мы находим и в Конституции СССР. Понятие «экономической системы» широко используется и в политической экономии социализма, разрабатываемой советскими экономистами. Так, например, Н. П. Федоренко пишет, что «в широком смысле слова экономическая система понимается как система общественного производства, т. е. как совокупность производительных сил и производственных отношений». «...В узком смысле слова,— продолжает Н. П. Федоренко,— под экономической системой подразумевается система производственных отношений, соответствующая данному конкретному способу производства»⁸.

⁸ Математика и кибернетика в экономике. М., 1975, с. 500.

В дальнейшем мы подвергнем специальному рассмотрению вопрос о том, что понимают отдельные буржуазные теоретики под «экономической системой». Однако уже теперь можно со всей определенностью сказать: то, что буржуазная теория выдает за «экономическую систему», на самом деле представляет собой либо отдельные произвольно выхваченные элементы хозяйственного механизма, либо механическую смесь, состоящую из разнородных элементов производительных сил, хозяйственного механизма, а также социальных и правовых элементов. Необходимо отметить и то, что между этими элементами в буржуазной теории «экономических систем» отсутствует какая-либо органическая, системная связь, проблема их взаимодействия как целостной системы буржуазной теорией не решена. И, наконец, в буржуазной теории экономическая система предстает прежде всего как технико-экономическая категория, из которой выхолощено социально-экономическое содержание.

Буржуазному понятию «экономическая система» (как абстрактному, так и реальному ее типу) в марксистско-ленинской политической экономии противостоит система таких органически связанных между собой категорий, как способ производства, социально-экономическая формация и экономическая система.

Обратившись к анализу производства, марксизм показал, что производство представляет собой совокупную деятельность людей, взаимосвязанных друг с другом. Впервые в истории экономической науки марксизм из всей суммы отношений людей выделил производственные отношения, общественные отношения, непосредственно связанные с процессом производства. Производственные отношения — это отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и предметам труда. Производственные отношения охватывают всю совокупность отношений производства, распределения, обмена и потребления. Отношения обмена или отношения производства являются лишь одним из звеньев всей цепи производственных отношений.

Производственные отношения это отнюдь не отношения, каждое из которых независимо от другого, это отнюдь не беспорядочное нагромождение, хаос отдельных элементов. Нет, все производственные отношения находятся в теснейшей связи друг с другом, образуют определенную систему. В качестве основы системы производственных отношений выступает собственность на средства производства, являющаяся не только правовым, но огромной важности экономическим отношением. К. Маркс характеризовал собственность в качестве связи, которая соединяет все формы (буржуазного) производства⁹. Формой собственности на средства производства порождается определенный способ соединения людей со средствами производства. В систе-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 406.

ме производственных отношений собственность на средства производства представляет собой глубинное производственное отношение.

Марксистско-ленинская политическая экономия не только не отрицает, но подчеркивает огромную важность исследования экономических систем. К. Маркс указывал, что наука должна подвергать анализу «скрытую структуру буржуазной экономической системы» и политическая экономия должна выявить «внутреннюю связь экономических категорий»¹⁰⁻¹¹.

Классики марксизма-ленинизма считали, что экономическая наука должна, во-первых, дать основные понятия о различных системах общественного хозяйства и, во-вторых, выявить коренные черты каждой системы. В. И. Ленин прямо указывал, что задача политической экономии состоит в том, чтобы дать основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы. Таковую внутреннюю связь, такие коренные черты и представляют собой производственные отношения, складывающиеся в единую органическую совокупность, экономическую систему.

Единство «производственных отношений и производительных сил характеризует способ производства». «*Капиталистическим производством*, — писал Маркс, — мы называем такой общественный способ производства, при котором процесс производства подчинен капиталу, т. е. который основывается на отношении между капиталом и наемным трудом»¹². Таким образом, в определении Марксом сущности капиталистического способа производства эта сущность характеризуется через выявление отношения между рабочей силой, с одной стороны, и той формой, в которой выступает по отношению к ней собственность на средства производства, — с другой.

В Конституции СССР записано, что основу экономической системы СССР составляет социалистическая общественная собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности.

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с такой важнейшей категорией, как *экономическая система страны*. Мы разделяем точку зрения тех советских экономистов, которые характеризуют экономическую систему страны как конкретно-историческую форму функционирования и развития данного экономического базиса¹³.

В. И. Ленин отмечал, что понятие социально-экономической формации появилось в результате того, что Маркс указал на ведущую роль экономики «посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отно-

¹⁰⁻¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 177.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 148.

¹³ См., например: Вопросы экономики, 1978, № 3, № 9.

шения»¹⁴. Социально-экономическая формация отнюдь не сводится к способу производства. Понятие социально-экономической формации основано на представлении о взаимодействии производительных сил, экономического строя и надстройки. Энгельс писал, что «историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими... может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»¹⁵. Маркс подчеркивал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹⁶.

Методологически чрезвычайно важно указание классиков марксизма на то, что абсолютно «чистых» формаций вообще не бывает. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? — спрашивал Ф. Энгельс в письме Конраду Шмидту. — Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка»¹⁷.

Маркс и Ленин, давая пример дифференцированного подхода к капиталистическим странам, различали их по степени «чистоты» господствовавших в них буржуазных отношений.

В. И. Ленин подчеркивал, что даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитии капитализме, — неодинаковы в их конкретном виде в разных странах.

Учение о прогрессивной смене способов производства, социально-экономических формаций является одним из важнейших положений всей марксистско-ленинской теории. Социально-экономические формации представляют собой определенные стадии в организации общества, однако в рамках этих социальных типов общественного развития имеется значительное разнообразие конкретных форм. Отсюда вытекает необходимость пристального изучения этих форм, в том числе разработки типологии каждой из социально-экономических формаций. Потребность в этом диктуется прежде всего объективными причи-

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 84.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф., т. 25, ч. II, с. 354.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 356.

нами — накоплением большого материала, свидетельствующего о многообразии форм организации и жизни общества при прохождении народами одних и тех же, единых и общих ступеней общественного развития. Все это позволит уточнить и углубить содержание самого понятия «социально-экономическая формация», а вместе с тем до конца разоблачить попытки наших идеологических противников приписать марксистской историографии искусственную нивелировку многообразия исторического процесса»¹⁸.

В «Манифесте Коммунистической партии» указывается, что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»¹⁹. Важнейшая роль вопроса о коренной ломке частнокапиталистических отношений собственности связана с тем, что ими определяется характер господствующих при капитализме производственных отношений. Уничтожение частной собственности и переход к общественной собственности на средства производства позволил социалистическому обществу освободиться от экономической стихии.

Однако отсутствие экономической стихии отнюдь не означает, что экономический строй развитого социализма можно отождествлять с моделью «тотального центральноуправляемого хозяйства», как это пытаются делать буржуазные теоретики. «Поразительно многообразие всей создаваемой в стране за год продукции — свыше десяти миллионов наименований! Есть ли надобность в том, чтобы весь этот постоянно изменяющийся поток управлялся из единого центра? По-видимому, нет, да это, пожалуй, и не под силу было бы Госплану, даже если бы его штаты увеличить в несколько раз. Планирование и обеспечение выпуска многих видов продукции — дело местных органов. Ряд видов продукции относится к областной компетенции, межобластной (экономического района), республиканской. Основные же вопросы, связанные, например, с добычей нефти, не следует выпускать из-под контроля Госплана СССР. Это касается и планирования укрупненной номенклатуры по всей совокупности общественных потребностей»²⁰.

Общественная собственность на средства производства, являющаяся основой экономической системы СССР, определяет и коренные преимущества этой экономической системы над экономической системой капиталистических стран. Эти преимущества выражаются в динамизме развития народного хозяйства, в высоких и устойчивых темпах экономического развития, в неоспоримых социальных преимуществах, в возможности постоянного совершенствования хозяйственного механизма.

¹⁸ Подробнее см.: Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975, с. 9.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 438.

²⁰ Экономическая система социализма, ее основа и преимущества. — Правда, 1978, 13 янв.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» И ИХ МЕТОДОЛОГИЯ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ» И ЕЕ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ ШКОЛ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Анализ любой экономической теории невозможен без рассмотрения ее методологии, исходных посылок, понятийного аппарата. Исходные понятия теории «экономических систем» исключительно сложны, методологические вопросы, связанные с основными проблемами теории научного познания, вплетены в эту теорию самым тесным образом. Теория «экономических систем» создавалась не на пустом месте, ее методологические корни уходят в XIX в., когда между буржуазными политэкономами велись ожесточенные споры по целому ряду методологических вопросов.

В теории «экономических систем» отмечается серьезный терминологический разнобой; внешне одинаковые термины при более близком знакомстве с ними несут в себе разное содержание, т. е., по существу, являются различными понятиями. Все это превращает критический анализ теории «экономических систем» в сложную задачу, делает необходимым подробное рассмотрение ее методологии не только в том виде, как она применяется в настоящее время, но и в определенном историческом развитии.

Теория «экономических систем», претендуя на роль самостоятельной экономической дисциплины, столкнулась с весьма серьезными методологическими проблемами. Необходимо отметить, что сами буржуазные экономисты вынуждены признать, что методологический инструментарий, использовавшийся до сих пор в этой области, является неудовлетворительным.

Весьма любопытна в этом свете та критика, с которой выступают западногерманские экономисты по адресу своих английских и американских коллег. Западногерманские экономисты указывают, что хотя англоязычная литература по теории «экономических систем» весьма обширна, однако не дает «пригодного метода сравнения экономических систем», в ней «преобладает наивный эмпиризм в форме чисто описательного ана-

лиза». Английским и американским экономистам бросается серьезный упрек в отсутствии интереса к методологическим проблемам вообще. Не вдаваясь подробно в методологическую междуусобицу между отдельными национальными школами буржуазной экономической теории, отметим лишь, что претензии западногерманских экономистов на разработку соответствующей методологии также следует признать несостоятельными.

Прежде чем проводить сравнение различных экономических систем, необходимо выявить сущность самого понятия «экономическая система», установить, что должно служить критерием для определения этого понятия.

Что же понимают буржуазные теоретики под «экономической системой», какой смысл вкладывают в это понятие? Каков предмет исследования нового направления буржуазной экономической теории?

Известно, что процессу разработки того или иного экономического понятия в буржуазной экономической теории придается исключительное значение, экономические дефиниции отбатываются весьма тщательно. Тем многозначительнее тот факт, что до сих пор проблема разработки единообразного определения «экономической системы» в буржуазной экономической теории не решена. Например, в буржуазной политэкономии ФРГ существуют самые различные термины, определяющие «экономическую систему» и заключающие в себе различное содержание: «экономическая система» у В. Зомбарта, «экономический строй» и «экономическая система» у В. Ойкена, «экономический стиль» у А. Шпитгофа, «основная хозяйственная форма» у Х. Серафима, «экономико-политическая система» у Г. Гирша и т. д. Правда, в настоящее время в буржуазной политэкономии ФРГ все шире используется термин «экономическая система» (как и в англосаксонской буржуазной политэкономии), однако семантическое единообразие отнюдь не предполагает методологического единства между буржуазными экономистами в определении сущности «экономической системы».

Большинство определений «экономических систем», встречающихся в современных работах буржуазных авторов, носят общий характер, расплывчаты. Экономические системы рассматриваются как «формы взаимодействия экономических институтов», как «формы организации экономической деятельности».

Вот несколько примеров определения «экономических систем» буржуазными авторами:

В. Лоукс: «Нас интересуют здесь различные формы экономической организации, т. е. различные экономические системы, через которые человек пытается осуществить свои желания». «Экономическая система состоит из таких институтов, которые данный народ, или нация, или группа наций избрала или приняла как средство, с помощью которого происходит использование их ресурсов для удовлетворения человеческих желаний».

«Институт — это просто метод сделать что-то, путь принятия решений по какому-либо вопросу, метод управления чем-то»¹.

Г. Гроссман: «Комплекс институтов, который характерен для данной экономики, представляет собой ее экономическую систему»².

Г. Оркатт: «Экономические системы — это комплексы организаций, включающих поведение сотен миллионов сложных, принимающих решения единиц и их взаимодействие»³.

А. Грачи: «Экономическая система является развивающейся моделью или комплексом человеческих связей, которая использует дефицитные ресурсы, с целью удовлетворения различных частных и общественных нужд в товарах и услугах»⁴.

С. Букингэм: «Экономическая система, по существу, является группой взаимозависимого контроля над всеми ресурсами производства»⁵.

К. Ландауэр: «Экономическая система может быть определена как совокупность механизмов, с помощью которой среди альтернативных целей определяется предпочтительная цель экономической активности и посредством которой индивидуальная деятельность координируется для достижения этих целей. Центральной проблемой любой экономической системы является аллокация ресурсов»⁶.

По М. Готтлибу, экономическая система — это «организационная модель действий»⁷.

М. Борнштейн говорит об «организации, операциях и результате экономической системы»⁸.

К. П. Хензель: «Понятием экономическая система, как правило, обозначаются определенные внешние условия экономической жизни, которые могут или должны воздействовать на аллокацию ресурсов»⁹.

П. Кнриш: «Общее определение экономических систем должно относиться к элементам и связям между элементами в экономическом процессе, т. е. человеческой деятельности, которая направлена на получение средств для удовлетворения потребностей, в той мере, в которой она ведет к образованию системной совокупности»¹⁰.

Как видно из приведенных определений, многие из них являются просто бессодержательными тавтологиями. В других оп-

¹ *Loucks W.* Comparative Economic System. N. Y.; L., 1964, p. 3.

² *Grossman G.* Economic Systems. Englewoodcliffs, N. Y., 1967, p. 3.

³ *Orcutt G.* Simulation of Economic Systems. AER., 1960, p. 901.

⁴ *Crucky A.* Comparative Economic Systems. Boston; N. Y., 1961, p. 8.

⁵ *Buckingham S.* Theoretical Economic Systems: A comparative Analysis. N. Y., 1958, p. 6.

⁶ *Landauer C.* Contemporary Economic System. Phil., N. Y., 1964, p. 2.

⁷ *Gottlieb M.* The Theorie of an Economic System. AER, Papers and Proceedings, 43, 1953, 2, p. 353.

⁸ *Bornstein M.* Comparative Economic Systems. Homewood, 1965, p. VII.

⁹ Beiträge zum Vergleich der Wirtschaftssysteme, S. 37.

¹⁰ Ibid., S. 14.

ределениях экономических систем все содержание сводится к «кибернетическому» аспекту, специфика экономической системы в них полностью исчезает. С точки зрения экономиста подобного рода определения столь же бессодержательны, как и первая группа определений. В третьей группе определений экономическая система предстает как «комплекс институтов» (или «комплекс организаций»). И, наконец, четвертая, наиболее многочисленная группа в той или иной форме, с той или иной степенью определенности опирается на одно из основных положений теории «экономических систем», положение о том, что сущностью экономической системы является проблема использования, комбинирования дефицитных ресурсов. Буржуазные экономисты говорят в этом случае об «аллокации», имея в виду распределение производственных ресурсов между альтернативными целями их использования. «Связь проблемы эффективности с проблемой организации проложила дорогу научно-теоретическому рассмотрению проблемы экономической системы», — утверждает западногерманский профессор Кристиан Ватрин.

Во многих работах по «экономическим системам» утверждается, что именно этот подход, именно это определение не только нашло широкое признание, но оно является одновременно фундаментом высокоразвитой логики решений. Такая методологическая посылка, заключающаяся в значительном ограничении содержания экономического процесса и постановке в центр экономической системы проблемы «аллокации ресурсов», обусловлена стремлением во что бы то ни стало доказать преимущества капиталистической системы хозяйствования перед системой социалистической.

Различия в определениях экономической системы у буржуазных экономистов часто отражают и различный подход отдельных авторов к рассматриваемой проблеме. За разнообразием в словах, терминах, понятиях стоит зачастую методологический разброд, который, однако, имеет определенную границу, определяемую основной задачей буржуазной политекономии — защитой капиталистического строя. Весьма примечательно, что в вопросе о том, что является центральной проблемой экономической системы у буржуазных экономистов, в большинстве случаев существует достаточно полное единство. Модели экономических систем у разных буржуазных авторов могут быть различными, они состоят из разного числа системных элементов, но komponуются эти системные элементы, как правило, именно вокруг процесса «аллокации» ресурсов, который большинством буржуазных экономистов объявляется центральной проблемой любой экономической системы, ее важнейшим экономическим процессом, ее сердцевиной.

Главная хозяйственная проблема у всех систем одна — проблема распределения ресурсов, но вот способы решения этой проблемы могут быть разными, утверждают буржуазные экономисты, а отсюда выводится и возможность существования

различных экономических систем. Буржуазные концепции экономических систем различаются не тем, что признается центральной проблемой экономического строя (здесь между ними существует относительное единство), а тем, какие элементы следует выделять, чтобы описать экономическую систему, какие из них являются главными, какие второстепенными.

В подходе буржуазных теоретиков к сущности экономической системы можно выделить ряд направлений, далеко неравнозначных по своему удельному весу, роли, признанию в рамках буржуазной теории. Главными направлениями являются *неоклассическое*, опирающееся прежде всего на концепции в этой области неолиберальной школы В. Ойкена, и *институционально-социологическое*, причем совершенно отчетливо прослеживается связь и преемственность последнего с методологией исторической школы.

Примечателен тот факт, что (хотя теория «экономических систем», по утверждению буржуазных экономистов, является «ядром политической экономии»), неоклассическая теория, составляя ортодоксальную основу всей буржуазной политэкономии, долгое время не имела своей, построенной в рамках этой школы и адекватными ей методами, теории «экономических систем». А ведь проблема создания «экономических систем» была поставлена крайне остро ортодоксальной политэкономией буржуазного класса еще в XIX в. — с выходом на политическую арену рабочего класса, возникновением марксизма, с изданием «Капитала». Социалистическая революция в России и переход СССР к построению социализма сделали для буржуазии существование вакуума в этой области просто невозможным. Однако прошли годы, прежде чем неоклассическая школа смогла получить такую теорию «экономических систем», которая соответствовала бы ее основным методологическим посылкам. Этой теорией является теория «экономических систем» неолиберальной школы.

При кибернетическо-организационном подходе экономическая система рассматривается буржуазными экономистами под углом сбора и переработки экономической информации, как система, в которой действуют определенные прямые и обратные связи и т. д. В работах буржуазных экономистов, применяющих подобного рода подход, экономические системы делятся в соответствии с неолиберальной методологией на два типа — «рыночную» и «центрально-управляемую» экономику.

При функциональном подходе экономическая система рассматривается буржуазными авторами как организация, выполняющая целый ряд экономических функций: наряду с функцией «аллокации» дефицитных ресурсов для производства «полезных» товаров и услуг рассматриваются и такие функции, как финансирование процесса производства, развитие технического прогресса и др. Поскольку между выполнением отдельных функ-

ций в экономической системе капитализма могут существовать противоречия, то буржуазные экономисты заняты поисками оптимума, при котором можно было бы получить наиболее «целесообразную» одновременную реализацию всех означенных функций.

2. АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИИ «РЕАЛЬНОГО» И «ИДЕАЛЬНОГО» ТИПОВ ХОЗЯЙСТВА

Буржуазная экономическая теория пытается в настоящее время проводить строгое различие между понятиями «экономическая система», «экономический строй», с одной стороны, и «экономическая ступень», «экономическая стадия» — с другой. Причем делается это даже безотносительно к тому, как определяется понятие «экономика». Хотя считается, что между понятием «экономическая система» и понятием «экономическая ступень» есть много общего, поскольку и то, и другое понятие призваны дать представление об экономике как о «комплексном явлении человеческого бытия», однако признается, что между ними существует антиномия, они противоположны, поскольку в основе каждого из них лежит применение различных *методов*.

Необходимо отметить, что возникновение и развитие теории «экономических ступеней» происходило под влиянием исторической школы и тех ожесточенных споров внутри буржуазной политэкономии по методологическим вопросам, которые велись между К. Менгером, с одной стороны, и Г. Шмоллером — с другой.

В центре методологических разногласий между Г. Шмоллером и К. Менгером стоял вопрос о применении индуктивного и дедуктивного методов познания в экономической теории, о месте эмпирического материала в этой теории. Началом крупного методологического конфликта в буржуазной политэкономии следует, по-видимому, считать 1883 г., когда вышла методологическая работа К. Менгера, получившая отрицательную оценку в ежегоднике, издававшемся Г. Шмоллером.

К. Менгер, представитель австрийской школы, видел прежде всего априорно-аналитическую логику экономических феноменов, он выступал адептом дедуктивного метода в политической экономии, обосновывал необходимость и возможность построения теоретических конструкций из одной или нескольких посылок общего характера (аксиом). Достаточно хорошо известной аксиомой подобного рода, часто применяемой буржуазными экономистами, является конструкция «экономического человека» («хомо экономикус»), логическое развитие которой позволяет получить такие «теоретические» выводы, которые имеют явный апологетический характер по отношению к экономической системе капитализма. С помощью подобного метода отдельные экономические явления должны были встраиваться,

включаться в общие закономерности экономической жизни. Представители математического метода в буржуазной экономической теории до сих пор восхваляют Менгера как защитника «позиций теории против нападок Шмоллера».

Представитель «молодой исторической школы» Г. Шмоллер видел в экономических явлениях прежде всего их исторический характер. Экономические феномены с его точки зрения должны были быть отнесены к сфере исторических явлений. По мнению Шмоллера, их можно понять только с помощью индуктивного метода. Это означало, что общие закономерности экономической жизни могут быть получены не на основе априорных рассуждений, а в результате наблюдений большого числа фактов одного и того же характера. Отвергая априорные экономические закономерности, представители исторической школы пытались в то же время на путях эмпирического анализа открыть закономерности развития народного хозяйства. В этот методологический конфликт были вовлечены многие буржуазные экономисты, в споре этом до сих пор не сказано последнее слово, в настоящее время в буржуазной политэкономии дело идет к «реабилитации» позиций Г. Шмоллера (в свое время за это активно выступал Шумпетер).

В буржуазной политической экономии большое место занимает дискуссия по проблеме «реального» и «идеального типа» хозяйства. Она имеет прямое отношение к теории «экономических систем», поскольку в настоящее время рассматриваемые понятия являются методологической основой для выведения «реальных» и «абстрактных» «экономических систем». Начало этой дискуссии положил один из авторов теории предельной полезности К. Менгер.

К. Менгер в своей работе «Исследование о методе социальных наук и политической экономии в особенности», изданной в 1883 г., делает различие между «реальными» типами и, как он их называет, «строгими» типами. «Реальный» тип может быть получен путем «реально-эмпирического» исследования явлений «экономической действительности», когда «фактическую регулярность» выражают в форме «эмпирических законов». Напротив, так называемые строгие типы (некоторые современные буржуазные экономисты называли бы их «идеальными типами») получают посредством точного теоретического исследования, которое обосновывает «простейшие элементы реального и формулирует строгие соотношения между ними в форме точных законов»¹¹. Таким образом, «реальные типы» по Менгеру есть нечто, что можно *наблюдать* в эмпирической действительности, и эту наблюдаемую повторяемость он называет эмпирическим законом, а «строгие типы» — это нечто, что конструируется из мыслимо изолируемых элементов реального, и логические свя-

¹¹ *Menger C. Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere. Leipzig, 1883, S. 36, 41.*

зи между ними называются «точными законами». Последние и служат по Менгеру для объяснения экономической действительности.

Особое значение придается в буржуазной политэкономии разработке категории «идеального типа», предпринятой Максом Вебером. Считается, что М. Веберу удалось добиться «синтеза эмпирии и теории», что «идеальный тип оказал серьезное влияние на развитие теории экономических ступеней и экономического строя», что его обоснование и разработка означали «начало конца» теории «экономических ступеней»¹². По сути дела в заслугу М. Веберу ставится прежде всего то, что «идеальный тип» позволил снять с обсуждения проблему развития экономического строя, проблему смены одного экономического строя другим, которая была и остается крайне болезненным вопросом для буржуазной политэкономии. «Идеальнотипический» метод позволил буржуазной политэкономии вести свою работу в совершенно иной плоскости — в плоскости «систематического» анализа экономических явлений в рамках той или иной «экономической системы», искусственно сняв все проблемы динамики экономического строя.

Свою концепцию «идеального типа» М. Вебер предложил в ряде работ, опубликованных в начале XX в. М. Вебер исходит из того, что истолкование человеческих действий и их результатов требует образования адекватных понятий, которые могут быть получены посредством «мыслимого возвышения определенных элементов действительности»¹³. Эти понятия и есть идеальные типы М. Вебера. Однако в их чистом виде эти «идеальные типы», как указывал сам М. Вебер, не могут быть эмпирически обнаружены в той действительности, из элементов которой путем возвышения они получены. М. Вебер признавал, что его «идеальные типы» являются утопией и задачей исторической науки является установление в каждом отдельном случае, как далеко отстоит действительность от «идеального типа»¹⁴. «Утопический» характер «идеального типа» М. Вебера в немалой степени определяется еще и тем, что его определение «идеального типа» допускает возвышение и таких элементов, которых вообще нет в действительности. Это положение М. Вебера впоследствии было встречено с неодобрением даже рядом буржуазных экономистов, работающих в традициях исторической школы. Эту часть определения «идеального типа» Вебера отвергал впоследствии А. Шпитгоф.

В буржуазной политэкономии принято считать, что выдающуюся роль в разработке теории «идеальных» и «реальных» типов сыграл В. Ойкен.

¹² Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen. Darmstadt, 1971, S. 10—11.

¹³ См., например: Gegenstand und Methoden der Nationalökonomie, S. 234.

¹⁴ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 130.

В работе «Основы национальной экономики» В. Ойкен выражает недовольство по поводу того, что в теории «идеального» и «реального» типов долгое время царила путаница и «в настоящее время как реальные типы, так и настоящие идеальные типы называют идеальными типами»¹⁵. Однако, указывает В. Ойкен, оба типа «преследуют различные цели, получаются различными методами и имеют различный логический характер»¹⁶. В. Ойкен считает, что в этой путанице во многом повинен М. Вебер, что его «идеальный» тип содержит «серьезные недостатки». По мнению В. Ойкена, М. Вебер «не понял ни фундаментального различия между идеальным и реальным типом, ни логического характера их обоих, ни различий в методах абстракции, которые ведут к образованию обоих типов. В результате тот тип, который он называет идеальным, имеет неопределенное понятийное содержание»¹⁷.

В качестве примера неправильного толкования М. Вебером идеального типа В. Ойкен приводит то, что Вебер считал идеальными типами экономические ступени Бюхера, в том числе неправильно называл «хозяйство города» Бюхера «идеальным типом», так же как и модель робинзонады, тогда как только последняя является по В. Ойкену подлинным «идеальным типом». «Идеальными типами» для В. Ойкена являются также «изолированное государство» Тюнена, выведенные им самим «идеальные типы» «рыночного хозяйства» и «центральноуправляемого хозяйства», «экономическое равновесие» и т. д.

Каким же образом выводит В. Ойкен свои «идеальные типы»? «Абстрагируются отдельные стороны индивидуального явления и таким образом получают идеальные типы. Точечная или изолирующая абстракция отталкивается от отдельного факта и полностью противоположна «генерализирующей» абстракции, которая пытается зафиксировать общее во многих фактах, с ее помощью работают конструкторы экономических ступеней и экономических стилей»¹⁸. «Посредством изолирующей абстракции мы редуцируем конкретные факты к их чистой форме»¹⁹.

Таким образом, важнейшей особенностью своего метода В. Ойкен объявляет применение так называемой изолирующей абстракции. Разобраться в том, что это такое, почему с помощью метода «изолирующей абстракции» получают «идеальные типы», а с помощью метода «генерализирующей абстракции» — «реальные типы», читателю работ В. Ойкена трудно. Высказывания В. Ойкена по этому вопросу весьма туманны, и коренной вопрос, чем отличаются друг от друга «идеальные» и

¹⁵ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie. B. etc. 1950, S. 40—42.

¹⁶ Ibid., S. 235.

¹⁷ Ibid., S. 268.

¹⁸ Ibid., S. 70.

¹⁹ Ibid., S. 71.

«реальные типы», только ли методами их выведения, а если так, то в чем состоят различия этих методов,— остается, на наш взгляд, невыясненным. Наконец, достаточны ли различия между «изолирующей» и «генерализирующей» абстракцией для того, чтобы различать и полученные на основе их применения такие типы, как «реальный» и «идеальный», ведь и тот, и другой тип получены путем абстрагирования, а следовательно, оба являются «абстрактными типами»; почему же один из этих типов можно характеризовать как реальный? Проанализируем те отдельные положения, которые можно отыскать у В. Ойкена по интересующим нас вопросам.

Во-первых, В. Ойкен в своих высказываниях об «изолирующей» абстракции говорит о том, что этот метод «отталкивается от отдельного факта» и для образования «идеальных типов» берутся чистые формы «одного домашнего хозяйства, одного промышленного предприятия, одного крестьянского двора». «Генерализирующая абстракция состоит в обозрении многих конкретных фактов и фиксации общих черт таких фактов в родовые понятия»²⁰. Здесь возникают сразу несколько вопросов. Прежде всего, на каком основании отдельный факт может быть положен в основу типа, не создается ли тем самым возможность для «типизации случайного»? Где критерии для отделения существенного от второстепенного? Почему увеличение числа относящихся к одной и той же сфере анализа фактов, которые кладутся в основу абстрактного анализа, должно выглядеть в качестве криминала?

Во-вторых, В. Ойкен, говоря об авторах теорий «экономических стилей» и «экономических ступеней», указывает, что они создавали свои типы посредством «генерализирующей абстракции», смотря на действительность издали, пренебрегая деталями, и пришли к результатам, которые не соответствовали действительности и не пригодны в качестве основы теоретической работы. «С самого начала,— указывает В. Ойкен,— мы действовали прямо противоположным образом. Мы стремились самым решительным образом проникнуть внутрь... отдельных конкретных домашних хозяйств и предприятий... Экономические ступени и экономические стили создавались также, как пытаются запечатлеть силуэт города, на который смотрят издали... Совершенно иначе поступали мы: мы идем в город, а в нем — внутрь отдельных домов и исследуем их от подвала до крыши... С помощью изолирующей абстракции мы нашли там идеальнотипические экономические системы с их формами центральноуправляемого хозяйства, рыночными формами и денежными системами»²¹.

Мы нисколько не утрируем подход В. Ойкена, если, развивая его метафору, скажем, что ее автор пытается установить,

²⁰ *Eucken W.* Grundlagen der Nationalökonomie, S. 254.

²¹ *Ibid.*, S. 162.

что такое «город» лишь на основе того, что из себя представляют отдельные «кирпичи», из которых построен этот город, какой марки «цемент» применялся для его строительства, какой формы «черепица» лежит на его крышах.

Для того, чтобы понять целое, необходимо знать, что из себя представляет часть этого целого. Но любое целое — это не простая сумма его частей. Экономическая система, как и любая система, это не просто сумма частей, это нечто большее и качественно отличное от суммы частей. Применяя аналитический метод разложения, дробления целого на части, абсолютизируя его, В. Ойкен впадает в непростительную крайность и по сути дела игнорирует важность и особенности процесса логического синтеза.

Что же понимает В. Ойкен под «реальными типами»? Это типы, которые имеют целью «дать отпечаток конкретного хозяйства». К ним В. Ойкен относит «экономические ступени», «экономические стили»²², «хозяйство города», «капитализм»²³, «коммунистическое хозяйство»²⁴, «средневекового человека», «капиталистического человека»²⁵, «домашнее хозяйство»²⁶ и т. д. Даже буржуазные экономисты вынуждены признать, что любое из этих отдельных понятий может быть идеальным типом, а некоторые из них могут быть *только* идеальными типами, что В. Ойкену не удалось провести разграничительную линию между идеальным и реальным типом. Представляется, что у В. Ойкена под «реальным типом» выступают такие экономические феномены и соответствующие им понятия, в которых сплелись воедино несколько «идеальных типов», или же такие типы, которые образуются посредством не одного, а большего числа типологических критериев. Таким образом, В. Ойкену не удалось, как он этого хотел, внести своей теорией типов ясность в эту проблему буржуазной политэкономии и положить конец той путанице, которая существует по этому вопросу.

Англо-американская литература долгое время вообще не знала понятий «реальный тип» — «идеальный тип». Там бытовали такие термины, как «операциональная концепция» и «конструкция» (operational concept, construct). Первое понятие определялось как описание операций, которые исследователь применяет для выявления или измерения определенного состояния или события. Конструкцией же считалось понятие, образованное с помощью проведения теоретического анализа, причем предполагалось, что это понятие нельзя сформулировать на основе наблюдаемого материала или операций с ним. Мы не будем вдаваться в подробный разбор этого подхода, отметим лишь,

²² Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie, S. 251—252.

²³ Ibid., S. 41.

²⁴ Ibid., S. 127.

²⁵ Ibid., S. 221.

²⁶ Ibid., S. 46.

что, с одной стороны, на нем лежит отпечаток методологии позитивизма, с другой — оно ложится в общую схему, предложенную еще К. Менгером, но сцепление «конструкции» с реальной действительностью здесь угадать уже просто невозможно. Однако в последние десятилетия, когда буржуазная политэкономия США все большее внимание уделяет проблеме сравнения экономических систем, проблема типологизации стала и здесь весьма актуальной и понятия «реального» и «идеального типа», абстрактной и реальной экономической системы вошли и в англо-саксонскую экономическую литературу.

В настоящее время в буржуазной политэкономии в качестве «стандартной» принята трактовка «идеального» и «реального типа», данная Ф. Махлупом. По мнению Махлупа, «реальный тип является категорией наблюдения, систематизации, описания и измерения, в то время как идеальный тип является категорией размышления». «Как скоро переходят от наблюдения, систематизации, сравнения и расчетов... к размышлению, к теоретизированию о связях явлений, реальный тип сознательно или бессознательно заменяют идеальным типом»²⁷. Как видно из этих формулировок, трактовка «реального» и «идеального типа» Ф. Махлупом мало отличается от концепции, которую защищал в свое время представитель австрийской школы К. Менгер. Основной ее порок заключается в отрыве эмпирии от теории, конкретного от абстрактного, логического от исторического. Буржуазная политэкономия так и не пришла в своей теории типов к прокламировавшемуся когда-то «синтезу» исторического и логического. Разрыв между этими подходами продолжает существовать, его корни уходят далеко в прошлое буржуазной экономической мысли и ее методологии.

Теория «идеальных» и «реальных типов» понадобилась В. Ойкену для того, чтобы на ее основе попытаться опровергнуть теорию социально-экономических формаций Маркса. По В. Ойкену получается, что капитализм, например, не является «идеальным типом», что это «реальный тип», всего лишь историческая форма, которую принял «идеальный тип» «рыночного хозяйства» в XIX в. Согласно концепции В. Ойкена основы типологизации социально-экономических формаций, данные Марксом, неверны, ее следует заменить делением экономических систем на «рыночное хозяйство» и «центральноуправляемое хозяйство». Анализ методологии теории экономических систем В. Ойкена, которая базируется на его концепции «идеальных» и «реальных типов», показывает, что претензии В. Ойкена в этой области совершенно неосновательны.

²⁷ Gegenstand und Methoden der Nationalökonomie, S. 247.

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНЦЕПЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» В. ОЙКЕНА — К. П. ХЕНЗЕЛЯ

В настоящее время наиболее распространенной теорией «экономических систем», получившей наибольшее признание на Западе, является концепция В. Ойкена. Причины «успеха» этой концепции объясняются тем, что теоретические результаты, полученные В. Ойкеном, в наибольшей степени соответствуют интересам буржуазного класса; классификация, предложенная В. Ойкеном, весьма доступна для пропагандистской обработки и распространения ее в упрощенной форме через каналы массовой информации. Кроме того, в ФРГ концепция В. Ойкена в форме теории «социального рыночного хозяйства» была поднята при правительствах Аденауэра—Эрхарда на уровень государственной доктрины. Необходимо отметить и тот немаловажный факт, что большинство буржуазных экономистов приняли концепцию «экономических систем» В. Ойкена еще и потому, что она весьма удачно вписывается в рамки общей теории *неоклассического* направления, совпадает с ее основными методологическими посылками.

В. Ойкен полагает, что с появлением его теории удалось наконец-то преодолеть «великую антиномию» экономической науки. Экономика — это сложный процесс, который постоянно меняет свою форму. Экономическая теория должна охватить все многообразие этого процесса и дать его целостный теоретический анализ. Возможно ли вследствие постоянного изменения экономических форм познать законы хозяйства, не исключает ли исторический характер хозяйства применение теоретических методов мышления, — спрашивает В. Ойкен и заявляет, что в этом заключается «антиномия национальной экономики». В. Ойкен считает, что в истории национальной политической экономики можно всегда наблюдать своеобразный «маятник»: если в стране продвигается вперед теоретический анализ, то одновременно имеет место отход от исторической действительности, и наоборот. До сих пор не удавалось осуществить взаимной увязки

исторического и статистического опыта с теоретическим мышлением¹.

В этой характеристике В. Ойкеном истории развития буржуазной экономической теории отразилась та борьба по методологическим вопросам между институционально-социологическим и неоклассическим направлениями, которая долгое время разъедала и разъедает буржуазную политэкономия изнутри и которая была порождена попытками противопоставить научному методу автора «Капитала» новый методологический подход.

«Немецкая национальная экономика попыталась разрешить эту центральную проблему следующим образом: она устранила старые неточные глобальные слова, такие, как капитализм, социализм и т. д. Одновременно она проникла в отдельные предприятия и домашние хозяйства и попыталась преодолеть антиномию посредством анализа отдельных предприятий и бюджетов. Я думаю, что это удалось»², — утверждает В. Ойкен.

Хотя в хозяйстве все связано между собой, переплетается одно с другим, продолжает В. Ойкен, экономическая теория с помощью изолирующей абстракции находит там «чистые формы» экономического строя. В. Ойкен считает, что «любое хозяйство» всех времен «состоит из различных комбинаций» этих «чистых форм». Исторической формой, в которой протекает экономический процесс и которая является результатом комбинации «чистых идеальнотипических» форм, является экономический строй. Под «экономическим строем», дает определение В. Ойкен, мы понимаем «совокупность реализованных форм, в которых повседневный экономический процесс протекает *in concreto*»³.

Экономические же системы по В. Ойкену — это «идеальные типы», это экономический строй в его идеальнотипической трактовке, содержащей необходимые признаки «идеального типа». По определению Н. Клотена, у В. Ойкена экономические системы — это «крайние случаи конкретных форм строя»⁴.

Из всех «чистых», «идеальнотипических» форм экономического строя особым вниманием В. Ойкена пользуются две: «центральноуправляемое хозяйство» и «рыночное хозяйство». Этим элементам, этим «чистым» формам он придает особое значение, особый вес, называя их «основными», «конститутивными» формами. Основанием для этого по В. Ойкену может служить то, что «все многообразие экономической действительности» может быть сведено к тому фундаментальному факту, что «все экономические действия сводятся к планам». «Вопрос о том, как должны применяться производительные силы, которыми располагает общество, т. е. вопросы *что, сколько и*

¹ Eucken W. Unser Zeitalter oder Mißerfolge. Tübingen, 1951, S. 63—64.

² Ibid., S. 65.

³ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie, S. 238.

⁴ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen. Darmstadt, 1971, S. 449.

как должно производиться, являются вопросами, которые мы называем экономическим планом...»⁵, — пишет коллега В. Ойкена по неолиберальной школе В. Рёпке. Таким образом, «план» — это по сути дела метод решения уже известной нам пресловутой проблемы «аллокации» ресурсов.

В. Ойкен возводит полученные им «конститутивные» формы в ранг «экономических систем». «Экономическая система центральноуправляемого хозяйства характеризуется тем, что направление повседневной экономической жизни общества совершается на основе плана одного центрального органа. Если же общественное хозяйство состоит из одной или многих хозяйственных единиц, из которых каждая составляет и осуществляет экономические планы, то имеет место экономическая система менового хозяйства»⁶. Таким образом, определяющим критерием в типологизации В. Ойкена является *число хозяйственных «планов»*. «Монизм» в планировании объявляется важнейшим признаком «центральноуправляемого хозяйства», «дуализм» или «плюрализм» — «менового хозяйства».

Проведем анализ концепции В. Ойкена по трем линиям. Во-первых, рассмотрим основную посылку его теории; во-вторых, проверим полученные им теоретические результаты в виде конструкции двух экономических систем на соответствие, адекватность их реальной действительности; в-третьих, попробуем выявить противоречия внутри самой концепции.

О понятии «план». Основным критерием типологизации, по В. Ойкену, является число экономических «планов», число решающих, «планирующих» единиц, число хозяйственных единиц. Именно по этому критерию проходит согласно концепции В. Ойкена, кардинальное различие между экономическими системами «центральноуправляемого» и «менового хозяйства». В этой связи важно, чтобы содержание понятия «план» было единым при любом числе «планирующих» единиц. В противном случае становится совершенно неясным, что является критерием типологизации — число «планирующих» единиц или совершенно разное существо «планов». В формулировке системообразующего критерия В. Ойкена это последнее различие скрыто, затушевано.

Неолиберальное направление обходит эту трудность, объявляя сущностью плана решение вопросов, «что, как и для кого», что является общепринятой в настоящее время трактовкой содержания понятия «план» в буржуазной политэкономии. В результате «план» в «центральноуправляемом» хозяйстве *целиком* (т. е. все три вопроса — что, как и для кого) составляет и осуществляет центральный орган, а в «меновом хозяйстве» (с числом решающих единиц ≥ 2) также *целиком* — отдельные хозяйственные единицы. Таким образом, на первый взгляд полу-

⁵ Röpke W. Civitas humana. Erlenbach; Zürich, 1946, S. 37.

⁶ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie, S. 79.

чается, что формальная логика соблюдена, понятие плана не меняется при переходе от одного числа решающих единиц к другому, единственным критерием служит изменение самого числа «решающих» единиц. Однако здесь нужно сказать, что вполне мыслима и такая абстрактная модель, в которой только вопросы «что» и «как» будут решать отдельные хозяйственные единицы, а вопрос «для кого», т. е. вопрос установления цен факторов, будет изъят из их экономических «планов», его будет решать совсем другой орган. (В условиях, когда буржуазное государство расширяет свое вмешательство в экономику, случаи прямого установления ставок заработной платы и процента не столь уже редки, так что составление подобной модели не лишено оснований). Но в этом случае понятие «план» оказывается разорванным. Даже в той трактовке, которая дается неолиберальной школой, его содержание различно для различных «планирующих» субъектов. Выходит, что содержание «плана» играет свою собственную, самодовлеющую роль и экономические системы не могут быть объяснены, выведены лишь по критерию числа «планирующих» единиц.

Но здесь возникает вопрос, может быть и само содержание понятия «план» можно объявить решающим или дополнительным и самостоятельным системообразующим признаком? В этом случае и содержание «экономических систем» должно измениться (и число их возрастет). Выходит, что для выявления «экономических систем» необходим другой, более содержательный, более глубокий критерий, который бы объяснил и различное содержание «планов» даже в той трактовке, которая дается самой неолиберальной школой. Вывод из этого следующий: понятия «план» с его вечной, неизменной субстанцией, т. е. в его «идеальнотипической» трактовке В. Ойкеном, не существует; оказывается, что методология «идеального типа» решающим образом подводит В. Ойкена при формулировке самых основных, исходных его положений.

Об экономических системах «центральноуправляемого хозяйства» и «менового хозяйства». Для В. Ойкена «центральноуправляемое хозяйство» и «меновое» хозяйство — «идеальные типы», т. е. понятия, которые получены с помощью методологии, призванной преодолеть разрыв исторического и логического. Однако никакого «синтеза» у В. Ойкена не получилось. Разговоры о «синтезе» понадобились лишь для того, чтобы придать этой теории видимость строгой объективности (известно, что В. Ойкен в своих работах неоднократно повторяет, что его «идеальные типы» извлечены непосредственно из экономической действительности). Кроме того, рассуждения о совершенно новом методе понадобились именно для того, чтобы повести атаку на теорию Маркса, которая создана с помощью метода, действительно сочетавшего абстракцию с историческим анализом. Метод В. Ойкена полностью отрывает абстракцию от исторического анализа. И не случайно В. Ойкен так резко вы-

ступает против идеи развития, заложенной в теории «экономических ступеней», против «шаблонизации» экономической действительности в виде «фаз, стадий и ступеней». Концепция В. Ойкена отличается ярко выраженным статическим характером, его «экономические системы» лишены какого-либо динамического характера, им не из чего и некуда развиваться, они не имеют ни прошлого, ни будущего. В результате историческое развитие предстает у В. Ойкена как результат механической комбинации «идеальных типов», хаотически чередующихся друг с другом вне какой бы то ни было закономерной связи, исторический прогресс здесь полностью отсутствует.

Другим важным моментом в методологии В. Ойкена, которая приводит его к выведению экономических систем «центральноуправляемого» и «менового хозяйства», является применение так называемой изолирующей абстракции. Посредством этого приема В. Ойкен вырывает свои «идеальные типы» из экономической действительности, где они существуют не в чистом виде, а в «сплаве» с другими формами⁷. Этим В. Ойкен полностью нарушает те реальные системные связи, в которых находились эти категории в реальной действительности, в системе экономических отношений. Нарушив эти важные системные связи, В. Ойкен трансплантирует полученные им категории на почву своей теории, не восстанавливая прежних, действительных системных связей, а заменяет их такими, которые логически вытекают из абсолютизации «идеальных типов» «центральноуправляемого» и «менового хозяйства». Важнейший порок методологии В. Ойкена в том, что «идеальные типы» «центральноуправляемого» и «менового хозяйства», полученные им при анализе предприятий и домашних хозяйств, т. е. на микроуровне, превращаются им в «экономические системы»; т. е. понятия общехозяйственные. Абсолютизация микроэкономического анализа, перенесение его результатов на экономику в целом — характерная черта методологии всей неоклассической школы. В результате для В. Ойкена и его последователей всегда большим местом остается воссоздание на базе теории «идеальных типов» реально существующих экономических систем. Они предстают как «механическая комбинация» «центральноуправляемого хозяйства» и «менового хозяйства», связи в этой модели носят надуманный, механический характер, они не отражают действительных связей экономической системы.

Происходит это оттого, что «меновые», рыночные отношения, по наличию или отсутствию которых В. Ойкен и вся неолиберальная школа отличают одну экономическую систему от другой, на самом деле присущи исторически самым различным способам производства. Товарно-денежные отношения существовали и в условиях рабовладельческого строя, и при феодализме, существуют они и при капитализме, и в условиях социа-

⁷ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie, S. 209.

лизма. Таким образом, существование товарно-денежных отношений является общей чертой указанных способов производства. Однако для характеристики каждого из них этого еще далеко недостаточно. Например, сущность капитализма не исчерпывается наличием товарно-денежного обращения. К. Маркс показал, что «капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже сдню это историческое условие заключает в себе целую мировую историю»⁸.

Теория В. Ойкена оставляет вне рамок экономической системы действие целого ряда важнейших социально-экономических факторов, экономические системы В. Ойкена замкнуты, они имеют закрытый характер.

О понятии собственности. В. Ойкен всячески стремится признать в своем анализе решающую роль собственности на средства производства. «Маркс,— считает В. Ойкен,— так односторонне выдвинул вопрос о собственности в центр своих идей, что решающий вопрос о форме направления экономического процесса... остался в тени»⁹.

Подобная позиция была продиктована самой целью исследования В. Ойкена. Она заключается в стремлении преодолеть «невыносимое состояние, в котором такие неточные определения, как капитализм и социализм, должны лежать в основе теоретического анализа». Отказ от объективного анализа социально-экономической действительности, обусловленный классовым подходом, классовыми интересами, сказался в дальнейшем самым пагубным образом на научной содержательности исследования.

Категория собственности все же появляется в анализе В. Ойкена, но это отнюдь не изначальная, фундаментальная категория анализа. Категория собственности вводится в анализ только после того, как он фактически завершен, это введение происходит *a posteriori*. Расписав преимущества конкуренции, ее эффективность, В. Ойкен заявляет, что конкуренция может быть обеспечена лишь на основе существования частной собственности.

Серьезнейшие противоречия в трактовке В. Ойкеном такого основного понятия, как «план», связаны с тем, что это понятие не связано с категорией собственности, иначе это понятие не могло бы иметь столь метафизического характера, имело бы различное содержание в зависимости от формы собственности на средства производства. Антиисторический характер экономических систем В. Ойкена обусловлен тем, что в его экономических системах отсутствуют производственные отношения, связанные с характером собственности.

Согласно марксистской теории форма собственности на средства производства играет системообразующую роль, поскольку

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 23, с. 181.

⁹ Цит. по: Ordo. Bd. 2, 1949, S. 52.

она определяет способ соединения рабочей силы со средствами производства. Категория собственности придает способу производства через указанное отношение не только системный, но и динамический, исторический характер, поскольку в ходе истории происходит смена форм собственности. Таким образом, способ производства — это не только экономическая система, но одновременно такая экономическая система, которая имеет свои исторические координаты. Причем, что очень важно, историческое развитие этой системы происходит не под влиянием факторов, лежащих вне ее, а в результате самодвижения, саморазвития, под действием эндогенных факторов, противоречий, возникающих между производительными силами и производственными отношениями, определяемыми формой собственности на средства производства. И, наконец, экономическая система Маркса — это не замкнутая, а открытая система, ибо она связана как подсистема с более широкой и всеобъемлющей системой социально-экономической формации. Роль категории собственности в установлении этой связи также исключительно велика.

В концепции В. Ойкена имеется и целый ряд других серьезных противоречий. Остановимся еще на одном из них. Так, В. Ойкен считал, что «идеальному типу» соответствует система «тотального центральноуправляемого хозяйства». Вместе с тем он указывал на два варианта центральноуправляемой экономики, ее подвиды: «центральноуправляемое хозяйство со свободным обменом потребительских товаров» и «центральноуправляемое хозяйство со свободным потребительским выбором». В соответствии с основным принципом концепции В. Ойкена, т. е. при полной реализации принципа центральной экономической власти, не может существовать никакой свободы потребительского выбора. Такой и является «тотальная» модель В. Ойкена. В этой экономической системе полностью исключены какие-либо индивидуальные решения потребителей, семейных бюджетов, домашних хозяйств. Однако подобная «тотальная» модель не может быть подтверждена экономической историей человечества. В связи с этим для спасения «идеального типа» «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкен и пошел на признание двух указанных выше его вариантов, подвидов. Однако эти подвиды в строгом смысле уже не соответствуют тому основному принципу, который заложен в «идеальный тип» «центральноуправляемого хозяйства». Они не могут быть его подвидами, ибо в определенных, хотя и незначительных масштабах там существуют «меновые отношения». Это уже не подвиды «центральноуправляемого хозяйства», а смешанные формы, если исходить из определения самого В. Ойкена.

В результате вся теоретическая конструкция «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкена предстает как непоследовательная, содержащая внутренние противоречия, как научно несостоятельная.

При конструировании «идеальных типов» исключительную важность приобретает вопрос о том, какие «элементы» действительности кладутся в основу всей конструкции, какие из них являются главными, составляют сущность экономической (или иной) действительности, а какие из них являются второстепенными. Это один из основных вопросов, который в данном случае должен решить исследователь. Ошибка в этом вопросе может привести к самым серьезным заблуждениям. Возведение в абсолют роли лишь одного второстепенного элемента и забвение значения других чревато тем, что вся теоретическая конструкция имеет ложную основу и превращается в умозрительную модель, мало соответствующую действительности.

Именно это и можно поставить в вину теории экономических систем, созданной В. Ойкеном. Как мы уже отмечали, в его концепции, как и во всей неоклассической теории экономических систем, такой «элемент действительности», как собственность, вообще не включен в процесс логического построения теоретической конструкции. Устранение собственности из анализа В. Ойкена нарушает принципы взаимозависимости частей целого, нарушает принципы системности. В. Ойкен как бы не замечает эту категорию (этот элемент мешает ему, не вписывается в его абстрактную схему), не признает за собственностью статуса «конститутивного элемента». И лишь потом, задним числом, когда теоретическая модель экономических систем уже построена, В. Ойкен вводит собственность в систему. При этом он заявляет, что частная собственность является предпосылкой осуществления системы «рыночной экономики», а государственная собственность — предпосылкой «центральноуправляемой системы хозяйства». Но введение собственности в неоклассическую теорию экономических систем не носит органического характера, это механический акт. Поскольку в экономической действительности собственность играет огромнейшую роль (что кстати показывает и запоздалое введение В. Ойкеном в свою теорию этого важнейшего экономического феномена), а в основных посылах рассматриваемый феномен собственности отсутствует, он произвольно исключен, снят самим исследователем, то за неолиберальной теорией нельзя признать права на адекватное отражение экономической действительности. В этом свете претензии В. Ойкена на то, что в его модели, в его «идеальном типе» впервые удалось добиться синтеза исторического и логического, представляются совершенно беспочвенными.

Западногерманский буржуазный экономист К. П. Хензель рассматривает экономические системы как комбинации различных элементарных морфологических форм. Он насчитывает около 140 таких элементарных форм, включает сюда формы планирования, собственности, предприятий, ценообразования, обеспечения деньгами и т. д. Число возможных комбинаций этих элементарных форм чрезвычайно велико, а потому, по мнению К. П. Хензеля, огромно и число возможных экономических си-

стем. К. П. Хензель разделяет отдельные элементарные формы, из комбинации которых состоит «экономическая система», на «конститутивные» и «акцидентные» (несущественные, второстепенные). К «конститутивным», т. е. определяющим, элементарным формам он относит формы «планирования». По мнению К. П. Хензеля, планы разрабатываются в отдельных «социальных единицах» с применением микроэкономических критериев успеха. Планирование предполагает, что все решения об использовании редких благ должны быть скорректированы на соответствующую народнохозяйственную степень редкости. Эта ориентация является необходимым условием осуществления частичных планов, условием их увязки в систему планов.

«Частичные» планы интегрируются в общехозяйственную плановую систему. Существует столько путей для образования общехозяйственной системы, продолжает К. П. Хензель, сколько возможно способов сигнализации о степени редкости и ее изменениях. Таких способов, по мнению К. П. Хензеля, только два: о редкости «сигнализируют» либо цены на рынках, либо сальдо продуктовых плановых балансов. «Поэтому могут существовать лишь системы децентрализованного и централизованного планирования как конститутивные элементарные формы и, следовательно, лишь экономические системы децентрализованного и централизованного планирования процессов»¹⁰. Таким образом, мы имеем здесь дело с известной методологической позицией школы В. Ойкена, сформулированной, однако, применительно к потребностям современной теории «экономических систем».

2. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» В РАБОТАХ Н. КЛОТЕНА и П. САМУЭЛЬСОНА

Существенные пороки теории В. Ойкена породили в буржуазной политической экономии целый ряд попыток, имеющих целью устранить ее наиболее явные противоречия. Попытки эти направлены прежде всего на «улучшение» этой теории, ничего принципиально нового они в основные методологические принципы В. Ойкена не вносят. Однако среди работ, имеющих целью именно «улучшение» теории В. Ойкена, выделяется работа западно-германского экономиста, профессора экономики Тюбингенского университета Н. Клотена. По существу, она ставит под сомнение основные принципы типологизации В. Ойкена, хотя Н. Клотен и оговаривает неоднократно, что он целиком стоит на почве этой теории и лишь развивает ее дальше. Н. Клотен заявляет, что В. Ойкен создал «действительно признанную морфологию» экономических систем. Свою задачу Н. Клотен видит в том, чтобы

¹⁰ Beiträge zum Vergleich der Wirtschaftssysteme, S. 44.

«расширить систематику Ойкена», «поставить ее на реалистическую основу».

В самом начале своей работы Н. Клотен заявил, что он намерен заняться принципиальным обсуждением того «фундаментального критерия», который положен В. Ойкеном в основу образования им экономических систем. Н. Клотен формулирует те требования, которые он предъявляет к типологическому критерию. Во-первых, такой критерий, считает Н. Клотен, должен выявлять «решающие признаки... любого исторически неповторимого экономического строя», только тогда посредством «комбинации чистых форм» возможно будет получить модели, адекватные действительности. И «излишнее упрощение» при извлечении таких элементарных форм не менее вредно, чем «чрезмерная дифференциация». Во-вторых, считает Н. Клотен, «убедительный критерий типологизации экономических систем должен являться одновременно характерным признаком и других секторов общественного строя, если они являются теми базисными феноменами, которые детерминируют социальное бытие в целом или в его частях»¹¹.

Н. Клотен далее заявляет, что основной критерий типологизации В. Ойкена, в качестве которого тот избрал число «планирующих» единиц, означает «чрезмерное упрощение, если не разрыв между историческим опытом и теоретическим исследованием»¹². Н. Клотен утверждает, что уже сам В. Ойкен чувствовал этот недостаток своей теории. «Вероятно, он считал нецелесообразным,— замечает Н. Клотен,— подвергнуть корректировке свои чрезвычайно запоминающиеся и в настоящее время всеми применяемые идеальные типы и критерий их систематизации»¹³. По мнению Н. Клотена, этот недостаток теории Ойкена ведет к тому, что «обычно оперируют, как это делает и сам В. Ойкен, комбинацией основных конститутивных форм, но одновременно добавляют при этом дополнительно характеристику, которая касается государственного строя, социального строя, строя собственности. Не удивительно, что экономисты используют собственные типобразования, которые часто ни в коей мере нельзя характеризовать как «сплав» чистых форм»¹⁴. Все это и побудило Н. Клотена заняться составлением собственной систематики.

Н. Клотен вносит ряд изменений в критерий систематизации В. Ойкена. Первое из них, как нам кажется, не носит какого-либо радикального характера. Н. Клотен предлагает говорить не о «числе экономических планов», как это было у В. Ойкена, а о том, «какие экономические планы доминируют» — государственные или частные. Они имеют различную значимость, существует

¹¹ *Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen*, S. 450.

¹² *Ibid.*, S. 451.

¹³ *Ibid.*, S. 451, Anm. 8.

¹⁴ *Ibid.*, S. 453.

определенная ранжировка между государственными и частными экономическими «планами», и это в конечном счете характеризует структуру экономического строя. При такой постановке вопроса «идеальные типы» Ойкена, считает Н. Клотен, сохраняют свою жизнеспособность. В результате Н. Клотен различает те же два «идеальных типа» — «центральноуправляемое хозяйство» и «меновое хозяйство». Так как никаких существенных изменений в методологии здесь пока что не наблюдается, мы считаем излишним повторять наши критические аргументы, которые уже были приведены в разделе, посвященном рассмотрению методологии В. Ойкена. Введением новой формулировки, по нашему мнению, Н. Клотен лишь отказывается от той жесткой связи между типом экономической системы и числом «планирующих» единиц, которая была характерна для подхода В. Ойкена, и заменяет этот принцип более расплывчатым и неопределенным, полагая, что такой подход поможет в характеристике сложных, промежуточных форм экономического строя.

Классификация экономических систем Н. Клотена выглядит следующим образом.

I. Системы менового хозяйства

1. Идеальный тип менового хозяйства (никакой экономической деятельности государства, принцип тотальной координации).
2. Реальный тип менового хозяйства:
 - а) меновое хозяйство с налогами и учетом общих государственных задач;
 - б) меновое хозяйство с рыночным строем, установленным государством.

II. Системы регулируемого рыночного хозяйства

3. Рыночное хозяйство с вмешательством в рыночные отношения и регулированием производства.
4. Рыночное хозяйство с вмешательством в рыночные отношения, регулированием производства и цен (Германия в 1936—1939 гг.).

III. Системы центральноуправляемого хозяйства

5. Реальный тип центральноуправляемого хозяйства:
 - а) центральноуправляемое хозяйство с незначительным сектором частного производства и свободным потребительским выбором (хозяйство ГДР);
 - б) центральноуправляемое хозяйство со свободным обменом потребительских товаров.
6. Идеальный тип центральноуправляемого хозяйства (никакой частнохозяйственной деятельности, принцип тотальной субординации) ¹⁵.

Таким образом, в классификации Н. Клотена мы находим уже три экономических системы. Две из них — «центральноуправляемое хозяйство» и «меновое хозяйство» — имеют как «идеальные:

¹⁵ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 458—459.

типы», так и представлены в форме «реальных» экономических систем, третья экономическая система — система «регулируемого рыночного хозяйства» — своего «идеального типа» не имеет.

Анализ схемы Н. Клотена еще раз подтверждает тот вывод, что ни «центральноуправляемое хозяйство», ни «меновое хозяйство» в их идеальнотипической форме не могут быть реализованы в чистом виде, эти «идеальные типы» остаются чисто умозрительными конструкциями, «реальные» экономические системы предстают только как результат смещения обеих форм, обоих принципов. Схема Н. Клотена создает впечатление возможности плавного, непрерывного перехода от одного типа хозяйства к другому, без какого-либо качественного скачка, в результате последовательного и непрерывного нарастания значимости одного принципа (скажем, принципа субординации) за счет другого (координации). Такое представление о плавных переходах от одной экономической системы к другой (мы в данном случае оставляем в стороне сущность этих систем в представлении Н. Клотена) совершенно не соответствует исторической действительности.

Для данной схемы исключительно важен вопрос о том, чем определяется «доминантность», более высокий ранг одного принципа над другим. Этот вопрос Н. Клотеном не разработан, «точка перегиба» при замене одного принципа другим совершенно не выявлена, и из теории Н. Клотена не видно, с помощью какого критерия это можно сделать. Системы «регулируемого рыночного хозяйства» выступают у Н. Клотена как механический конгломерат обеих форм, обоих принципов. Чем определяется «доминантность» рыночных отношений, скажем, в экономике Германии 1936—1939 гг., по этой схеме понять совершенно невозможно. Схема Н. Клотена содержит, как нам представляется, и серьезное логическое противоречие. Если исходить из положения о «непрерывном переходе» от одной системы к другой, а именно этого положения придерживается Н. Клотен, то на каком-то этапе принцип «субординации» сравняется в своей значимости с принципом «координации» и какая-то система будет построена в этом случае на равноправном взаимодействии обоих принципов, но в этом случае нарушается основная посылка о «доминантности». Короче говоря, одна посылка исключает другую. Вот что можно сказать о первой поправке Н. Клотена к концепции В. Ойкена.

Другое изменение, которое Н. Клотен вносит в подход В. Ойкена, имеет куда более серьезный характер. Н. Клотен предлагает положить в основу типологизации экономических систем не один, а два критерия. И в качестве второго критерия он предлагает избрать критерий «строения собственности».

Причем, как это не парадоксально, обосновывает он это свое предложение ссылками на самого В. Ойкена. Н. Клотен утверждает, что в более поздней работе — в «Принципах экономической политики», В. Ойкен в значительно большей степени, чем в «Основах национальной экономики», занимается вопросом связи, су-

шествующей между собственностью и экономическим строем. В «Основах национальной экономики» В. Ойкен, например, писал, что из наличия частной собственности неверно было бы делать вывод о том, что в этом случае будет иметь место главным образом «меновое хозяйство». Н. Клотен считает, что в своем более позднем труде В. Ойкен в значительной степени уходит от позиции, которая была в значительной мере обусловлена тем, что В. Ойкен анализировал примеры «простых» «центральноуправляемых хозяйств» с примитивным, неразвитым общественным разделением труда.

Н. Клотен цитирует В. Ойкена и пишет, что «Ойкен по крайней мере в последнее десятилетие своей деятельности признал характерные комбинации между экономическим строем и строем собственности...»¹⁶ и приступает к оформлению своей позиции. В действительности, считает он, форма отношений собственности имеет основополагающее значение для характеристики реального экономического строя. Поэтому наряду с доминантностью государственного или частного управления экономикой Н. Клотен предлагает в качестве оригинального критерия рассматривать еще один, фундаментальный определитель, которым является соответствующий строй собственности. Речь здесь идет лишь об экономически дополняющем критерии, заявляет Н. Клотен, который поэтому лучше характеризовать как *вспомогательный* критерий.

Н. Клотен выделяет: приоритет частной собственности; конкурирующую комбинацию частной и государственной собственности; приоритет государственной собственности. Идеально-типическими основными формами по Н. Клотену являются: всеохватывающая частная собственность; всеохватывающая государственная собственность. Н. Клотен пытается установить «типичные соотношения» между «экономическими системами» и «строем собственности», которые он облекает в следующую схему.

Строй собственности	Свободное меновое хозяйство*	Регулируемое рыночное хозяйство	Центральноуправляемое хозяйство**
Приоритет частной собственности			Область умозрительных комбинаций
			переходная
Частная и государственная собственность		Область существенных исторических комбинаций	
		переходная	
Приоритет государственной собственности	Область умозрительных комбинаций		

* Идеальнотипическое свободное рыночное хозяйство.

** Идеальнотипическое центральноуправляемое хозяйство.

¹⁶ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 461.

Для моделей экономических систем, в которых имеется не один, а два (или несколько) системообразующих критерия, важно решение вопроса о связи между этими критериями. Н. Клотен, с одной стороны, подчеркивает, что критерий собственности является «основополагающим» критерием, что без него экономические системы, сконструированные В. Ойкенем, нереалистичны и т. д., но с другой стороны, он заявляет, что критерий собственности он рассматривает всего лишь как «вспомогательный». Однако Н. Клотен никак не расшифровывает, что это означает, содержание связи между решающим критерием «доминантности» планов и «вспомогательным» критерием собственности у него остается нераскрытым. По сути дела, Н. Клотен сначала образует свои экономические системы с помощью критерия «доминантности планов», а затем механически накладывает на полученную схему критерий собственности. Результат такого наложения и представляет собой приведенная схема. Причем в этой схеме Н. Клотена оба критерия выглядят уже как формально-равноправные. Краткая, но существенная оговорка о «вспомогательности» критерия собственности, содержащаяся в тексте, остается не раскрытой.

«Вспомогательность» критерия собственности заложена, как нам кажется, в самой процедуре образования систем, в самой последовательности логических операций — сначала экономические системы составляются по принципу «доминантности планов», а уже затем механически вводится критерий собственности. Таким образом, «вспомогательность» критерия собственности — лишь результат заранее заданного логического подхода, результат методологии самого исследователя, никак не обоснованный им, не проверенный логикой истории. Решающий же вопрос о том, почему собственности в его схеме отведена роль лишь вспомогательного критерия по сравнению с критерием «доминантности планов», почему «планы» доминируют над собственностью, а не наоборот, у Н. Клотена остается открытым.

Н. Клотен пытается оградить себя от упреков в нереалистичности, вводя так называемые переходные зоны и зоны умозрительных экономических систем. Содержательная часть его схемы, которая должна была бы представлять собой результат комбинирования одного критерия с другим, по сути дела исчерпывается тем, какие комбинации этих признаков являются реалистичными, а какие «умозрительными». Этим содержание схемы Н. Клотена и ограничивается. Тот факт, что в результате указанного комбинирования возникают такие «умозрительные» экономические системы, которые требуют специальной оговорки о их нереалистичности, говорит не в пользу методологии Н. Клотена, указывает на ее механистический характер.

Мы дали столь подробное изложение концепции Н. Клотена в связи с тем, что долгое время буржуазная политэкономия вслед за В. Ойкенем повторяла, что «решающей ошибкой» К. Маркса было якобы выдвижение им проблемы собственности на первый

план, что для создания теории «экономических систем» вопрос о собственности не имеет значения, что важнейшую роль здесь играют «формы направления экономического процесса», «число планирующих единиц» и т. д. И вот в среде буржуазных политэкономов находится экономист, который заявляет, что «форма отношений собственности имеет основополагающее значение для характеристики реальных экономических систем», собственность должна быть положена в основу типологизации в качестве одного из критериев, без этого характеристика «экономических систем» не удастся и не может удасться, что даже сам В. Ойкен чувствовал «недостатки» своей позиции и в последнее десятилетие своей жизни начал ее пересматривать.

Мы далеки от того, чтобы переоценивать позицию Н. Клотена, она во многом непоследовательна и противоречива, направлена прежде всего на «улучшение» теории В. Ойкена, но само признание буржуазным экономистом основополагающей роли собственности в качестве системообразующего критерия — факт весьма многозначительный и заслуживающий того, чтобы он был отмечен. Ибо введение собственности в качестве критерия типологизации подрывает в конечном счете позиции неолиберальной школы по этой важнейшей проблеме.

Теперь о противоречиях в позиции Н. Клотена. Давая пояснения своей схеме, Н. Клотен замечает, что она характеризует существование связи между собственностью и экономическими системами и весьма важна для анализа всех исторических экономических систем, однако эта связь «безусловно не носит характера *закономерной* связи»¹⁷ (курсив наш.—В. К.). Возникает вопрос о природе этой связи, если она не представляет собой закономерности. Что это — простая корреляция, функциональная связь? Н. Клотен не дает прямых пояснений своей позиции. Но он обильно цитирует «Принципы экономической политики» В. Ойкена, не отвергая его трактовки этого вопроса. У В. Ойкена мы находим самое превратное толкование этой связи. В. Ойкен пишет, что «хотя центральное регулирование существенных частей экономического процесса может быть долгое время связано с частной собственностью, однако напрашивается переход производственного аппарата к центральному органу с отменой частной собственности, если центральное регулирование хотят осуществлять последовательно»¹⁸. И далее: «Для существования строя конкуренции необходима частная собственность на средства производства»¹⁹.

Нам представляется, что эти выдержки из работ В. Ойкена подтверждают оценку, согласно которой причинные связи между собственностью и экономическим строем у В. Ойкена как бы перевернуты, поставлены с ног на голову. У В. Ойкена получается

¹⁷ *Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen*, S. 463.

¹⁸ *Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik*, S. 106.

¹⁹ *Ibid.*, S. 271.

так, что сначала откуда-то берется экономическая система, а уже потом для ее полной реализации она подкрепляется наиболее подходящей формой собственности. Такое превратное толкование причинных связей в данном случае не случайно, оно лежит в общем русле методологии неолиберальной школы, отрицающей историческую необходимость в процессе смены экономического строя и изображающей появление новой экономической системы как результат рационального решения. Именно поэтому причинная связь между собственностью и экономической системой в трактовке В. Ойкена выглядит перевернутой, однобокой, это дорога с односторонним движением в заранее заданном направлении. Мы остановились на этой особенности методологии В. Ойкена потому, что это отнюдь не праздный, не схоластический вопрос типа «что было раньше: курица или яйцо»²⁰, а кардинальный вопрос теории экономических систем.

«В «полностью вновь переработанном» издании своего учебника экономической теории американский экономист П. Самуэльсон посвятил последнюю главу проблеме «альтернативных экономических систем». Большая часть его книги посвящена анализу «смешанной экономики», но П. Самуэльсон рассматривает и другие системы, тщетно пытаясь придать своему трактату более широкий и даже законченный характер. «Легко видеть,— пишет П. Самуэльсон,— что, для того чтобы понять современный мир, совершенно не обязательно овладение тысяча и одним «измом». Вполне достаточно иметь представление об: (а) экономической системе *Laissez faire*, из которой развилась система смешанной экономики, (б) социализме, (в) коммунизме и (г) фашизме»²¹. Таково кредо П. Самуэльсона в области теории экономических систем, такова его классификация, которая уже сама по себе говорит о многом.

Во-первых, схема экономических систем П. Самуэльсона отличается тем, что он вообще не формулирует никакого критерия для отделения одной системы от другой. Остается совершенно неясным, на какой теоретической основе он их образует, почему их четыре, а не тысяча и одна.

Во-вторых, все изложение П. Самуэльсоном вопроса об «альтернативных экономических системах» ведется скорее в понятиях «реальных», нежели «абстрактных» экономических систем. Выделив четыре типа экономических систем, П. Самуэльсон хотя и делит все дальнейшее изложение проблемы соответственно этому на четыре части, но это деление служит ему лишь в качестве вещей, а рассматривает он реальные системы.

В-третьих, внутри четырех систем П. Самуэльсон пытается провести некоторую дифференциацию. Дифференциация эта

²⁰ Нам известно только одно место в работе В. Ойкена, где эта причинная связь толкуется иначе, но в целом это не характерно для его позиции. См.: *Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik*, S. 137.

²¹ *Samuelson P. A. Volkswirtschaftslehre. Köln, 1975, Bd. 2, S. 642.*

опять-таки не опирается на какие-либо ясно сформулированные теоретические принципы. Так, внутри «социализма» П. Самуэльсон выделяет систему французского «индикативного планирования» и «английский социализм», а среди «коммунизма» экономическую систему СССР, систему Югославии и систему Китая.

В-четвертых, необходимо указать и на то, что согласно П. Самуэльсону переходы между этими системами (имеются в виду четыре выше указанных системы.— В. К.) являются скользящими. Это положение теоретически никак не обосновывается, но в целом оно соответствует всей крайне аморфной позиции П. Самуэльсона в этой области. От подхода такого рода до теории конвергенции совсем недалеко.

Отказ от выделения критерия разграничения «альтернативных экономических систем», подмена абстрактного теоретического анализа описанием особенностей государственного устройства различных стран свидетельствует о том, что П. Самуэльсон в своем исследовании в большей мере опирается на политический, нежели политэкономический подход к разработке концепции «экономических систем». Такой подход не только не придает более «широкий и законченный» характер теории «альтернативных систем», на что претендует автор, но и делает схему «экономических систем» П. Самуэльсона более эклектическим построением даже по сравнению с теоретическими изысканиями В. Ойкена и К. Хензеля.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ТЕОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

1. КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СИСТЕМ В ТЕОРИЯХ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТУПЕНЕЙ» И «СТАДИЙ»

Буржуазная экономическая теория еще в XIX в. начала разработку типологии «экономических ступеней», т. е. концепции, несшей на себе явную печать методологии исторической школы. Такого рода развитие было обусловлено рядом причин. Прежде всего оно было обусловлено появлением марксизма, сформулировавшего свою научно убедительную концепцию экономической истории общества, его развития на протяжении целого ряда исторических эпох. Буржуазная политическая экономия пыталась противопоставить марксистской концепции смены социально-экономических формаций свою собственную теорию развития общества.

По признанию буржуазных экономистов, история буржуазной политэкономии наполнена попытками представить развитие экономической жизни как последовательность экономических ступеней. В основе различных теорий экономических ступеней, развивавшихся в буржуазной политэкономии XIX в., лежали самые различные критерии типологизации. Для Ф. Листа таким критерием был уровень производства товаров, находивший выражение в соотношении между важнейшими сферами хозяйства: сельского хозяйства, промышленности, торговли. В соответствии с этим критерием вычленялись и «экономические ступени»: «охотничье хозяйство», «пастушеское хозяйство», ступень «агрикультуры», ступень «агрикультуры и мануфактуры», ступень «агрикультуры, мануфактуры и торговли». В этой теории мы уже можем видеть те упрощенные посылки, которые в более сложной форме легли в основу теории «стадий» У. Ростоу.

Представитель старой исторической школы Б. Гильдебранд, отвергая теорию Ф. Листа, выдвигал в качестве критерия типологизации характер обмена. Он различал натуральное, денежное и кредитное хозяйство. На первой ступени по Б. Гильдебранду происходит обмен товара на товар, на второй — уже купля-продажа с помощью денег, на третьей ступени в возрастающей мере выполнение функции денег берет на себя кредит.

В основе теории «экономических ступеней» К. Бюхера лежит критерий типологизации, опирающийся на протяженность пути товара из производства в потребление. Расстояние, которое преодолевает товар между производством и потреблением, со временем становится все длиннее, и соответственно с этим в экономической истории К. Бюхер выделяет следующие ступени развития: домашнее хозяйство, производство на продажу, ремесло, домашнюю промышленность, фабрику. Как и теории Ф. Листа, концепции К. Бюхера свойствен тот недостаток, что какой-то момент технологии (в данном случае технологии сбыта) берется в качестве определяющего критерия и используется для разграничения целых экономических эпох.

Густав фон Шмоллер отвергает все существовавшие до него теории «экономических ступеней» и останавливается на новом критерии «ступени». Этим критерием служит для него «связь экономической жизни с важными руководящими органами социальной и политической жизни». По мнению Шмоллера, существуют четыре «экономических ступени»: деревенское хозяйство, городское хозяйство, территориальное хозяйство, народное хозяйство¹. В соответствии с самыми строгими принципами исторической школы понятия этих экономических ступеней не даются, они лишь описываются.

В работе под названием «Теория экономических ступеней»² В. Митчерлих в качестве основного критерия типологизации избирает принцип универсализма и принцип индивидуализма. Он объясняет, что универсализм и индивидуализм лежат в природе человека, эти принципы вечны, они будут существовать до тех пор, пока существует человек. Принцип универсализма, по мнению Митчерлиха, сводит людей вместе, удерживает их вместе. Напротив, принцип индивидуализма ведет к обособлению, к самоутверждению отдельного человека или человеческих групп. Митчерлих считает, что если приложить эти принципы к экономической жизни Западной Европы, то в ней можно выделить четыре «экономические ступени»: ступень простого и общего хозяйства (на этой ступени господствует экономический универсализм); ступень простого корпоративного хозяйства (на этой ступени наблюдается усиление экономического индивидуализма вплоть до установления некоторого равновесия между универсализмом и индивидуализмом; экономическая жизнь, с одной стороны, раздроблена и определяется существованием отдельных хозяйственных единиц, но, с другой стороны, эти хозяйственные единицы не обладают свободой, они объединены корпоративной связью); ступень индивидуального хозяйства (на этой ступени господствует экономический индивидуализм, это ступень свободных хозяйственных единиц, корпоративная связь между ними

¹ *Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen*. Darmstadt, 1971, S. 137.

² *Mitscherlich W. Die Wirtschaftsstufentheorie*. Leipzig, 1924.

более не существует, экономическая общность достигается в результате взаимодействия отдельных хозяйственных единиц); ступень сложного корпоративного хозяйства (на этой ступени наблюдается усиление универсализма, это ступень экономики с корпоративной связью на базе существования отдельных хозяйственных единиц)³.

Относительно мотивов, породивших его работу, В. Митчерлих без обиняков заявляет, что цель ее состоит в «преодолении пролетарского социализма». Методологический принцип, который используется для этого, ибо он положен в основу всей теории,— идеализм, отказ от материалистического, объективного анализа экономической истории, объяснение ее с помощью субъективно истолковываемой природы человека, существующей как вечная и неизменная категория вне зависимости от условий его бытия.

Парадокс развития буржуазной экономической мысли заключался в том, что попытки создания обобщенной теории капиталистического способа производства, теории экономического строя были предприняты прежде всего представителями исторической школы в виде концепции так называемых экономических ступеней. Однако уже сам исторический подход не устраивал буржуазию в этом вопросе — не идея революционного перехода от одного экономического строя к другому (ее, безусловно, не было в работах представителей исторической школы), а идея эволюции, которая в этих работах присутствовала. Вот почему замена идеи «эволюции» идеями статичных «экономических систем», лишенных динамики, приветствовалась буржуазными экономистами как шаг вперед. Лишь появление в период после второй мировой войны ряда работ буржуазных авторов, построенных на методологии технологического детерминизма (теория стадий У. Ростоу, теории индустриального и постиндустриального общества), оживило в буржуазном мире интерес к идее эволюции, сделав ее привлекательной для буржуазии.

Современные буржуазные экономисты с явным сожалением отмечают, что исторической школе буржуазной политэкономии не удалось противопоставить теории Маркса какой-либо серьезной контрконцепции «фронтального характера». С тем большим удовлетворением в лагере буржуазной политэкономии было встречено появление в послевоенный период теории стадий экономического роста У. Ростоу. Теория эта была провозглашена «действительной альтернативой теории развития К. Маркса».

У. Ростоу полагает, что «существует возможность характеризовать экономическое положение любого общества одной из пяти стадий роста». Этими стадиями у него являются: традиционное общество; стадия, в которой созревают предпосылки для начала экономического роста; период экономического подъема; стадия развития и зрелости; стадия массового потребления.

³ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 246—248.

Мы не будем здесь подробно анализировать теорию стадий У. Ростоу, так как этот анализ проведен нашей литературой и нет никакого смысла повторяться здесь еще раз⁴. Нашу задачу мы видим лишь в анализе методологической основы концепции У. Ростоу.

Основа подхода У. Ростоу состоит в механическом проецировании стадий роста на человеческую историю (мы не касаемся здесь вопроса о правильности характеристики самого процесса роста в теории стадий). Содержание экономической истории человечества сводится У. Ростоу к экономическому росту. Получается так, что там, где нет экономического роста, нет и истории, она еще не начиналась. По сути дела вся стадия традиционного общества выступает у этого экономиста как предыстория, ибо там ничего существенного не происходит с точки зрения процессов роста. Под углом критерия роста этот огромный отрезок человеческой истории выглядит у Ростоу просто бессодержательным. А между тем его временная протяженность, насчитывающая тысячелетия, во много раз превосходит временную протяженность всех остальных стадий роста вместе взятых, ибо в стадию «традиционного общества» У. Ростоу включает весь «дониютонианский мир».

Аналогичное положение складывается в рамках этой теории и с человеческой историей в пятой, последней стадии экономического роста. У. Ростоу оказывается не в состоянии составить какой-либо прогноз дальнейшего развития на базе своей теории. Получается так, что с окончанием фазы массового потребления экономическая история человечества заканчивается.

Буржуазные экономисты, взявшие на вооружение теорию стадий экономического роста, утверждают, что Маркс якобы «тоже ничего не сказал о том, что будет после социализма». Однако величайшая заслуга К. Маркса, жившего в условиях XIX в., как раз и состоит в том, что он предсказал и теоретически обосновал гибель капитализма и наступление социализма (и коммунизма). Жизнь полностью подтвердила научный социально-экономический прогноз К. Маркса. У. Ростоу, опубликовавший свою книгу в 60-е годы XX столетия, т. е. в то время, когда согласно его теории американское общество уже вступило в стадию массового потребления, оказался не в состоянии дать прогноз развития даже в ближайшей перспективе. Оставив человечество без прошлого, У. Ростоу лишает его и будущего, поскольку он не может дать прогноз дальнейших перспектив экономического роста и рассматривает современное американское общество в качестве венца социально-экономического и исторического развития.

⁴ См., например: *Осадчая И. М.* Критика современных буржуазных теорий экономического роста. М., ИМО, 1963; *Какое будущее ожидает человечество?* Прага: Мир и социализм, 1964; *Жирицкий А.* Политология по У. Ростоу.— МЭиМО, 1975, № 5.

2. КОНЦЕПЦИЯ «ОСЕВОГО ПРИНЦИПА»

Д. БЕЛЛА

Одной из последних попыток опровержения марксовой теории социально-экономической формации, предпринятой буржуазной теорией, является так называемый осевой принцип, сконструированный американским социологом Д. Беллом. В работе «Приход постиндустриального общества. Опыт социального прогнозирования» Д. Белл заявляет, что «понятия феодализм, капитализм и социализм представляют собой в интерпретации Маркса последовательность теоретических моделей, построенных вдоль оси, образованной отношениями собственности»⁵. Будучи буржуазным идеологом, Д. Белл отвергает этот подход, заявляя, что «собственность есть юридическая фикция», и пытается противопоставить теории социально-экономической формации К. Маркса свой «осевой принцип». Социально-экономические изменения, утверждает Д. Белл, происходят вдоль оси производства и применяемых видов знания.

По Д. Беллу все существовавшие и существующие общества — это «конкретные исторические сущности, представляющие собой различные институционализированные сочетания». «Я не считаю, — в то же время указывает Д. Белл, — что общества являются настолько органически целостными или интегрированными, чтобы анализировать их как единую систему»⁶.

«Аналитически, — утверждает Д. Белл, — общество можно разделить на три части: социальную структуру, государственное устройство и культуру... Целесообразность подобного подразделения общества обуславливается тем, что каждая часть определяется иным осевым принципом»⁷.

Концепция Д. Белла крайне противоречива. С одной стороны, «осевой принцип» — это «организующий остов, вокруг которого группируются все остальные институты», с другой — он не считает общество единым целым. Какое из этих положений отражает истинную позицию Д. Белла?

С нашей точки зрения, Д. Белл стоит на позиции «дезинтегрированного общества». Эта позиция позволяет Д. Беллу отрицать существование причинных связей между отдельными частями общественной структуры. «Я не утверждаю, — пишет Д. Белл, — что изменения в социальной структуре детерминируют соответствующие изменения в государственном устройстве или культуре. Изменения в социальной структуре тремя различными каналами скорее ставят вопросы перед обществом»⁸. Таким об-

⁵ *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting.* N. Y., 1973, p. 11—12.

⁶ *Ibid.*, p. 114.

⁷ *Ibid.*, p. 13.

⁸ *Ibid.*, p. 13.

разом, по Д. Беллу в каждой «части» общественной структуры действует свой «осевой принцип». Общественный организм тем самым определяют не один, а три «осевых принципа», детерминистские связи от социальной структуры, куда входит и экономика, к другим частям общественной структуры искусственно обрываются. Все эти построения преследуют цель создать противовес марксовской теории социально-экономической формации, противопоставить теории исторического материализма, согласно которой существуют причинные связи между изменениями в базисе и изменениями в надстройке при важнейшей, определяющей роли базиса, роли производственных отношений, такую трехсекторную общественную структуру, между частями которой отсутствуют детерминистские связи, а «социальная структура», включая всю экономику, лишена своей ведущей, определяющей роли.

Таким образом, «осевой принцип» действует лишь в рамках «своей» части общественной структуры. Социальная структура общества, по мнению Д. Белла, состоит из трех важнейших элементов. К ним относится отраслевая структура экономики, уровень технологии (технология понимается здесь не в узком значении этого слова, а как применяемое знание вообще), характер разделения труда, его воздействие на профессиональную структуру населения и роль отдельных профессиональных групп в обществе.

Результатом приложения осевого принципа к социально-экономическому развитию является получение теоретической схемы, в которой человечество движется от «доиндустриального общества» через «индустриальное общество» к «постиндустриальному обществу». Индустриальное общество организовано вокруг оси машинно-промышленного производства товаров; доиндустриальное общество определяется неразвитыми производительными силами и необходимостью непосредственного обращения к природе как источнику основных ресурсов существования. Постиндустриальное общество характеризуется, по мнению Д. Белла, наличием следующих элементов: первый элемент — структура экономики: центр тяжести лежит не в производстве товаров, а в производстве услуг; второй элемент — применяемое знание: важнейшая роль принадлежит теоретическим знаниям, именно отсюда общество черпает нововведения; третий элемент — профструктура: главное место принадлежит группам профессиональных специалистов.

Хотя Д. Белл проводит в своей модели определенную структуризацию общественного организма, разделяя «общество» на три «части», его модель полностью лишена системного характера. Отдельные «части» «общества» — «социальная структура» (включая экономику), «государство» и «культура» лишь находятся подле друг друга, детерминистские связи между ними отсутствуют, они в лучшем случае лишь «ставят вопросы» друг перед другом. Таким образом, модель общественного организма, пред-

ложенная Д. Беллом, хотя и структурирована, но эта структура лишена жизни — в ней отсутствуют связи между отдельными частями, отсутствует иерархия отдельных структур. Базисные отношения низведены до роли обычных связей, полностью игнорируется различный характер базисных и надстроечных структур. Модель «общества» в целом тем самым лишена системного характера. (Заметим, что неоклассическая теория предусматривает достаточно жесткую связь между экономическим и политическим строем.)

Если рассмотреть применение Д. Беллом «осевого принципа» в рамках одной структуры, например в рамках «социальной структуры», как одной из трех «частей» «общества», то мы увидим, что метод Д. Белла заключается в произвольном отборе элементов, из которых он строит «социальную структуру» и которые затем служат для анализа общественно-исторического развития общества вдоль «оси», сконструированной столь произвольным образом. Д. Белл объявляет «осевой принцип» «концептуальной схемой» и заявляет, что «как логический упорядочивающий прием концептуальная схема не истинна или ложна, а либо полезна, либо нет». Концептуальная схема Д. Белла не отражает объективной реальности, а искажает ее. Д. Белл составляет свою «ось» из трех элементов — структуры экономики, применяемого знания и профструктуры. Д. Белл не обосновывает того, что в теоретической работе требует самого тщательного и фундаментального обоснования, — почему именно эти элементы положены им в основу анализа? Это коренная методологическая слабость всей концепции Д. Белла, которая лишает подход Д. Белла научное обоснованное характера. Почему из сферы производительных сил и производственных отношений берутся лишь три элемента — это остается вне рамок исследования. «Полезность» же подобного подхода для защитников капиталистического строя заключается лишь в том, что «ось» социально-экономического развития полностью исключает вопрос о характере связи между человеком и средствами приложения труда.

Применение «осевого принципа», конструируемого из произвольно отобранных элементов, позволяет Д. Беллу объединять противоположные социально-экономические системы под одной вывеской «индустриального общества». «Индустриальное общество, — пишет Д. Белл, — это понятие, охватывающее опыт дюжины различных стран и проходящее через контрастирующие политические системы таких антагонистических обществ, как Соединенные Штаты и Советский Союз»⁹.

Однако необходимо отметить одну существенную черту теорий «индустриального» и «постиндустриального общества». Авторы этих теорий, в том числе и Д. Белл, делая упор на технологию или на какие-либо иные элементы производительных сил и исключая из анализа проблему собственности на средства производ-

⁹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society, p. 10.

ства, оказываются не в состоянии дать дифференциацию различных экономических систем, реально существующих в современном мире, они оказываются не в состоянии с помощью своих моделей показать огромные различия между ними. Это обстоятельство побуждает подобных теоретиков прибегать все же к терминам «капитализм» и «социализм» для того, чтобы идентифицировать эти различные системы, действительно демонстрируя весьма часто практическую «полезность» этих надуманных моделей. Сам Д. Белл вынужден признать ограниченность своего «осевого принципа». Он заявляет, что «вдоль оси собственности существует противоречивое отношение между Соединенными Штатами и Советским Союзом в том смысле, что первые являются капиталистическим, а второй — социалистическим обществом».

Тем самым обесценивается вся схема развития Д. Белла: доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество. В лучшем случае эту схему можно рассматривать как попытку охарактеризовать уровень развития производительных сил, но внутри определенной экономической системы, сконструированной отнюдь не на основе рассматриваемой методологии.

Д. Белл пишет: «В капиталистическом обществе осевым институтом является частная собственность, а в постиндустриальном обществе центральное положение занимает теоретическое знание... исторически основой власти является собственность, а средством доступа к ней — наследование. Однако, хотя собственность и остается важной основой, другой, временами соперничающей с ней предпосылкой власти становится квалификация специалистов, а средством приобретения такой квалификации — образование»¹⁰.

Теория постиндустриализма, таким образом, превратилась у Д. Белла в средство затушевать роль частной собственности на средства производства в условиях современного капитализма. У Д. Белла таким средством служат — квалификация, теоретическое знание, образование. Стремясь выполнить свою задачу, Д. Белл даже не замечает, как совершает элементарную логическую ошибку, — в рамках одного абзаца «пересаживается» с одного «осевого принципа» на другой, с «оси» собственности на «ось» теоретического знания, и противопоставляет друг другу капитализм и постиндустриальное общество.

3. «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ» Дж. ГЭЛБРЕЙТА

Теоретические концепции Дж. Гэлбрейта советскому читателю достаточно хорошо известны. Книги Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества» переведены на русский язык¹¹. Это дает нам возможность не

¹⁰ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society, p. 115.

¹¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976

излагать подробно концепцию Гэлбрейта, а сразу же перейти к разбору основных его положений в рамках рассматриваемой нами темы.

В своих книгах Дж. Гэлбрейт часто употребляет термин «система». Им буквально пестрят его последние работы. «Экономическая система», «индустриальная система», «планирующая система», «рыночная система» — эти термины вновь и вновь возникают на страницах его книг. Однако читателя, который обратится к работам Гэлбрейта, рассчитывая встретить в них серьезное изложение теории экономических систем, ждет разочарование. Гэлбрейт ставит проблему изменений экономической системы, по существу не выходя за рамки капиталистического строя. Различия между экономическими системами капитализма и социализма им не исследуются, а лишь обозначаются. Для этой цели служит применение таких терминов, как «советская система», «экономические системы советского типа» и «западные системы», «несоциалистическая экономическая система», «экономическая система несоветского типа», «западная экономика». К различиям между ними он обращается бегло, заявляя, что «в западной экономике основным планирующим органом является фирма», а «в советской системе таким органом по-прежнему является государство». Однако делать из этого последнего положения Гэлбрейта вывод, что он в теории систем стоит на позициях неоклассической теории, против которой он столь энергично выступает, было бы преждевременным. Нам представляется, что Гэлбрейт в этом вопросе не имеет своей твердой теоретической позиции. Ведь Гэлбрейт употребляет в своих работах и такие термины, как «капитализм», «свободное предпринимательство», «коммунизм», «социализм», «новый социализм»; при этом совершенно не ясно, какое содержание вкладывает он в эти понятия. Для нас важно во всем этом лишь одно: такой яркий представитель теории конвергенции, как Гэлбрейт, попытавшийся обосновать тезис о конвергенции экономических систем указаниями на сходство в «планировании», в «контроле над ценами», в возникновении «техноструктуры» в рамках перехода к «индустриальной» или «планирующей» системе, в то же время вынужден вводить такие термины, которые обозначают различия экономических систем: «экономика советского типа» и «западная экономика», «коммунизм» и «свободное предпринимательство». Все это показывает бедность, неразработанность теоретического языка Гэлбрейта, который в рамках своей концепции, в рамках понятийного аппарата своей теории не в состоянии идентифицировать противоположные социально-экономические системы на базе своей теории, не может провести водораздел между ними и вынужден прибегать к заимствованию различной терминологии, никак не раскрывая ее содержание.

Гэлбрейт, давая общее описание экономической системы, демонстрирует функциональный подход, причем весьма ограниченного, внеисторического характера. Он заявляет, что «функция»

экономической системы «состоит в том, чтобы производить материальные блага и оказывать услуги, которые нужны людям». Затем Гэлбрейт демонстрирует свой критерий эффективности экономической системы, заявляя, что «наилучшая экономическая система это та, которая максимально обеспечивает людей тем, в чем они больше всего нуждаются»¹². Рассматривая под этим углом зрения современную экономику Соединенных Штатов, Гэлбрейт устанавливает, что «частично экономическая система служит отдельному человеку», но «частично она... служит интересам своих собственных организаций»¹³. Гэлбрейт заявляет, что в настоящее время существуют все основания «для рассмотрения экономики не как единой системы, а как системы, состоящей из двух частей». Одна из этих частей — «рыночная система», которая представляет собой ни что иное, как «мир мелких фирм». «Рыночная система», которая когда-то господствовала повсюду, достаточно адекватно, считает Гэлбрейт, описывается так называемой неоклассической экономической теорией. «Неоклассическая система... приемлема как описание общества, которое когда-то существовало. И в качестве отображения той части экономики, которую в дальнейшем мы будем называть рыночной системой, она также является в определенной степени удовлетворительной»¹⁴. Это означает, что рыночная система «функционирует в соответствии с волей, диктуемой рынком, а в конечном итоге волей потребителя»¹⁵, кроме того, это означает, что эта система — «саморегулирующаяся», «самокорректирующаяся». Признав за неоклассикой удовлетворительную степень в описании капитализма свободной конкуренции, Гэлбрейт тем самым должен разделить с данной буржуазной теорией ответственность за все банальности, искажения, которые ей свойственны. Исходя из этого, мы имеем право сказать, опираясь на собственные слова Гэлбрейта, что он «неоклассик», когда речь идет об описании «рыночной системы».

Другая часть экономической системы, по мнению Гэлбрейта, — «индустриальная» или «планирующая система». В книге «Новое индустриальное общество» он использует первый термин, в работе «Экономические теории и цели общества» — второй. Легко установить, что за различными терминами у Гэлбрейта скрываются идентичные понятия. Так, в работе «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт пишет: «Было бы целесообразно... дать какое-то обозначение той части экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций. ...я буду называть ее «индустриальная система»¹⁶. В работе «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт пишет: «Не существует определенного объе-

¹² Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества, с. 27.

¹³ Там же, с. 28.

¹⁴ Там же, с. 54.

¹⁵ Там же, с. 45.

¹⁶ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество, с. 45.

ма активов или продаж, который служил бы в качестве границы между миллионами фирм, составляющих одну половину частно-предпринимательской экономики, и кучкой гигантских корпораций, представляющих собой вторую половину. Однако имеется глубокое концептуальное различие между предприятием, находящимся полностью под контролем отдельного лица и обязанным всеми своими успехами этому обстоятельству, и фирмой, которая, хотя и не отрицает полностью влияние отдельных лиц, однако не может существовать без организации. Это отличие, которое можно рассматривать как рубеж, отделяющий 12 млн. мелких фирм от тысячи гигантов, лежит в основе широкого разделения в экономике... Это рубеж между тем, что... мы будем называть «рыночной системой», и тем, что будет именоваться «планирующей системой»¹⁷.

Мы привели цитаты не столько для того, чтобы показать, что «индустриальная система» и «планирующая система» Гэлбрейта это одно и то же (будем употреблять последний термин, поскольку он предложен автором в более поздней работе), сколько с целью продемонстрировать тот критерий, который Гэлбрейт использует для отделения одной системы от другой. Для Гэлбрейта переход от «рыночной системы» к «планирующей системе» связан с переходом от «предприятия, находящегося полностью под контролем отдельного лица», к фирме, для которой характерна «организация». Причем и та, и другая система действуют в рамках частнопредпринимательской экономики. Совершенно очевидно, что никаких «открытий» Гэлбрейт, конструируя эту схему, не совершает, он лишь дает свою трактовку перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. Подробный научный анализ этих процессов был сделан В. И. Лениным еще шестьдесят лет тому назад¹⁸.

Тезис Гэлбрейта о том, что именно организация фирмы является тем «рубежом», который отделяет одну систему от другой, имеет исключительно важное значение во всей его концепции. Ошибочность этой методологической посылки во многом предопределила и ложность конечных выводов. Проследим, как ложность методологической посылки накапливается по всей цепочке логических построений Гэлбрейта.

Прежде всего о том, почему неверен избранный Гэлбрейтом критерий различения одной системы от другой. Безусловно, потребность в накоплении капитала привела в условиях монополистического капитализма к широкому распространению акционерных обществ, в которых роль собственников капитала выглядит иначе, чем в фирмах с единоличным собственником. Эти явления были отмечены в свое время К. Марксом и В. И. Лениным^{18а}.

¹⁷ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества, с. 74.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426.

^{18а} См.: например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 426—427; 479—480; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 185—186.

Ими было разработано теоретическое положение об отделении капитала — собственности от капитала — функции, отходящего от непосредственного руководства предприятием и все более демонстрирующего тем самым паразитическую сущность капитализма. Вместе с тем марксизмом-ленинизмом была раскрыта и новая роль управляющих капиталистическими предприятиями.

Таким образом, и Марксу, и Ленину те явления, которые описывает Гэлбрейт и которым он придает столь решающее значение, были известны.

В. И. Ленин, создавая свою теорию новой стадии в развитии капиталистического способа производства, выдвинул пять признаков этой новой стадии¹⁹, однако среди них нет признака, который бы был связан с указанным выше явлением, хотя В. И. Ленин в своих работах и отмечает этот важный экономический процесс.

В самом деле, избрание организации фирмы в качестве рубежа между системами не выдерживает сопоставления с объективной действительностью, оно не подтверждается фактами. Предприятия со сложным управленческим аппаратом существовали и в условиях капитализма свободной конкуренции (не будучи случайной или естественной монополией). Собственник в дела такой фирмы тоже мог почти не вмешиваться, поручив ведение дела наемным управляющим, — такое положение дел можно встретить в капиталистической практике нередко. В то же время практика современного монополистического капитализма знает огромное количество примеров, когда собственник контрольного пакета акций сам управляет монополией. Таким образом, критерий, выдвинутый Гэлбрейтом, не в состоянии отразить экономическую действительность адекватно.

Для того чтобы выявить действительное существо изменений, характерных для новой стадии в развитии капитализма, необходимо опираться прежде всего на такие экономические явления, как концентрация производства и капитала, образование монополий, финансового капитала. Развитие этих явлений протекает как в сфере производительных сил, так и в сфере собственности, они теснейшим, органическим образом связаны друг с другом. Именно монополия отличает новую империалистическую стадию развития капитализма от его развития в эпоху свободной конкуренции. Здесь монополия перестает основываться на естественных или случайных факторах, а закономерно вырастает из концентрации производства и капитала. Монополия представляет собой, по словам В. И. Ленина, самую глубокую экономическую основу империализма²⁰.

Конечно, ошибкой было бы полагать, что Гэлбрейт не видит тех существенных перемен, к которым привело господство монополий. Он видит многие из них и отмечает их в своих работах.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386—387.

²⁰ Там же, с. 396.

Так, Гэлбрейт пишет о «контроле» (или о «планировании») крупных корпораций над своими издержками, своей техникой, своими ценами. Однако оценивает эти явления Гэлбрейт по-своему. Во-первых, для Гэлбрейта контроль монополий над издержками, ценами, спросом и т. д.— это «планирование». Именно эти процессы при капитализме он без всяких оснований отождествляет с социалистическим планированием и выводит отсюда тезис о конвергенции систем «советского» и «несоветского» типа. Между тем манипуляции монополий с ценами, издержками, спросом и т. д. отнюдь нельзя называть «планированием», это всего лишь частномонополистическое регулирование, которое имеет свои объективные границы, определенные частной собственностью²¹.

Во-вторых, Гэлбрейт искажил мотивы и цели этого частномонополистического регулирования, что, в свою очередь, приводит в его концепции к серьезному искажению конечных результатов этого регулирования. Ошибочные мотивы и цели корпорации возникают у Гэлбрейта опять-таки из его концепции «организации» фирмы в «планирующей системе», из его так называемой теории техноструктуры.

«Организация,— пишет Гэлбрейт,— это некий комплекс мер, направленных на замену усилий и знаний одного человека более специализированными усилиями и знаниями нескольких или многих людей»²². На мелком предприятии с несложным производством власть исходит от собственности на капитал, на средства производства, считает Гэлбрейт, а вот в крупной и высокоорганизованной фирме власть переходит к самой организации — к «техноструктуре корпорации». «Техноструктура» состоит из управляющих корпораций, юристов, ученых, инженеров, экономистов, контролеров, лиц, занимающихся рекламой, и торговых работников. В крупной фирме, утверждает Гэлбрейт, власть техноструктуры абсолютна. Власть собственников капитала, т. е. держателей акций, равна нулю.

Утвердив власть техноструктуры в фирме, да и во всей «планирующей» или «индустриальной системе», и ликвидировав власть собственников капитала, Гэлбрейт делает следующий шаг в построении своей модели современного капитализма, он утверждает, что кардинальным образом изменились экономические цели деятельности корпораций. Если раньше целью фирмы была максимизация прибылей, то теперь целью крупных корпораций, монополий, стал экономический рост. «Основной положительной целью техноструктуры является рост фирмы. Затем этот рост становится важнейшей целью планирующей системы и — как следствие — общества, в котором доминируют крупные фирмы»²³. Между ростом крупной фирмы и «предсказанным Марк-

²¹ Более подробно об этом см.: *Котов В.* Монополистические формы хозяйственных отношений. М.: Наука, 1971.

²² *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества, с. 113.

²³ Там же, с. 136.

сом» процессом капиталистической концентрации существует, по мнению Гэлбрейта, лишь «внешняя аналогия», ибо основным движущим мотивом в современном процессе является «рост престижа и дохода техноструктуры»²⁴.

Переход власти от капитала к «техноструктуре» имеет, по мнению Гэлбрейта, далеко идущие последствия. Прежде всего «противоречие между трудом и капиталом значительно ослаблено способностью техноструктуры разрешать конфликт, уступая требованиям профсоюзов в вопросах заработной платы и ряде других и покрывая издержки за счет цены». Тем самым для рабочего класса «техноструктура» «перестает быть непримиримым классовым врагом». Изменения столь значительны, что захватывают и государство, которое по Гэлбрейту «не исполнительный комитет буржуазии, скорее, это исполнительный комитет техноструктуры». Изменения, как утверждает Гэлбрейт, перерастают и национальные границы: «Планирующая система в то же время престоупает границы национального государства, чтобы создать международное планирующее сообщество». Суммировать теоретические выкладки Гэлбрейта можно его же словами: «Современная экономика выглядит как социализм для крупных фирм и как свободное предпринимательство для мелких».

Как видим, вся концепция Гэлбрейта покоится на его тезисе о замене власти капитала и капиталиста властью «техноструктуры» и о переходе современной корпорации к максимизации роста вместо максимизации прибыли, все остальные его выводы произрастают именно из этого положения. Между тем это положение ложно. Капиталист, если он сам не занимается вопросами текущего управления предприятием и передает часть власти тому аппарату, который он создает на предприятии для управления им (что, как мы уже отмечали, имело место и в условиях домонополистического капитализма и связано с процессом разделения управленческого труда), в то же время сохраняет свою капиталистическую власть над этим управленческим аппаратом.

Анализ деятельности современных акционерных обществ (даже со значительным дроблением акционерного капитала и в условиях, когда трудно проследить существование контрольного пакета) показывает, что капиталисты — собственники предприятия разработали и внедрили в практику такие системы оплаты труда верхнего слоя менеджмента, при которых получаемый директорами доход зависит от уровня дивиденда на акции, т. е. доход «техноструктуры» поставлен в прямую зависимость от максимизации дохода собственников капитала. Таким образом, улучшение положения «техноструктуры» в реальной действительности зависит не от максимизации роста, а от максимизации прибыли. Фирма, корпорация, даже если она управляется не собственником-капиталистом, имеет целью своей деятельности максимизацию прибыли, ибо капиталисты, даже не принимая непосредст-

²⁴ Там же, с. 143.

венного участия в текущих делах фирмы, позаботились о сохранении главного движущего мотива деятельности капиталистического предприятия — максимизации прибыли.

Максимизация прибыли обусловлена и внешними условиями деятельности капиталистической фирмы, законами капиталистического хозяйства. Фирма, владелец которой руководствовался бы в своей деятельности не законами максимизации прибыли, а какими-то иными мотивами (например, альтруистическими), неизбежно отстанет от своих конкурентов в накоплении капитала или просто разорится. Такого рода фирмы нежизнеспособны, если не подчиняются действию закона капиталистического накопления, открытого и сформулированного Марксом. Процесс концентрации производства и капитала, капиталистического накопления и в современных условиях идет по Марксу, а не по Гэлбрейту.

Автором теоретической модели максимизации роста является американский буржуазный экономист У. Баумоль. Гэлбрейту в теории максимизации роста принадлежит лишь тот ее раздел, который трактует мотивы, ведущие к максимизации роста. Ложность этих положений мы только что показали, следовательно, и вся модель не отражает реальной действительности современного капитализма. Но если проанализировать теоретические результаты, полученные У. Баумолем, то окажется следующее. Во-первых, максимизация роста в переводе на конкретный язык деятельности корпорации означает максимизацию денежной выручки; во-вторых, даже если предположить, что фирма максимизирует не прибыль, а рост (за что так рьяно выступает Гэлбрейт), то все же норма прибыли корпорации и в этом случае будет превышать норму прибыли конкурентной фирмы, т. е. будет иметь монополистический излишек прибыли. Так что «планирующая система» Гэлбрейта даже в том случае, если принять его посылку о максимизации роста производства, а не прибыли корпораций, будет иметь явно эксплуататорский характер.

Гэлбрейт совершенно безосновательно поставил знак равенства между социалистическим планированием и частномонополистическим регулированием, между социалистическим предприятием и капиталистической корпорацией, между капиталистическим менеджментом и аппаратом управления социалистическим предприятием. Анализ показывает, что капиталистическая природа всех процессов сохраняется, меняется лишь форма их проявления. Между капитализмом и социализмом отсутствует тождество в перечисленных элементах, а следовательно, нет никаких оснований делать вывод о конвергенции между капитализмом и социализмом. Путь общественного развития, который рисует Гэлбрейт, — от «рыночной системы» к комбинации «рыночной» и «планирующей» систем и затем к «новому социализму», в котором усилится государственное воздействие на «рыночную систему», хотя она сама будет продолжать существовать, а «планирующая система» перестанет эксплуатировать «рыночную си-

стему» и будет работать не во имя «организаций», ее составляющих, а во имя общественных интересов — является наивной утопией. Пока существует частная собственность на средства производства, пока существует капитал, пока существуют интересы собственников капитала, связанные с извлечением прибыли, пока действуют законы капиталистического накопления, — «новый социализм» Гэлбрейта обречен существовать лишь на страницах его книг.

4. «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД» К ТИПОЛОГИЗАЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

В 50-х и особенно 60-х годах на Западе появился ряд теорий, которые роднит общий методологический принцип, — в их основе лежит так называемый технологический подход. Эти теории претендуют на создание модели социально-экономической структуры как в капиталистических, так и в социалистических странах.

Американский экономист П. Дракер, снискавший широкую известность на Западе своими работами в области теории менеджмента, заявляет, что массовое производство привело к принципиальным изменениям экономической системы. Разделение труда при массовом производстве, указывает П. Дракер, отличается от разделения труда в условиях «традиционного общества». Произошел сдвиг от специализации на производстве отдельных продуктов к специализации, при которой за рабочим закрепляются определенные производственные операции, которые объединяются в совокупный производственный процесс на предприятии. Если в «традиционном обществе» отдельные продукты производились людьми самостоятельно, то «в индустриальной системе функцию производства выполняет не индивидуум, а организация»²⁵. Именно в этом и состоит, по мнению П. Дракера, отделение рабочего от продукта труда и средств производства. Суть современной экономической системы определяет, как утверждает П. Дракер, крупное промышленное предприятие. Завод с массовым производством и корпорация — вот «представительные общественные явления индустриальной системы современности». Тип промышленного предприятия занимает центральное место во всей концепции П. Дракера. «Имеет ли индустриальное общество место при капитализме, социализме, фашизме или коммунизме, предприятие есть его центральный институт, действует единообразно и оказывается перед сходными решениями и затруднениями»²⁶.

На первый взгляд подход П. Дракера может представиться идентичным подходу Дж. Гэлбрейта. Однако, несмотря на значительное сходство в посылах, в подходе П. Дракера в значи-

²⁵ Drucker P. F. The New Society: The Anatomy of Industrial Order. N. Y., 1950, p. 6.

²⁶ Ibid., p. 27.

тельно большей степени выражен технологизм. «Организация» у П. Дракера не играет той первичной фундаментальной роли, как у Гэлбрейта, роль ее вторична, на первом же плане прочно утвердилась технология. Именно в силу технологии, в силу перехода к разделению труда при массовом производстве, при котором производитель более не специализируется на производстве отдельного продукта, а вынужден специализироваться на какой-то операции, и происходит отделение рабочего от средств производства. «Организация» же у П. Дракера выступает лишь результатом этого процесса, она его функция, в то время как у Гэлбрейта в основе методологического подхода лежит именно «организация», «техноструктура», результат изменений мотивации которой определяет и все остальные экономические процессы.

Французский экономист Р. Арон считает, что «статус собственности на предприятия, который составлял для Маркса основную характерную черту капитализма, хотя и не утратил своего значения полностью, прежнего значения, однако, не имеет»²⁷. Р. Арон полагает, что анализ под углом зрения собственности не позволяет будто бы выявить различия между странами в структуре народного хозяйства, в техническом уровне и в масштабах предприятий.

«Индустриальное общество», по мнению Р. Арона, — это общество, в котором «промышленность, крупная промышленность представляет собой наиболее характерную форму производства»²⁸. «Индустриальное общество» характеризуется отделением предприятия от семьи, технологическим разделением труда, накоплением капитала, господством экономического расчета, концентрацией занятых вне зависимости от характера собственности.

Весьма важной чертой концепции Р. Арона является то, что он вынужден признать существование в рамках «индустриального общества» двух типов — «капиталистического и советского». По каким же параметрам проходит различие между ними? Во-первых, по такому параметру, как собственность на средства производства. «В капиталистической экономике орудия производства, — пишет Р. Арон, — принадлежат частным лицам, а не государству»²⁹. Во-вторых, в качестве такого параметра выступает метод регулирования хозяйственных процессов — «в капиталистической системе решения относительно распределения ресурсов определяются рынком, в условиях же советского типа — центральным плановым органом».

С подобной позицией мы уже встречались, она подробно разработана западногерманским экономистом Н. Клотеном, на этой позиции стоит большая часть американских экономистов во гла-

²⁷ Aron R. *La lutte de classes*. Paris, 1964, p. 25.

²⁸ Aron R. *Dix-huit leçons sur la société industrielle*. Paris, 1962, p. 110.

²⁹ Ibid.

ве с П. Самуэльсоном. Однако мы решили рассмотреть позицию Р. Арона в рамках анализа теорий, основанных на технологическом подходе, поскольку отталкивается он от «промышленности, крупной промышленности», затем переходит к концепции «индустриального общества» и лишь затем, будучи не в силах дифференцировать современные экономические системы с помощью избранного им критерия, вынужден говорить о «советском» и «капиталистическом» типе и прибегать к критериям типологизации, разработанным отнюдь не в рамках его теории.

«Технологический» подход нашел наиболее яркое выражение в концепции американского экономиста Ж. Эллюля, создателя теории «технологического общества».

Во главу угла всей концепции Ж. Эллюля поставлено развитие «техники». Причем это даже не развитие, а саморазвитие, самодвижение; техника господствует над всем и вся, это начало и конец всего сущего; она развивается сама из себя, подчиняется лишь своим законам, а все подчиняется ей. Техника, по мнению Ж. Эллюля, сформировала все проникающий мир, который повинует ее собственным законам. Техника вызывает и определяет социальные, политические и экономические изменения. Это есть исходный движитель всего прочего³⁰.

Что же такое «техника» в представлении Ж. Эллюля? В своей работе «Технологическое общество» Ж. Эллюль следующим образом раскрывает это понятие: «В нашем технологическом обществе техника есть всеобщая совокупность методов, рационально используемых и обладающих абсолютной эффективностью (для данного уровня развития) в любой сфере человеческой деятельности»³¹. Ж. Эллюль выделяет следующие виды техники: экономическая техника, используемая в производстве; организационная техника, используемая государством, банками, торговлей и т. д.; техника, имеющая целью воздействие на человека и включающая в себя все виды такого воздействия от медицины до пропаганды.

Современное развитие техники необходимо обусловило, по мнению Эллюля, возникновение «технологического общества». В этом обществе императив техники с необходимостью привел к господству «планирования», которое согласно концепции Эллюля «неразрывно связано с принуждением». Это общество характеризуется широчайшим использованием техники в самых различных областях человеческой жизни. Для этого общества характерно также и то, что во главе его встала техническая элита. Императив техники по Эллюлю всемогущ, ее власть над человеком, над человеческим обществом абсолютна.

Однако, как это имеет место почти всегда у приверженцев технологического подхода, Ж. Эллюль не в состоянии выявить различия между противоположными социально-экономическими

³⁰ Ellul J. The Technological Society. N. Y., 1965, p. 14, 134.

³¹ Ibid., p. XXV.

системами на базе своей методологии, в рамках своей теории. Для того, чтобы охарактеризовать эти системы, он вынужден говорить о «плановой экономике», с одной стороны, и о «корпоративной экономике» — с другой. Таким образом, критерий типологизации оказывается невозможно получить на базе технологизма и приходится искать его в какой-то иной области социально-экономических отношений, заимствовать его из других концепций.

Подводя итоги рассмотрению теорий, основанных на «технологическом» подходе, можно сказать, что авторы теорий, для методологии которых характерен «технологизм», оказываются не в состоянии на базе этого принципа построить теорию экономических систем. Их теоретические обобщения не идут дальше того, чтобы констатировать известное сходство в применяемой технике промышленно развитых капиталистических стран и СССР. Марксизм отнюдь не отвергает определенного сходства, когда речь идет о производительных силах развитого социализма и современного монополистического капитализма; такого рода сходство не противоречит основным теоретическим положениям марксизма-ленинизма. Однако определенные черты сходства в производительных силах не должны заслонять и существенные различия в технике, используемой в различных системах; эти отличия, связанные с различиями в типах производственных отношений, по мере построения материально-технической базы коммунизма будут становиться все более и более значительными.

И уж, конечно, определенные черты сходства в используемых производительных силах никак не могут служить основанием для объединения социализма и капитализма в рамках единой экономической системы. В этом смысле позиции сторонников «технологизма» крайне непоследовательны и противоречивы. Объединяя, с одной стороны, СССР и промышленно развитые капиталистические страны под одной вывеской «технологического» (или «индустриального») общества, авторы этих концепций, с другой стороны, вынуждены использовать такие термины, как «социализм», «фашизм», «капитализм», «коммунизм» (П. Дракер), «капиталистический» и «советский тип» «индустриального общества» (Р. Арон), «корпоративная» и «плановая экономика» (Ж. Эллюль). Все эти понятия и термины разработаны отнюдь не в рамках «технологических» теорий, методологический принцип технологизма оказывается бесплодным, его применение не позволяет дать сколько-нибудь содержательную характеристику современных экономических систем. Теоретическая ложность исходной методологической посылки технологизма, искусственно изъявшего из анализа всю область производственных отношений, оборачивается практической непригодностью и научной несостоятельностью теорий, построенных на базе этого принципа.

5. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ В БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ СТРУКТУРАЛИЗМА

Если для неоклассического подхода к экономической системе характерен акцент на выделение какого-то одного системного элемента, для теорий «ступеней» и «стадий» — односторонний упор на изменения в производительных силах, что приводит к невозможности различать на этой основе отдельные типы экономического строя, то структуралистские теории «экономических систем» пытаются рассматривать экономическую систему уже как совокупность, как комплекс целого ряда институтов.

В качестве институтов экономической системы экономисты этого направления берут технический уровень развития, структуру производства (включая сюда характер концентрации), формы организации (управление экономикой, менеджмент, государственный аппарат), инвестиции (норма накопления, структура капиталовложений), технический прогресс (институты, направление), темп роста, структуру доходов и жизненный уровень, образование, внешнеэкономические связи, формы собственности и т. д.

Так как с ростом числа системных элементов, используемых для построения модели экономической системы, сложность такого рода теоретической работы, по признанию буржуазных теоретиков, чрезмерно возрастает, то для построения абстрактных экономических систем используется лишь небольшое число системных элементов, но большей частью этот подход применяется для описания так называемых реальных, т. е. действительно существующих в отдельных странах экономических систем.

Теория В. Зомбарта. В трудах современных буржуазных экономистов можно встретить утверждение, что пальма первенства в разработке теории «экономических систем» принадлежит В. Зомбарту. Его теория занимает как бы промежуточное положение между работами, находившимися под сильным влиянием исторической школы и теориями «экономических систем» современного институционализма.

В таких работах В. Зомбарта, как «Строй экономической жизни» и «Современный капитализм», мы действительно находим понятие «экономической системы», и вообще этой проблематике В. Зомбарт посвящает весьма большое количество страниц в своих произведениях, на разные лады подчеркивая значимость теории «экономической системы» для «национальной экономики», провозглашая работу над этой проблемой в качестве центральной задачи экономической теории.

В. Зомбарт говорил об «идее экономической системы» и считал, что она должна быть выведена из «идеи хозяйства»: «Идея, которая в состоянии сформировать экономические явления в систему, должна быть выведена непосредственно из идеи самого хозяйства. Она должна включать в себя все существенные черты хозяйства и должна скомпоновать эти отдельные черты в

единство. Однако не в его абстрактной мыслимой форме, а в его конкретной исторической определенности»³². В. Зомбарт был учеником М. Вебера, создателя теории «идеального типа», и влияние последнего на подход В. Зомбарта к проблеме экономической системы, конечно, просматривается в этих формулировках. Западногерманский буржуазный экономист Х. Шахтшабель даже замечает в связи с этим, что «у В. Зомбарта, ученика М. Вебера, идеально типический метод анализа в применении к экономической науке нашел наиболее впечатляющее выражение»³³. Однако, как нам представляется, методологические позиции В. Зомбарта, если подходить к ним даже с мерками буржуазной политэкономии, далеко не последовательны, когда В. Зомбарт начинает переходить от провозглашения принципов к самому анализу. Это, видимо, побудило того же Х. Шахтшабеля констатировать, что В. Зомбарт вступает в противоречие с теорией «идеального типа». Методологически все это означает, что, когда В. Зомбарт провозглашает общие принципы теории экономических систем, он выступает как последователь концепции «идеального типа» М. Вебера, когда же он переходит к непосредственному описанию исторических экономических систем, из этого ничего, кроме «экономического стиля» в духе А. Шпитгофа, не получается. В. Зомбарту, на наш взгляд, не удался столь часто приписываемый ему синтез абстрактного и исторического. В. Зомбарт в теории «экономических систем» выступает как представитель структурализма.

Рассмотрим, как В. Зомбарт определяет понятие «экономическая система». «Под экономической системой, — пишет В. Зомбарт, — я понимаю метод хозяйства (*Wirtschaftsweise*), проявляющийся как рациональное единство, при котором основные составные части хозяйства демонстрируют определенную форму (*Einheit*)»³⁴. Определение — весьма неясное, содержащее больше тумана, чем точного смысла, определение, в котором содержится явная тавтология. Тавтология эта заключается в определении «экономической системы» как «метода хозяйства», ибо, что такое «метод хозяйства», В. Зомбарт нигде не разъясняет. Остается неясным и самый существенный вопрос, что же объединяет «основные составные части хозяйства» в единство, в экономическую систему?

Может быть, ответ следует искать в следующей формулировке В. Зомбарта: «Имеется столько экономических систем, сколько существует рациональных возможностей формирования экономической жизни»³⁵. Но если системообразующим фактором выступает принцип рациональности, то спрашивается, чем отличаются друг от друга различные экономические системы, ведь

³² *Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen*, S. 361.

³³ *Ibid.*, S. 11.

³⁴ *Ibid.*, S. 362.

³⁵ *Ibid.*, S. 362.

все они в известном смысле «рациональны», что позволяет тогда говорить не об одной, а о различных системах?

Ответа на все эти вопросы в работах В. Зомбарта нет. Цель В. Зомбарта — противопоставить теории способов производства Маркса буржуазную теорию. В теории способов производства Маркса рассматривается такое экономическое отношение, которое может быть названо системообразующим, — это характер соединения рабочей силы со средствами производства, обусловленный формой собственности на средства производства³⁶. Теория способов производства, теория социально-экономических формаций Маркса имеет подлинно системный характер, а не теория В. Зомбарта и других буржуазных экономистов, которые в последнее время так спешат использовать в своих концепциях модное словечко «система».

В. Зомбарт составляет схему, собрав двенадцать пар альтернативных признаков, которые посредством их комбинации «открывают» возможности для образования различных экономических систем. Эти признаки он делит на три группы в соответствии с «основными составными частями хозяйства». Их тоже три: идеи (дух), организация, техника. А вот как выглядит по Зомбарту схема основных альтернативных признаков экономических систем.

А. Идеи

I. Принцип покрытия потребностей — принцип прибыльности

II. Традиционализм — рационализм

III. Солидарность — индивидуализм

Б. Форма (регулирование и организация)

I. Связанность — свобода

II. Частное хозяйство — общее хозяйство

III. Демократия — аристократия

IV. Замкнутость — открытость

V. Экономика покрытия потребностей — товарное хозяйство

VI. Индивидуальные предприятия — общественные предприятия

В. Техника (методы)

I. Эмпирическая — научная

II. Стационарная — революционная

III. Органическая — неорганическая (механическая — анорганическая)³⁷

К сожалению, мы не можем воспроизвести здесь вслед за В. Зомбартом содержание всех тех понятий, которые приводятся в этой схеме, это потребовало бы слишком много места. Поэтому, естественно, мы оставляем в стороне и критику этих понятий. Отметим только, что совершенно неясным у Зомбарта

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 43—44.

³⁷ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 366.

остается вопрос о том, в соответствии с каким принципом комбинируются эти признаки в экономическую систему. Если это принцип чисто механический, то, во-первых, из приведенного числа признаков можно сконструировать огромное число экономических систем. Но когда В. Зомбарт переходит к характеристике «исторически значимых экономических систем» на основе этих «существенных признаков, по которым идет наше понимание экономических систем», он сводит всю свою систематику экономических систем к делению их на «некапиталистические экономические системы» и «капитализм».

Во-вторых, механическое сочетание, комбинирование этих признаков в одну систему может привести просто к появлению таких форм, в которых один признак находится в явном противоречии с другим. В. Зомбарт, видимо, чувствуя это, ограничивает возможность механического системообразования принципом рациональности. К каким последствиям ведет логика такого ограничения, мы уже показали.

Теория «экономического стиля». А. Шпитгоф считал, что «историческая школа возникла как протест против абстрактной теории», но ее недостаток заключался до сих пор в том, что она не стала на путь разработки исторической теории. В рамках общей экономической теории А. Шпитгоф противопоставлял «безусловную» теорию, т. е. теорию, имеющую силу вне зависимости от условий места и времени, и историческую теорию, значимость которой ограничена временем. Историческая теория складывается в свою очередь из чистой теории, сферой которой является «идеальный тип», и наглядной (образной) теории, сферой которой является отражение действительности. Здесь А. Шпитгоф использует методологию Э. Салина, который противопоставлял чистую теорию — наглядной (образной) теории, а безусловную теорию — исторической теории³⁸.

Поскольку большая часть экономических явлений подвержена историческим изменениям, она не может быть объяснена «общей теорией», считает А. Шпитгоф. «Теория может лишь приблизиться к ним» в тех случаях, когда она выявляет «различия», возникающие в ходе изменения экономической жизни человека, в виде «характерных примеров». «Эти характерные примеры совместного хозяйственного бытия и называют „экономическими стилями“», — определяет А. Шпитгоф.

Для методологии А. Шпитгофа характерно возведение китайской стены между абстрактным и конкретным, между логическим и историческим. Этот порок свойствен всем буржуазным теориям «экономических систем». А. Шпитгоф, как и другие его коллеги по буржуазной политэкономии, мыслит либо «реально-типическими», либо «идеально-типическими» категориями, находясь либо в рамках абстрактной, либо в рамках идеальной экономической системы.

³⁸ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 152.

Отдавая предпочтение методу описания и в то же время чувству явную односторонность своей позиции, А. Шпитгоф вводит в категорию «экономического стиля» целый ряд заданных «признаков». Эти «признаки» он заимствует из теории «экономических систем» В. Зомбарта. Осуществив эту операцию, А. Шпитгоф относит «экономический стиль» к разряду «идеальных типов» (соблюдая при этом определенную критическую дистанцию по отношению к «идеальному типу» М. Вебера) и заявляет, что «экономический стиль» это не фотография действительности, а плод работы мышления, картина, созданная исследователем-художником, который сам решает, какие черты действительности он нанесет на свое полотно.

В теории «экономического стиля» А. Шпитгофа не оказалось места для рассмотрения проблемы развития, движения экономической истории. А. Шпитгоф стремился с помощью своей теории «выявить различия в экономической жизни сами по себе». Проблема смены «экономических стилей», их взаимосвязи, развития одного из другого в этой теории была снята. Парадоксально, что теория, которая должна была бы объяснить экономическую историю, носила сугубо статический характер.

Теория «экономической формы» Х. Ю. Серафима. В работе, опубликованной в 1951 г.³⁹, Ханс-Юрген Серафим выделяет следующие основные формы экономической жизни: родовая (или семейная) форма; форма с сословно-корпоративной связью; форма с государственной связью; форма с ориентировкой на отдельные хозяйственные единицы; классово-ориентированная форма. Х. Ю. Серафим дает более или менее подробное описание каждой из перечисленных форм, однако нас интересует здесь прежде всего критерий типологизации, т. е. содержание понятия «форма».

Серафим считает, что задача исследователя состоит в том, чтобы докопаться до самых глубоких элементов общественного хозяйствования, которые потому и являются «основными элементами» экономической системы. «Их особое свойство, — полагает Х. Ю. Серафим, — состоит в том, что эти основные элементы выступают как скомбинированные самым различным образом. Результатом этих комбинаций и являются основные хозяйственные формы, понятие, которое нам кажется более адекватным, нежели такие принятые в литературе понятия, как экономический стиль, экономическая система и т. д.»⁴⁰

Основные элементы, которые образуют в их различных комбинациях форму как единство, являются, по мнению Х. Ю. Серафима, «частичным выражением элементарных связей», которые пронизывают все хозяйствование. Определяя «хозяйствование» как деятельность человека, направленную на удовлетво-

³⁹ *Seraphim H. J. Vom Wesen der Genossenschaften und ihre steuerliche Behandlung.* Neuwild, 1951.

⁴⁰ *Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen*, S. 292.

ние его потребностей в условиях «относительной редкости благ», Серафим приходит к выводу, что эта деятельность определяется двумя основными связями. Во-первых, это связи, возникающие в результате воздействия человека на природу или окружающий его вещный мир, это связи с окружающим миром. Во-вторых, связи, которые возникают вследствие того, что человек действует не в одиночку, а как общественное существо. Это связи с теми, кто также ведет экономическую борьбу за жизнь. Это связи внутри мира человека. «Ведущими» Х. Ю. Серафим считает связи второго рода.

В концепции Серафима остается невыясненным вопрос о механизме субординации связей первого и второго порядка, о том, какие конкретные экономические отношения он включает в связи второго порядка и т. д. Короче говоря, в методологической позиции Х. Ю. Серафима много белых пятен.

Х. Ю. Серафим был рьяным защитником теории плюрализма и выступал против идеи эволюции. Это сказалось и в его позиции по вопросу о формах, которые предстают как результат самых различных комбинаций «основных элементов», причем характер этих комбинаций, а тем самым и характер экономического строя, форма, определяются природой человека, борьбой «индивидуального» и «социального» (здесь Серафим близок к Митчерлиху) и через эти категории самым тесным образом связан с экономической и политической властью. Ибо, по мнению Серафима, характер, само формирование связей между людьми и связей людей с природой (т. е. связей первого и второго рода) являются результатом «самореализации носителей верховной власти в сфере отношений между людьми»⁴¹. Таким образом, сочетание в методологии Х. Ю. Серафима идеалистического и плюралистического подхода потребовалось ему для того, чтобы ввести в свою теорию «формы» ту концепцию, которую он активно проводил во всех работах — концепцию об определяющей роли экономической политики, о решающем значении экономической и политической власти. Соотношение между производственными отношениями людей и экономической властью оказалось перевернутым, идеализм и плюрализм слились в концепции Серафима воедино с позицией волюнтаризма.

Теория Х. Ричля. В разработке своей теории экономического строя Х. Ричль опирается на наследие исторической школы, но прежде всего В. Зомбарта. В послевоенный период теория Х. Ричля стала наиболее детально и тщательно разработанной теорией экономической системы в рамках структуралистской группы теорий институционально-социологического направления. О степени признания теории Х. Ричля в рамках буржуазной экономической теории свидетельствует хотя бы тот факт, что в двенадцатитомной энциклопедии экономической теории, издан-

⁴¹ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 293.

ной в ФРГ, дана теория экономического строя Х. Ричля, а не В. Ойкена (этот выбор безусловно не случаен).

Х. Ричль выступает против типологии экономических систем, предложенной неолиберальной школой во главе с В. Ойкеном. Он считает неудовлетворительными уже сами методологические посылки этой теории — категории реального и идеального типа.

Для концепции Х. Ричля характерно прежде всего использование двух категорий — категории экономического строя (экономического порядка) и категории экономической системы. Для определения экономической системы он использует понятие, которое было разработано В. Зомбартом. Согласно концепции В. Зомбарта, экономическая система — это способ хозяйствования, проявляющийся как рациональное единство, в котором господствует определенная экономическая идеология, который имеет определенный порядок и организацию и применяет определенную технику. Х. Ричль включает это определение экономической системы В. Зомбарта в свою теорию, но заявляет, что «в дифференцированных экономических порядках одна экономическая система покрывает в большинстве случаев лишь часть социальной и хозяйственной жизни. Только в тотальном коллективистском хозяйстве коммунистических государств господствует монистический строй. В остальном, однако, в развитых экономических порядках имеет место дуализм или плюрализм экономических систем. Здесь существует экономический строй, структурированный в виде дополняющих друг друга экономических систем».

Здесь мы имеем дело с одним из важнейших принципов теории Х. Ричля. Для него экономический строй это отнюдь не система, т. е. не целостность; целостность, системность существует для него лишь в рамках отдельной системы. Зрелый же экономический строй — это конгломерат экономических систем; здесь принцип целостности, системности уже не действует, экономические системы в этом «дуалистском» или «плюралистском» строе лишь «дополняют» друг друга.

На важнейшие вопросы о том, каковы принципы этого «дополнения», как уживаются различные «системы» в рамках одного «строя», т. е. к каким последствиям приводит эта перманентная раздробленность экономического строя на отдельные экономические системы, — Х. Ричль не дает ответа.

Марксистско-ленинская теория экономических систем, напротив, исходит из того, что по мере движения экономического строя общества к ступени его зрелости, т. е. к развитому состоянию, происходит завершение построения системной совокупности, ликвидация многоукладности экономики, которой характеризуется переходный период, так что эти отдельные уклады (а не системы) вытесняются, а материальные производственные элементы, входящие в состав этих укладов, подчиняются, включаются в экономические отношения господствующего способа производства. К. Маркс подчеркивал, что система в ходе историче-

ского развития превращается в целостность, а ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы.

«...Новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона самой себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности. Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»⁴².

Для институционального подхода к экономическому строю по сути дела характерен отказ от принципа системности. Для представителей этого направления экономический строй состоит из механической комбинации отдельных «кирпичиков» — институтов. Х. Ричль отличается от своих собратьев по направлению лишь тем, что он укрупнил размеры такого «кирпичика», — им стал уже не отдельный «институт», а целая «экономическая система», комбинация которых дает «экономический строй». Однако этот прием, который дает Х. Ричлю возможность манипулировать укрупненными блоками «экономических систем», отнюдь не снимает, как мы уже говорили, вопроса о характере связей между такими блоками внутри этого «экономического строя», вопрос остается в рамках данной концепции открытым, он лишь перенесен в другую плоскость.

От построения Х. Ричлем экономического строя из экономических систем перейдем к рассмотрению того, как он конструирует сами экономические системы. Свой метод и свою теорию Х. Ричль характеризует как «структурно-аналитические», причем неоднократно подчеркивает этот момент и акцентирует на нем внимание читателя.

«Структурные системы» возводятся Х. Ричлем из двух совершенно различных типовых элементов — «принципов» и «форм». «Структурно-аналитическая теория, — пишет Х. Ричль, — имеет двойную задачу: во-первых, вскрыть принципы, которые господствуют в экономической системе, во-вторых, определить формы, в которых проявляются элементы общественного хозяйства».

Х. Ричль заявляет, что «принципы и формы мы наблюдаем в экономических порядках, действительно существовавших в

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

прошлом или существующих в настоящем». Однако оказывается, что извлечь «принципы» и «формы», да и сами экономические системы из экономической действительности может далеко не всякий. По мнению Х. Ричля, с этим в состоянии справиться лишь тот, кто вооружен его, Х. Ричля, структурно-аналитическим инструментом познания экономических систем.

Теория экономических систем должна по Х. Ричлю представлять собою прежде всего систематику «принципов» и «форм», которые будут служить инструментами анализа конкретных экономических порядков. Фундаментом всей концепции Х. Ричля и является такого рода систематика⁴³, она весьма обширна и дифференцирована и в этом отношении превосходит даже весьма обширную систематику В. Зомбарта. Эта систематика служит Х. Ричлю основой типологического анализа, основой построения его собственной концепции различных экономических систем. При этом в завуалированной, но в то же время в достаточно прозрачной форме Х. Ричль противопоставляет свою типологию неолиберальной теории экономических систем. Насколько это противопоставление оправдано по существу, мы скажем ниже, здесь мы отмечаем субъективную попытку такого противопоставления. Изложив свою концепцию, Х. Ричль, явно полемизируя с неолиберальной теорией систем, заявляет: «Прежде всего становится ясным, что мы в состоянии понять и объяснить многообразие общественного хозяйства не только из рыночных форм и денежных систем, связанных с процессом ценообразования»⁴⁴.

Как мы уже говорили, одной из существенных черт методологии Х. Ричля при конструировании теории систем является разделение между «принципами» и «формами». Именно «принципы» играют в подходе Х. Ричля первостепенную и активную роль, «формам» же в его подходе отведено второстепенное место, они по сути дела служат лишь для пассивного выражения принципов, выступают лишь в качестве «наполнителя» системной конструкции, каркас которой уже построен с помощью одних «принципов».

Какие же принципы включил Х. Ричль в свою «систематику», откуда получил их и чем руководствовался при их отборе? Ричль заявляет, что «принципы можно познать, наблюдая поведение хозяйствующих субъектов»⁴⁵. Это очень важная для характеристики всей концепции Х. Ричля методологическая посылка.

Если мы еще можем судить о том, откуда получены «принципы», то о том, чем руководствовался Х. Ричль в своем отборе, он умалчивает. Остается неясным вопрос, почему именно эти «принципы» попали в систематику Х. Ричля, ведь при желании

⁴³ См.: Handwörterbuch der Wirtschafts- und Socialwissenschaften. Bd. 12. S. 193—196.

⁴⁴ Ibid., S. 196.

⁴⁵ Ibid., S. 193.

их можно было бы выделить и в значительно большем количестве.

Х. Ричль указывает, что «принципы экономического строя» различны в зависимости от «духа общества», от «духа хозяйства» и от «духа техники». В этом разделении, несомненно, сказалось влияние на его концепцию теории экономических систем В. Зомбарта.

Анализируя «дух общества», Х. Ричль выделяет три принципа — социализм, индивидуализм и этатизм. Принцип социального сознания характеризуется как социализм или индивидуализм в зависимости от того, указывает Х. Ричль, чувствует ли себя отдельная личность прежде всего частицей социального целого или же автономным индивидуумом. Принцип этатизма имеет место тогда, когда индивидуум используется как средство для достижения целей государства и когда индивидуум целиком предоставляет себя для выполнения этих целей.

«Принципы» зависят даже от «духа хозяйства», который, по Х. Ричлю, может проявляться в экономических мотивах (принуждение, привычка, радость труда, стремление к наживе, стремление к власти) и в хозяйственной этике (она может основываться на послушании, ощущении общности, чувстве долга, чувстве самосохранения, солидарности и т. д.). Однако остается не ясным соотношение всех этих категорий с экономическими принципами, из которых Х. Ричль различает только два: «экономические принципы различаются фундаментальным образом как принцип покрытия потребностей и принцип прибыльности»⁴⁶.

«Принципы» экономической системы зависят, наконец по Х. Ричлю от «духа техники». Соотношение этой зависимости с «экономическими принципами» также остается нераскрытым, они Х. Ричлем характеризуются лишь в качестве альтернативы: эмпирический — научный, традиционный — экспериментальный.

Этим «принципам» соответствуют определенные формы их проявления в общественной, технической и экономической областях. Этих форм в систематике Х. Ричля перечислено превеликое множество; элементов, которые Х. Ричль причисляет к формам, в его систематике насчитывается более двухсот, но, как мы уже указывали, они имеют в его концепции второстепенное значение, их присутствие или отсутствие в экономической системе отнюдь не определяет ее существа. Так, например, Х. Ричль различает 8 форм банков (государственные, эмиссионные, частные, гроссбанки, ипотечные, сберегательные кассы, строительные сберкассы, кредитные товарищества), 5 форм внешней торговли (государственная монополия внешней торговли и внешняя торговля отдельных хозяйственных единиц в условиях свободы торговли, регулируемая косвенно посредством таможенных пошлин, регулируемая прямо посредством контингентов и правительственных соглашений) и т. д.

⁴⁶ Ibid., S. 193.

Необходимо подчеркнуть, что «структурно-аналитический» подход Х. Ричля совершенно лишен системного характера. У Х. Ричля в его работе нет никаких указаний на структурные, системные связи между отдельными элементами. Иерархические отношения установлены Х. Ричлем лишь в одном-единственном случае — между «принципами», с одной стороны, и «формами» — с другой. Но этого слишком мало — иерархические отношения между самими «принципами» не определены, а поскольку «принципов» несколько и они расположены в разных частях структуры (общество, экономика, техника), то остается совершенно неясным, каким образом эти различные и часто полностью исключаящие друг друга принципы комбинируются в единую систему. Основные правила этой комбинаторики остались вне рамок исследования Х. Ричля.

В основе теории экономических систем Х. Ричля лежит идеалистическое мировоззрение. Ведь «принципы», которые согласно концепции Х. Ричля имеют первостепенное значение и которые «формы» лишь выражают, могут быть получены только из «поведения» хозяйствующих субъектов. И отнюдь не случайно, что, когда в своей систематике Х. Ричль переходит к формулировке «принципов», он связывает их с «духом» общества, экономики, техники. Именно принципы социального сознания, социальной воли, экономические мотивы, хозяйственная этика, дух техники определяют у Х. Ричля хозяйственное бытие в виде экономических «форм». Среди этих вторичных (согласно концепции Х. Ричля) элементов мы находим и формы собственности, и формы дохода, и формы разделения труда. Эта точка зрения отнюдь не случайна, она служит логической предпосылкой буржуазной концепции, согласно которой люди (вернее, люди, стоящие у власти) сами определяют свою экономическую систему. Согласно этой концепции экономическая система определяется той идеологией, тем духом, который господствует в данном обществе.

Необходимо указать и на то, что за великим множеством структурных элементов (по нашим подсчетам, их значительно больше двухсот) в концепции Х. Ричля скрываются всего лишь два экономических «принципа» и этим двум принципам соответствуют две различные экономические системы. Этими «принципами» являются «принцип покрытия потребностей» и «принцип прибыльности», а экономическими системами — система «общего хозяйства» и система «рыночного хозяйства». По сути дела все многообразие представленных в систематике Х. Ричля экономических элементов, которые должны были бы служить, согласно его заявлению, «инструментами» для анализа реальных хозяйственных систем, на самом деле уже заранее, по воле самого теоретика, сведено к двум экономическим системам — «рыночного хозяйства» и «общего хозяйства». К анализу систем «рыночного хозяйства» и «общего хозяйства» мы обратимся в следующих разделах работы.

ТЕОРИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

1. «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА» В. ОЙКЕНА И ЕЕ МОДИФИКАЦИИ

Основные методологические посылки, используемые буржуазными теоретиками для построения неоклассической модели «центральноуправляемого хозяйства», в общем виде заложены уже в теории типологизации «экономических систем». Исключительно тесная методологическая связь этих разделов теории между собой несомненна, теория «центральноуправляемого хозяйства» вырастает из методологии типологизации систем, отсюда же вырастают и ее противоречия и ошибки.

Основным критерием типологизации, используемым неоклассической теорией «экономических систем», является число «планов» в системе. В экономической системе «рыночной экономики» число «планов» согласно этой теории равно двум или больше двух. В «центральноуправляемом хозяйстве» число «планов» должно быть равно только единице. Таким образом, в наличии одного, единственного «плана» и состоит первая важнейшая черта модели «центральноуправляемого хозяйства». Для того чтобы этот «план» оставался единственным, он должен вытеснить все остальные «планы»; вся экономическая жизнь в этом случае, согласно буржуазной теории, должна быть подчинена единому центру. За одним — единственным — «планом» должна стоять одна воля, которая подчиняет себе любую другую волю. Наличие одного центра, одной воли — другая важнейшая черта буржуазной модели «центральноуправляемого хозяйства». И, наконец, этот «план», если он всего лишь один-единственный в целой экономической системе, должен согласно этой концепции охватывать и пронизывать все стороны экономического процесса, все его детали и аспекты, включать в себя все экономические события, в каком бы уголке экономической системы они не происходили. Короче говоря, это должен быть «тотальный план», «тотальное планирование».

Такой подход к «центральноуправляемому хозяйству», который ставит в центр этой экономической системы единственный

и всеохватывающий, а по существу — «тотальный» план, свойствен концепциям «центральноуправляемого хозяйства». Однако нереалистичность этого подхода, невозможность верифицировать его современными или имевшими место в прошлом экономическими порядками ставит буржуазную теорию в крайне сложное положение, заставляет искать выход из теоретического тупика. Выход этот ищут на путях конструирования различных «подтипов», «вариантов», отличающихся рядом существенных признаков от основного типа «центральноуправляемого хозяйства». Однако эти отклонения, цель которых заключается в том, чтобы хоть как-то приблизить теоретическую модель к исторической реальности и тем самым через конструирование «подтипов» спасти основной тип, заключаются как раз в нарушении основного типологизирующего критерия — нарушается основная посылка, согласно которой число «планов» в «центральноуправляемом хозяйстве» должно быть равно единице. Поэтому представляется весьма сомнительным, чтобы теоретические результаты, полученные буржуазными экономистами на модели «центральноуправляемого хозяйства» с тотальным планированием, возможно было бы распространить на иные формы или «подтипы» этой экономической системы (и наоборот). Ведь недопустимо же с точки зрения буржуазной теории перенесение результатов, полученных для рыночной формы «совершенной конкуренции», на рыночные формы «монополии» или «двусторонней монополии». Между тем основной тип «центральноуправляемого хозяйства» — это и есть, как его называют сами буржуазные экономисты, «совершенное центральноуправляемое хозяйство». В буржуазной политэкономии все большее распространение получает точка зрения, что распространение теоретических выводов, полученных на модели «совершенной конкуренции», на экономическую систему капитализма, их абсолютизация причинила в свое время серьезный ущерб буржуазной экономической теории. Но этот же дискредитировавший себя теоретический прием до сих пор используется в теории «центральноуправляемого хозяйства».

В общем виде основы конструкции модели «центральноуправляемого хозяйства», а также теория его форм (подтипов) были созданы еще В. Ойкеном. Современные авторы, работающие в области теории «центральноуправляемого хозяйства», в этой части, как правило, лишь повторяют то, что было в свое время сделано В. Ойкеном. Поэтому для того, чтобы уяснить себе общие рамки модели, в которых затем буржуазные экономисты рассматривают важнейшие экономические проблемы «центральноуправляемого хозяйства», обратимся к аргументации самого В. Ойкена, с тем чтобы вести критический анализ основных идей по первоисточнику.

«Центральноуправляемое хозяйство», согласно концепции В. Ойкена, характеризуется прежде всего тем, что «управление всей повседневной экономической жизнью общества осуществля-

ется на основе планов центрального органа»¹. Однако внутри «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкен различает две основные формы: этими формами служат, во-первых, «простое центральноуправляемое хозяйство», или «собственное хозяйство» (*Eigenwirtschaft*), и, во-вторых, «центральноуправляемое хозяйство», охватывающее все народное хозяйство. Критерием для различения этих двух основных форм у В. Ойкена является их величина и «обозримость экономического процесса». «Простое центральноуправляемое хозяйство» охватывает часто только одну семью и обозримо для его руководителя, тогда как «центральноуправляемое хозяйство» должно иметь из-за своей величины особый аппарат управления. Обе эти основных формы, по мнению В. Ойкена, могут выступать в трех вариантах: «тотальное центральноуправляемое хозяйство»; «центральноуправляемое хозяйство со свободным обменом потребительских благ»; «центральноуправляемое хозяйство со свободным потребительским выбором»².

В «тотальном центральноуправляемом хозяйстве» использование всех факторов производства, распределение продуктов и их потребление производится строго в соответствии с распоряжениями центрального органа. Здесь отдельная воля — это вообще ничто, центральный приказ распространяет свою силу «вплоть до самого отдаленного уголка». Особый упор делает В. Ойкен при рассмотрении этой модели на то, чтобы у отдельных индивидуумов не существовало никаких возможностей свободного выбора потребительских благ. Каждому предназначен определенный рацион, и он лишен даже права обменять хотя бы часть этого рациона со своими сотоварищами, с тем чтобы добиться лучшего приспособления выделяемого ему для потребления продукта к своим индивидуальным потребностям. Для каждого индивидуума центр, кроме того, предопределяет характер профессии и указывает рабочее место.

В. Ойкен не может объяснить, какая экономическая и политическая необходимость заставляет центр не допускать обмен выделенных рационов между отдельными индивидуумами, строго преследовать их за это. Он вынужден сделать шаг назад от изобретенной им конструкции «тотального центральноуправляемого хозяйства» и выделить подтип «центральноуправляемого хозяйства со свободным обменом потребительских благ». В этом варианте аллокация факторов производства и сам производственный процесс направляются непосредственно приказами центрального аппарата. Распределение фонда потребительских благ также происходит в «тотальных» формах централизованного рационирования, однако здесь возможна корректировка централизованного распределения посредством обмена полученных про-

¹ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie. B. etc., 1950, S. 79.

² Ibid., S. 80.

дуктов. Отдельные индивидуумы, получив свой рацион, могут вступать между собой в акты обмена.

В. Ойкен характеризует эту модель следующим образом: «Единое господство планового центра смягчено тем, что здесь могут находить выражение потребности и экономические планы отдельных получателей потребительских благ. Конечно, дело обстоит так лишь в ограниченной мере. Но чистый «монизм» устранен и действует известный «плюрализм» планов. При обмене формируются «меновые стоимости» ... Если этот обмен потребительских благ не случаен, а носит длительный характер, то образуются рынки и цены с использованием общепринятого средства обмена — денег. Правда, рынки находятся совершенно в тени центрального руководства и его решений: экономические планы отдельных единиц строжайшим образом подчинены экономическому плану центрального руководства»³.

Таким образом, как только В. Ойкен попытался приблизить свою модель к реальности и разрешил потребителям благ хотя бы между собой обменивать получаемые ими от центра рационы, так его концепция «центральноуправляемого хозяйства», основывающаяся на критерии существования в нем одного единственного «плана», тут же перестала соответствовать даже меркам буржуазной теории. Ибо за «планами потребителей» в буржуазной теории признается ранг «плана». В результате в модели присутствует уже не «монизм», а «плюрализм планов». В. Ойкен, оказавшись вынужденным допустить обмен потребительских благ, чтобы спасти свою концепцию от обвинений в абсолютном несоответствии исторической реальности (а подтип с обменом потребительских благ, по мнению В. Ойкена, существует, — это военная экономика с обменом пайков), впадает в другое серьезнейшее противоречие — он допускает плюрализм планов и пытается выйти из этого сложного положения при помощи введения принципа «доминантности планов», т. е. того приема, который был использован много позднее Н. Клотеном.

В «центральноуправляемом хозяйстве со свободным выбором потребительских благ» центральный орган отказывается от их непосредственного распределения и передает право выбора потребителям, но в рамках установленного центром предложения предметов потребления. Для этого потребители должны получить в свое распоряжение какие-то удостоверения на право распоряжаться определенным количеством таких товаров, т. е. деньги в какой-то их форме. В. Ойкен признает, что в этой системе потребители могут осуществлять свои собственные экономические планы. По его мнению, центральный орган может в этом случае вести себя либо так, чтобы сделать себя относительно независимым от индивидуального спроса (как монополия), либо может сознательно позволить возникающим импульсам спроса воздействовать на свой план производства, увеличи-

³ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie, S. 82.

вая планируемый объем производства при возрастании спроса. Если экономический план центрального органа становится в полную зависимость от экономических планов потребителей, то, признает В. Ойкен, граница центральноуправляемого хозяйства достигнута или нарушена. Когда центр, монопольно господствующий на всех рынках, пытается снабжать потребителей по принципу «наилучшего снабжения», то этот случай можно отнести уже к рыночному хозяйству.

В такой трактовке вопроса, к какой здесь прибегает В. Ойкен, логика отсутствует, ее место заняли произвольные и противоречивые умозаключения. В самом деле, как только центральный плановый орган начинает в своих решениях учитывать потребности потребителей, так тут же этот тип хозяйства превращается у него из «центральноуправляемого» в «рыночное». «Свободный потребительский выбор,— комментирует это положение В. Ойкена западногерманский экономист М. Крёлль,— равнозначен для Ойкена индивидуальному планированию. Ибо при нем центральный орган должен приспособливаться к желаниям потребителей, а это не только превосходит его возможности, это противоречит также его понятию, важнейшим признаком которого является единственная и стоящая над всем воля». Именно поэтому В. Ойкен рассматривал известную модель Э. Бароне как модель «странную», которой никогда не было и никогда не будет. Плановое хозяйство и свободный потребительский выбор для Ойкена принципиально исключают друг друга, делает вывод М. Крёлль.

Н. Клотен, рассматривая различные подтипы «центральноуправляемого хозяйства», сконструированные В. Ойкеном, говорит, что как центральноуправляемое хозяйство со свободным потребительским обменом, так и центральноуправляемое хозяйство со свободным потребительским выбором в соответствии с критерием Ойкена ни в коей мере не могут более рассматриваться как варианты центральноуправляемого хозяйства. В строгом смысле его определения — при многочисленности индивидуальных планов и тем самым самостоятельных действиях семейных бюджетов, хотя и в довольно узкой сфере,— представляют формы проявления рыночнохозяйственного процесса.

Еще одним подтипом, с помощью которого буржуазные теоретики пытаются несколько отойти от слишком уж бросающихся в глаза крайностей «тотального центральноуправляемого хозяйства», является модель со свободным рынком рабочей силы. В этом случае в план, составляемый центром, включается использование абсолютно всех производственных факторов, кроме фактора труд.

Наиболее известной и наиболее полно разработанной моделью «центральноуправляемого хозяйства» является модель, созданная учеником и сотрудником В. Ойкена, западногерманским экономистом К. П. Хензелем, возглавлявшим в Марбурге исследовательский центр по сравнению экономических систем. В сле-

дующих разделах работы мы подробно рассмотрим его модель, здесь же ограничимся анализом ее общих методологических посылок.

В предисловии к своей работе «Введение в теорию центральноуправляемого хозяйства» К. П. Хензель заявляет, что «создать теорию центральноуправляемого хозяйства означает разработать модель, противоположную полностью децентрализованному направлению экономического процесса...» К. П. Хензель говорит о том, что «против исследования модели чистого «центральноуправляемого хозяйства» подчас выдвигаются возражения, состоящие в том, что такая теория не представляет практического интереса... Говорят, что вместо модели с абсолютным центральным регулированием лучше было бы поэтому анализировать модель центрального управления со свободными рынками потребительских товаров и свободными рынками рабочей силы...». К. П. Хензель не соглашается с этим и пытается обосновать необходимость разработки модели полностью «центральноуправляемого хозяйства» с помощью следующего аргумента: «Теория чисто центрального управления является предпосылкой для решения вопроса, могут ли быть встроены и в какой мере элементы децентрализованного регулирования в систему центрального управления, без того чтобы существенно не нарушить ее функции»⁴.

Исходя из такой постановки вопроса К. П. Хензель и конструирует свою модель «центральноуправляемого хозяйства». Это модель «тотального планирования», в ней отсутствуют свободный обмен и выбор потребительских товаров, равно как и рынок рабочей силы. Модель охватывает целое народное хозяйство, т. е. хозяйство с широким разделением труда, но в модели К. П. Хензеля отсутствуют деньги, по сути дела это — натуральное хозяйство. Все происходящее внутри этой модели предreshается центром.

Г. Гутман, ученик К. П. Хензеля, разработал модель, в которую он ввел денежные потоки и тем самым как бы завершил теоретическую работу, начатую К. П. Хензелем. Все остальные послылки его модели, за исключением денег, те же самые, что и у К. П. Хензеля.

Нам представляется, что в методологических послылках моделей «центральноуправляемого хозяйства» современных буржуазных экономистов есть один общий недостаток. Конструируя модель чистого «центральноуправляемого хозяйства», К. П. Хензель, например, пытаясь избежать упреков в нереалистичности, говорит о том, что рассмотрение такой чистой модели позволит решить вопрос о возможности введения в нее элементов другой системы — рыночной; В. Ойкен и многие другие современные буржуазные экономисты не делают даже того, что делает

⁴ Hensel K. P. Einführung in die Theorie der Zentralverwaltungswirtschaft. Stuttgart, 1959, S. V—VI.

К. П. Хензель, они просто вводят, «встраивают» в модель «центральноуправляемого хозяйства» рынки потребительских товаров и рынок рабочей силы.

Однако не постановка вопроса о «введении», ни само это «введение» в одну «систему» элементов другой, прямо противоположной системы не представляется логически обоснованным, оно выглядит как произвольный и механический акт, теоретически и методологически ничем не подготовленный.

Что означает введение в систему «центральноуправляемого хозяйства» рыночных элементов или постановка вопроса об исследовании чистой модели «центральноуправляемого хозяйства» с целью выяснения степени и возможного присутствия там тех же рыночных элементов? Авторы подобных допущений ничего не говорят о том, в каком соотношении находятся эти новые посылки с основной посылкой модели, могут ли они быть логически выведены из основного содержания системы? Может ли быть выведена логически в рамках конструкции «центральноуправляемого хозяйства» сама идея рыночной системы или ее элементов из идеи «центральноуправляемого хозяйства»? В соответствии с основными методологическими посылками буржуазной модели центральноуправляемого хозяйства необходимо сказать, что такого нет и быть не может.

Буржуазной теорией экономических систем никак не объяснено, как и почему система чистого «центральноуправляемого хозяйства», например, вдруг порождает сама из себя элементы рыночной системы, встраивает их в себя и удерживает их в своих рамках (в виде рынков потребительских товаров и рабочей силы). Если понятия «рыночного хозяйства» и «центральноуправляемого хозяйства» являются конечными показателями, конечными станциями логического анализа, то такое объяснение логически невозможно. Поэтому и сталкивается неоклассическая теория экономических систем с такими трудностями при объяснении реальных систем и конструировании смешанных форм.

В решении и этого вопроса отчетливо проявляются преимущества марксистско-ленинской теории способа производства. Планомерность и товарность являются для этой теории лишь формами связи, но за этими категориями стоит весь комплекс производственных отношений, определяемый формой собственности на средства производства. Поэтому марксистско-ленинская теория в состоянии объяснить появление в условиях государственно-монополистического капитализма элементов планомерности в синтезе с товарной стихией именно исходя из более глубоких категорий⁵. То же самое относится и к возникновению и существованию товарно-денежных отношений в условиях социалистической планомерности, ибо товарно-денежные отношения и планомерность согласно марксистско-ленинской теории выра-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385—386; т. 32, с. 145—146.

стают в условиях экономической системы развитого социализма не сами из себя, а из более глубоких категорий, из форм социалистической собственности на средства производства и соединения рабочей силы со средствами производства. Здесь уже возможно представить плановость и подчиненные ей товарно-денежные отношения как органический синтез экономических отношений в рамках единой системы, а не как элементы, лишь механически сосуществующие рядом друг с другом, как это получается в неоклассической теории экономических систем, где введение элементов одной системы в другую, предпринятое с целью хоть как-то приблизиться к реальности, приводит к логическим противоречиям столь серьезным, что они разрушают всю теоретическую конструкцию.

2. ТЕОРИЯ «ОБЩЕГО ХОЗЯЙСТВА» Х. РИЧЛЯ

С весьма своеобразной модификацией модели «центрально-управляемого хозяйства» выступает западногерманский экономист Х. Ричль. С одной стороны, Х. Ричль различает, как и неоклассическая теория экономических систем, рыночную экономику и хозяйство, в котором господствует единая центральная воля. Однако внутри этой «основной формы» хозяйства он выделяет два подтипа; в основе хозяйствования одного из них лежит принцип получения как можно большей прибыли (например, в акционерном обществе), в основе хозяйствования другого — принцип покрытия потребностей. Этот второй подтип Х. Ричль называет «общим хозяйством» («совместным хозяйством») и все усилия направляет на разработку этой модели, заявляя, что именно эта экономическая система является антиподом системы «рыночной экономики».

Что касается его модели «рыночной экономики», то и буржуазные авторы признают, что даже самый скрупулезный анализ не позволяет выявить отличия конструкции Х. Ричля от неоклассической модели «рыночной экономики». В то же время Х. Ричль заявляет, что типология В. Ойкена, его понятие «центральноуправляемого хозяйства», а также подтипы этой модели, разработанные В. Ойкеном, не раскрывают их существа и недостаточны для решения проблемы⁶.

Основной характерной чертой «общего хозяйства» Х. Ричль называет «совместное удовлетворение потребностей». Чтобы сделать более ясной границу между «рыночной экономикой» и «общим хозяйством», Х. Ричль противопоставляет их друг другу по целому ряду признаков:

1) в «рыночной экономике» хозяйственные единицы имеют

⁶ *Ritschl H. Prinzipien der Gemeinwirtschaft.*— In: Weddigen W. (Hrsg.). *Untersuchungen zur sozialen Gestaltung der Wirtschaftsordnung.* B., 1950, S. 41. Fußnote.

целью удовлетворение индивидуальных потребностей, в «общем хозяйстве» речь идет об удовлетворении общих потребностей;

2) в «рыночном хозяйстве» действует принцип прибыли, превышения доходов над расходами, в «общем хозяйстве», напротив, действует принцип покрытия потребностей, при этом целью является не создание превышения дохода над расходами, а их равновесие, равенство расходов доходам;

3) если в «рыночной экономике» действует, как его называет Х. Ричль, принцип «специальной возмездности», при котором каждая производственная или иная услуга требует соответствующей особой компенсации, то в «общем хозяйстве» его члены должны руководствоваться принципом вклада, они как бы должны вносить нечто вроде «налогов», а затем они, в свою очередь, получают от сообщества соответствующие услуги; этот принцип Х. Ричль называет принципом «общей возмездности»;

4) «рыночное хозяйство» основывается на частной собственности на средства производства и потребительские товары, в «общем хозяйстве» существует общая, совместная собственность на то и другое;

5) совершенно различный характер в обеих системах имеет разделение труда: в «рыночной экономике» оно свободно и эластично, в «общем хозяйстве» является более застывшим и статичным;

6) в «рыночном хозяйстве» принципу «возмездности» соответствует принцип «оплаты за действительно оказанные услуги», в «общем хозяйстве» этому противостоит чиновничий принцип «оклада»;

7) принцип прибыльности обеспечивает динамический характер «рыночной экономики», принцип «покрытия потребностей» «общего хозяйства» обуславливает его статический характер; эта система хозяйства занимает ведущие позиции якобы лишь в области военной техники;

8) «рыночная экономика» является анархической системой конкурентного хозяйства, в котором отсутствует господство одной воли, центра; в противоположность этому «общее хозяйство» является строго организованным, центрально организованным плановым хозяйством.

Любопытна история происхождения концепции Х. Ричля. Первоначально эта теория была разработана им под влиянием тех новых явлений, которые стали особенно заметными в экономике капиталистической Германии в период фашизма и в годы второй мировой войны. Х. Ричль полагал, что неоклассическая концепция не в состоянии дать достаточного теоретического объяснения смешанных форм и выдвинул свою модель «общего хозяйства». Коротче говоря, первоначально модель «общего хозяйства» была призвана теоретически обосновать новую и все возрастающую роль капиталистического государства в условиях государственно-монополистического капитализма. «Это противопоставление, — заявляет западногерманский экономист

М. Крёльль, — дает действительно всеохватывающую картину современной экономики. Практическое значение этого синтеза становится ясным из того, что в современных промышленных государствах... государство, общины и др. в общем хозяйстве используют примерно одну треть рабочей силы и выплачивают примерно одну треть национального продукта... Однако в своих последних работах Ричль делает решающий шаг, а именно: он переносит принципы общего хозяйства, как принципы лишь одного сектора народного хозяйства, на хозяйство в целом. Рыночное хозяйство исчезает, его место занимает только одно общее хозяйство, иначе говоря тотальный коммунизм»⁷. Сделать этот «решающий» шаг заставило Х. Ричля, по-видимому, построение социализма в ГДР и переход СССР к стадии развитого социалистического общества.

Хотя Х. Ричль оперирует той же парой противоположных экономических систем, что и неоклассическая теория, хотя он начинает описание своей модели с заявления о том, что в основе ее лежит «центральная воля», и это опять-таки роднит его теорию с неоклассической теорией, было бы, однако, ошибкой, лишь на основании таких внешних признаков относить его концепцию к неоклассическому направлению. Теория Х. Ричля представляет собой теорию «центральноуправляемого хозяйства» институционально-социологического направления.

Концепция «центральноуправляемого хозяйства» в форме «общего хозяйства» так же, как и неоклассическая теория «центральноуправляемого хозяйства», характеризуется целым рядом серьезных логических противоречий и в вопросе о формах этого хозяйства. Хотя основным принципом «общего хозяйства» является «совместное покрытие потребностей», Х. Ричль вынужден исключить из данной категории домашние хозяйства. Во-первых, потому, что семья из одного человека уже не попадает под это понятие, так как в этом случае отсутствует «совместное» удовлетворение потребностей, а во-вторых, потому, что домашние хозяйства, как пишет Х. Ричль, «являются мельчайшими элементами рыночнохозяйственной системы».

Рассматривая формы «общего хозяйства», Х. Ричль делит их на «открытые» и «закрытые». «Закрытыми» они являются в том случае, если потребности полностью покрываются собственным производством, «открытыми» — если продукты и услуги получаются от других хозяйств или передаются им. Из этого можно сделать вывод, что «общее хозяйство» Х. Ричля может носить как натуральный, так и товарный характер. Ричль и сам говорит о «натуральном плановом хозяйстве» и о «плановом хозяйстве с денежным счетом».

Еще две формы «общего хозяйства» Х. Ричль выделяет в зависимости от его величины. «Общее хозяйство», в котором

⁷ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 420.

участвуют от десятка до нескольких сотен членов, он называет «общим хозяйством малого круга». В этой форме хозяйства происходит, по мнению Х. Ричля, непосредственное соединение общего домашнего хозяйства со служащим ему собственным сельскохозяйственным и ремесленным производством. Такое положение имеет место в «закрытом общем хозяйстве малого круга». В «открытом» — излишки передаются другим хозяйствам, а от них получают взамен блага и услуги. Историческими формами существования «общего хозяйства малого круга» Х. Ричль считает хозяйство монастырей раннего средневековья, хозяйство некоторых религиозных сект (например, хозяйство сектантской общины меренских братьев в Германии, основанной в начале XVI в., а затем и последователей меренских братьев, основавших общину в XVIII в.). Сюда же Х. Ричль относит и коммуны, основанные социалистами-утопистами. «Значительнейшим примером» этой формы хозяйства в современных условиях Х. Ричль считает израильские киббуцы, где существуют и общая кухня, и общая трапезная, и общие спальные помещения (лишь супружеским парам предоставляются отдельные спальные помещения), и в которых семья, как единица, более не существует, она «растворилась», а «частная собственность полностью устранена» и «первоначально даже нательное белье не было индивидуальным». К этой же форме Х. Ричль относит и кооперативные поселения бывших сельскохозяйственных рабочих в Мексике, основанные в 20—30-е годы XX в. («эджидос»). Возникающий в связи с этим вопрос, как быть с кооперативной формой, включать ли ее в «общее хозяйство» или не включать, а если включать, то какие виды кооперативов, — остается у Х. Ричля фактически без вразумительного ответа.

«Общее хозяйство большого круга» охватывает по Х. Ричлю деревню, город, государство, империю. Эта форма хозяйства может быть «открытой» по отношению к системе «рыночной экономики». В этом случае, заявляет Х. Ричль, во взаимном дополнении и сосуществовании систем рыночной экономики и общего хозяйства возникает дуалистический экономический строй. Такого рода плюралистский экономический строй как взаимное дополнение «общего хозяйства» и «рыночной экономики» существует в странах Запада, считает Х. Ричль. Либо система «общего хозяйства» может быть «закрытой» и в этом случае речь идет о «тотальном общем хозяйстве». Эта форма хозяйства может быть осуществлена на практике лишь как «командная экономика» и представляет собой по Х. Ричлю «извращенную» форму «общего хозяйства». Х. Ричль заявляет, что подобного рода хозяйство не является подлинным «общим хозяйством», ибо принуждение, команда, являются его конститутивным моментом.

3. КОНЦЕПЦИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА» В ТЕОРИИ «ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ»

В работах буржуазных авторов как второй половины 60-х, так и 70-х годов трактовка концепции «центральноруправляемого хозяйства» основывается на тех же основных методологических посылах, что и в работах их предшественников. Основу абстрактной системы «центральноруправляемого хозяйства» в работах буржуазных экономистов по-прежнему составляет «центр», единая и всеохватывающая воля, тотальный план, команда. При характеристике так называемых реальных систем эти элементы также выделяются в первую очередь и рассматриваются как главные, определяющие, хотя потом к ним и добавляется целый ряд других, но уже второстепенных элементов. Оттенки в характеристике «центральноруправляемого хозяйства» у буржуазных авторов возникают главным образом в тех случаях, когда его характеристика дается сторонниками теории «принятия решений» или теории «экономического благосостояния». В первом случае упор делается на то, что в «центральноруправляемом хозяйстве» вертикальные связи вытеснили горизонтальные связи (в абстрактных системах) или доминируют (при описании реальных систем), во втором случае при конструировании системы «центральноруправляемого хозяйства» основу анализа составляет формирование целевой функции экономической системы.

Западногерманский профессор Х. Шенк, американские экономисты Р. Карсон, Э. Нойбергер и У. Даффи рассматривают экономическую систему «центральноруправляемого хозяйства» с позиций теории «принятия решений».

В работе «Сравнительные экономические системы», изданной в США и Англии в 1973 г., Р. Карсон применяет «трехразмерный» подход к экономической системе, выделяя такие «размерности» экономической системы, как «политическое принятие решений», «природу информационных потоков» и «структуру информационных потоков»⁸. По этим основным «размерностям» он и ведет характеристику двух противоположных экономических систем — «централизованной» и «децентрализованной». При этом Р. Карсон особенно подчеркивает необходимость различия между централизацией как концентрацией экономического могущества и централизацией как способом принятия экономических решений⁹.

Экономическая централизация (или децентрализация) измеряется по Р. Карсону «природой и структурой информационных потоков между различными экономическими аспектами в процессе принятия решений о том, что, как и для кого производится». Политическая централизация (или децентрализация) изме-

⁸ Carson R. Comparative Economic Systems. N. Y.; L., 1973, p. 44.

⁹ Ibid.

руется степенью, в которой «формирование целей» сосредоточено в руках центральной власти или отдельных участников процесса. Р. Карсон заявляет, что концентрация экономического могущества и централизация решений необязательно должны совпадать теоретически и не совпадают в реальной действительности. Р. Карсон специально выделяет экономическую систему, в которой централизован как процесс принятия экономических, так и политических решений.

Американские экономисты Э. Нойбергер и У. Даффи, опубликовавшие свою работу несколько позже Р. Карсона, демонстрируют практически тот же самый подход к экономическим системам, что и Р. Карсон. Они также выделяют три различных составляющих экономической системы — структуру принятия решений; информационную структуру; мотивационную структуру¹⁰. В этом подходе мало нового, не только по сравнению с подходом Р. Карсона, но и по сравнению с неоклассическим подходом вообще. В несколько более ранней работе К. П. Хензеля практически выделены те же самые три различные сферы внутри модели «центральноуправляемого хозяйства»: сфера составления центрального плана, сфера получения информации, необходимая для составления плана и контроля за его выполнением, сфера организации выполнения плана, включая сюда прежде всего различного рода материальные стимулы. По сути дела, все основные методологические посылки этой теории, если рассматривать ее экономическое содержание, позаимствованы ее авторами из неоклассической теории экономических систем. Это признают сами авторы, указывая на то, что их подход к изучению экономических систем является неоклассическим. При этом Э. Нойбергер и У. Даффи ссылаются на более раннюю работу Б. Уорда, согласно которому сущность неоклассического подхода состоит в том значении, которое им придается решению как единице анализа. По сути дела авторы этой работы излагают неоклассическую теорию экономических систем, но делают это в терминах теории «принятия решений».

В соответствии с основными посылами неоклассической теории Э. Нойбергер и У. Даффи дают и характеристику планового хозяйства: «определенная централизация является решающим аспектом любой плановой системы», а «централизация структуры принятия решений требует определенной централизации информационной структуры»¹¹.

Таким образом, как и в неоклассической модели, «решающим аспектом» модели планового хозяйства в теории «принятия решений» является централизация. Экономическая централизация отождествляется с политической централизацией, последняя с политической диктатурой, экономическая централизация скла-

¹⁰ *Neuberger E., Duffy W. Comparative Economic Systems: Decision — Making Approach.* Boston, 1976, p. 5.

¹¹ *Ibid.*, p. 83.

дывается далее с политической диктатурой, и у буржуазных экономистов готова модель «тотального планового хозяйства», которая затем отождествляется с экономической системой развитого социализма. Таковы основные методологические посылки и основные выводы неоклассической теории «центральноуправляемого хозяйства», будь то в форме уже известных экономических теорий Ойкена, Хензеля—Гутмана или же новомодных теорий «центральноуправляемого хозяйства» в работах сторонников теории «принятия решений».

Как и у В. Ойкена, плановая система Э. Нойбергера и У. Даффи имеет свою, так сказать, совершенную форму. Они назвали ее моделью «чистого централизованного планирования». Этот основной тип плановой системы предполагает существование всеведущего и всеильного плановика или группы плановиков, которые принимают все необходимые экономические решения. Они точно знают, чего они хотят достичь, получают всю необходимую информацию от других участников хозяйственного процесса, обрабатывают всю эту информацию, чтобы составить оптимальный план аллокации имеющихся ресурсов для выполнения различных задач и затем дают команду выполнять каждому те задачи, которые ему предписаны. Авторы, однако, приходят к выводу, что существование этой модели «совершенного центральноуправляемого хозяйства» в реальной действительности невозможно. Подобную экономическую систему они вынуждены называть «компьютопией».

Поэтому, как и родоначальник теории «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкен, Э. Нойбергер и У. Даффи вынуждены конструировать различные подтипы «плановой системы», которые в той или иной степени отклоняются от основного прототипа. Исходя из своего определения плановой системы, которое, кстати, сформулировано совершенно в духе К. П. Хензеля и гласит, что «плановыми системами являются системы с наибольшей централизацией структур принятия решений и информации, которые используют план как основной механизм координации для предварительной координации решений», авторы пытаются сформулировать те критерии, которые позволили бы им выделить подтипы «плановой системы» и тем самым отвести от себя упреки в нереалистичности основного прототипа. Таких критериев, позволяющих им выделить подтипы, или как говорят авторы, «разделить основную категорию», они выделяют три.

Во-первых, они указывают на «степень концентрации принятия решений» (здесь их подход совпадает с подходом Р. Карсона). В результате само планирование разделяется ими на централизованное и децентрализованное. В качестве второго критерия они указывают на характер ограничения центром возможных действий нижних звеньев. Это ограничение может осуществляться либо путем административных методов, либо путем «манипулирования последствиями действий», т. е. изменения системы стимулирования, мотивации. В соответствии с этим планирование

разделяется на административное и манипулятивное. И, в-третьих, рассматривая социальную базу власти центра по принятию решений, авторы выделяют две мотивационные структуры: одна из них основана на команде, другая — на солидарности.

Если до сих пор мы видели в кибернетической теории «экономических систем» лишь повторение неоклассической теории, изложение ее в иной терминологии, то теперь мы сталкиваемся с «собственным вкладом» теории «принятия решений» в теорию «экономических систем».

Остановимся на разделении планирования на централизованное и децентрализованное. Прежде всего «степень концентрации принятия решений» выглядит крайне аморфным и неопределенным критерием для такого разделения, разграничительная линия между «централизованным» и «децентрализованным» планированием в этом случае исчезает. Здесь возникает и еще один, не менее важный, вопрос: «степень концентрации решений» — что это такое, критерий разделения подтипов внутри плановой системы или же это критерий разделения между «плановой» и «рыночной» системами? У Р. Карсона, например, этот критерий используется для разделения централизованной системы принятия решений (плановой) от децентрализованной (рыночной). И, наконец, понятие «децентрализованное планирование» противоречит исходному определению авторами «плановой системы», поскольку координация отдельных решений в народном хозяйстве может осуществляться лишь в рамках всего народного хозяйства, в рамках глобальных плановых решений, в рамках народно-хозяйственного плана, а не в рамках «децентрализованного планирования».

Что касается второго и третьего критерия, которые якобы позволяют выделить подтипы «плановой системы», то, во-первых, они повторяют друг друга, ибо и «манипулятивное», и «административное», и «командное» планирование — это все понятия, призванные отобразить различные методы, применяемые для обеспечения выполнения плана. Эти методы не входят в процесс составления плана как метода координирующего, балансирующего отдельные виды экономической деятельности, они вступают в действие на этапе выполнения уже составленного плана (в период составления плана они играют лишь пассивную роль, сами являются объектом планирования). Непонятно далее выделение этих методов стимулирования выполнения плана в различные группы критериев для выделения подтипов «плановой системы». «Административное планирование», ограничивающее действия низших звеньев, и «команда», как фактор, воздействующий на мотивационную структуру исполнителей плана, — представляются категориями тождественными.

Запутан авторами вопрос и об отнесении реально существующих экономических систем к тому или иному типу или подтипу экономики. Так, с одной стороны, Э. Нойбергер и У. Даффи заявляют, что «все плановые экономики фактически характери-

зуются децентрализованным планированием», а с другой стороны, они относят «китайский и кубинский эксперименты» к подтипу «централизованной солидарности». Экономике СССР эти авторы называют «центральнопланируемой командной экономикой». Все эти высказывания авторов противоречат одно другому. Кроме того, подтип «централизованной солидарности» напоминает концепцию «общего хозяйства» западногерманского буржуазного экономиста Х. Ричля.

Как видим, теория «принятия решений» в области теории экономических систем и специально теории «центральноуправляемого хозяйства» лежит в целом в русле неоклассической теории, опираясь на ее основные методологические посылки и заимствуя в то же время отдельные положения из теории «общего хозяйства» Х. Ричля. С помощью «собственного вклада» этой теории в теорию экономических систем ей, однако, не удастся преодолеть наиболее резко бросающиеся в глаза противоречия неоклассической теории центральноуправляемого хозяйства, ибо она унаследовала от неоклассики все ее основные методологические пороки и ошибки.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА» С ПОЗИЦИЙ «ТЕОРИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ»

Весьма любопытна та эволюция, которая произошла в последние годы в подходе к теории «центральноуправляемого хозяйства» со стороны представителей «теории благосостояния» (welfare economics). Как нам представляется, эта эволюция объясняется не только субъективными желаниями буржуазных теоретиков, но и важными и серьезными противоречиями внутри концепции «центральноуправляемого хозяйства».

При разработке теории «экономических систем» представители теории «благосостояния» исходят из того, что люди располагают двумя путями достижения своих экономических целей: «прямым» и «косвенным», или, что то же самое, «индивидуальным» и «коллективным». Если люди избирают «прямой» путь достижения своих экономических целей, то они принимают свои «собственные» решения и соответственно этому и действуют. Такие решения отражают их собственную, индивидуальную шкалу ценностей, шкалу оценок. Эта шкала представлена «индивидуальной функцией предпочтений».

При «коллективном» пути достижения экономических целей согласно этой концепции уже не непосредственно сами люди, а государственная власть предпринимает действия, которые бы удовлетворяли желаниям населения. В этом случае государственная власть определяет цели экономической активности и принимает соответствующие решения. Принимая эти решения, государство должно иметь шкалу ценностей и эта шкала представ-

лена «государственной функцией предпочтений». Таким образом, существуют две системы оценок: система индивидуальных функций предпочтения и государственная функция предпочтения.

Нетрудно видеть, что этот подход отражает основные послышки неоклассической теории «экономических систем», но сформулирован в терминах «теории благосостояния». Одному-единственному плану в теории «центральноуправляемого хозяйства» здесь соответствует одна государственная функция предпочтения, множественности планов в неоклассической системе рыночной экономики — множественность индивидуальных функций предпочтения. Согласно этой концепции в системе рыночной экономики действует так называемый суверенитет потребителей, ибо индивидуальные функции предпочтения оказывают там непосредственное воздействие на использование и распределение ресурсов с помощью «голосования долларом». Что касается системы «центральноуправляемой экономики», с которой теоретики благосостояния отождествляют развитой социализм, то эта система объявляется системой принуждения и тоталитаризма, в которой индивидуальные склонности и желания (индивидуальные функции предпочтения) якобы задавлены, вытеснены «господством экономических целей диктатуры», «господством тотального плана».

В более мягких трактовках модели «центральноуправляемого хозяйства» их авторы предусматривают возможность воздействия населения на центр, на государство, а тем самым и на государственную функцию предпочтения, посредством различных политических каналов — «от выборов до революции». Теория этого вопроса оставалась в прошлом вне рамок исследований буржуазных экономистов и передавалась политологии (сейчас в рамках «новой политической экономии» проблемы взаимодействия политики и экономики все больше включаются в рамки теоретических изысканий).

Одной из наиболее известных трактовок функции благосостояния в «центральноуправляемом хозяйстве» является и до сих пор трактовка А. Бергсона. Согласно этой трактовке представления о полезности, существующие в центральноуправляемой экономике у отдельных лиц, объединяются центром, государством в единую функцию предпочтения под углом какого-то, специфически определенного, этического критерия. В качестве переменных в такой функции благосостояния выступают индивидуальные полезности. В буржуазной литературе, однако, признается, что функция благосостояния А. Бергсона для центральноуправляемой экономики весьма далека от реальности; указывается, что отдельные индивидуальные полезности не известны заранее (*ex ante*), что они становятся известны лишь после того, как потребители уже фактически делают выбор (т. е. *ex post*); указывается, кроме того, что форма функции определяется этическими соображениями, устанавливаемыми плановиками или, как выражается сам А. Бергсон, «директорами системы».

Здесь необходимо также упомянуть о теоретической попытке, предпринятой первоначально Т. Щитовским, а затем продолженной П. Самуэльсоном, вывести «общественную» или «социальную» кривую предпочтения из индивидуальных кривых предпочтения. Однако большинство буржуазных экономистов, разрабатывавших эту концепцию, признали ее утопичность, ее полную непригодность для практического использования.

Иной подход к функции благосостояния в «центральноуправляемом хозяйстве» демонстрирует профессор института социальных исследований в Гааге Я. Древновский. Он не пытается определить функцию благосостояния «центральноуправляемого хозяйства» на основе индивидуальных полезностей, как это пытается сделать А. Бергсон, и не старается вывести «социальную» кривую предпочтения из индивидуальных кривых предпочтения, как это делают Т. Щитовский и П. Самуэльсон. Я. Древновский исходит, во-первых, из существования в любом типе экономики двух систем оценок — индивидуальной и государственной функций предпочтения. «В национальной экономике имеются, следовательно, две системы оценок: множественная система индивидуальных функций предпочтения и единственная государственная функция предпочтения», — заявляет Я. Древновский¹². Если экономическую теорию капитализма, считает он, еще возможно строить только на одной системе предпочтений, учитывая при случае государственную активность, то такого рода подход совершенно неприемлем для экономической теории социализма. «Теория социалистической экономики, — утверждает Я. Древновский, — должна быть построена на двойственной системе оценок — на государственной функции предпочтения и индивидуальных функциях предпочтений... Следовательно, в социалистической экономике необходимо анализировать две системы решений: систему решений государства и систему решений индивидуумов»¹³.

Во-вторых, государственная функция предпочтения у Я. Древновского образуется не из индивидуальных функций предпочтения, не является результатом сведения в общую индивидуальных оценок, индивидуальных шкал стоимости, а является собственной шкалой ценности государства, будь то государство капиталистическое или социалистическое. Государственная функция предпочтений у Я. Древновского содержит шкалу ценностей государства и именно государства. Государственная функция предпочтений выведена не из индивидуальных функций предпочтения. В то же время она не выведена из какой-либо этической шкалы ценностей. Она определяется, считает Я. Древновский, не индивидуальными полезностями, а измеримыми количествами, существующими в национальной экономике.

¹² *Drewnowski I.* The Economic Theory of Socialism: A Suggestion for Reconsideration. — In: *Comparative Economic Systems. Models and Cases.* Homewood, 1974, p. 252.

¹³ *Ibid.*, p. 253.

И, наконец, в-третьих, для концепции Я. Древновского характерно выдвижение на первый план проблемы взаимодействия двух систем предпочтения и принятия решений. Особенно важна, по мнению Я. Древновского, эта проблема для теории социализма. «Решающей проблемой экономической теории социализма является, однако, взаимодействие государственных и индивидуальных предпочтений»¹⁴. Я. Древновский выделяет сектора, где эти различные виды предпочтений не встречаются; там экономическая деятельность сталкивается с проблемами, зависящими от природных или технических условий. Однако там, где виды деятельности, основанные на них, сочетаются друг с другом, там они существенно ограничивают, сдерживают друг друга. Я. Древновский выделяет поэтому три зоны: 1) индивидуальные предпочтения являются главенствующими; 2) главенствуют государственные предпочтения; 3) индивидуальные и государственные предпочтения сталкиваются. Определить, какая часть народного хозяйства относится к той или иной зоне, значит определить природу экономической системы, считает Я. Древновский. «Государственная зона», по определению Я. Древновского, это та часть народного хозяйства, в которой стоимостная шкала (шкала оценок) выражает предпочтения государства. Никакие предпочтения потребителей не искажают здесь общей картины. При социализме, считает Я. Древновский, такая ситуация складывается, как правило, в отраслях, производящих инвестиционные товары. Отрасли, производящие потребительские товары, представляют собой при социализме «зону двойного воздействия», «двуальную зону»¹⁵.

Эволюция буржуазной теории «экономических систем» в работах теоретиков «благосостояния» является еще одним важным свидетельством теоретического тупика, в который зашла ныне вся концепция «центральноуправляемого хозяйства». Признание Я. Древновским существования при социализме не одной, а двух шкал предпочтения (не только государственной, но и индивидуальной) — означает (с точки зрения формальных посылок буржуазной теории) невозможность отнесения социализма к системе центральноуправляемого хозяйства, ибо в этой системе, согласно определению, может господствовать только одна воля, одна система оценок, установленная центром.

В теоретическом плане концепцию Я. Древновского можно в какой-то мере посчитать продолжением тех попыток В. Ойкена образовать подтипы «центральноуправляемого хозяйства», которые он вынужден был предпринять, чтобы избежать упреков в полной нереалистичности теории. Теория Я. Древновского развивает именно эту линию в буржуазной экономической теории, намеченную В. Ойкеном и представляющую собой теоретическое отступление от позиций «центральноуправляемой экономики».

¹⁴ Ibid., p. 259.

¹⁵ Ibid., p. 260—261.

Но если В. Ойкен не нашел в себе сил для признания, что подтип «центральноуправляемого хозяйства со свободным потребительским выбором», по сути дела, к экономической системе центральноуправляемого хозяйства отнесен уже быть не может, что он находится в резком теоретическом противоречии с этим основным прототипом, то Я. Древновский идет значительно дальше, зачисляя «двуальные зоны» в категорию рыночной экономики.

Он различает «рыночную экономику» трех различных степеней в рамках экономической системы социализма. «Рыночная экономика первой степени» имеет место тогда, когда потребители влияют только на цены и торговлю товарами, а ни на количество производимых потребительских товаров, ни на ресурсы, используемые при их производстве, ни на распределение этих ресурсов между заводами они влияния не оказывают, эти параметры устанавливаются государством. (Можно рассмотреть и такой вариант «рыночной экономики первой степени». считает Я. Древновский, при котором цены фиксированы государством, а количества определяются предпочтениями потребителей.) «Рыночной экономикой второй степени» Я. Древновский называет ситуацию, в которой от предпочтений потребителей зависят и такие переменные, как количества производимых потребительских товаров, количества ресурсов, используемых для их производства (включая новые инвестиции), и распределение ресурсов между отдельными предприятиями. «Рыночная экономика третьей степени» существует, по мнению Я. Древновского, в том случае, когда структура новых инвестиций на предприятиях, производящих потребительские товары, зависит от потребительского спроса на конечные продукты. Определение общего количества производимых потребительских товаров, используемых ресурсов и новых инвестиций остается в этом случае в руках государства.

Я. Древновский считает, что сектор потребительских товаров в социалистических странах в настоящее время находится в «двуальной зоне» и представляет собой «рыночную экономику первой степени». «Эта ситуация весьма типична для социалистической экономики наших дней — равновесие между спросом и предложением на рынке потребительских товаров сохраняется посредством установления цен, в то время как количество производимой продукции не подвергается воздействию спроса вообще и управляется центральным планом. Мы можем назвать этот случай «рыночной экономикой первой степени»¹⁶, — заявляет Я. Древновский.

На примере подхода к теории экономических систем с позиций теории принятия решений (Карсон, Нойбергер, Даффи) и теории благосостояния (Древновский) мы видим, что за последние 10—15 лет буржуазная теория «центральноуправляемого хозяйства» начинает претерпевать довольно значительные изменения. Общее направление этих изменений еще более усиливает

¹⁶ *Drewnowski I. The Economic Theory of Socialism, p. 261.*

внутреннюю противоречивость концепции «центральноуправляемого хозяйства», выявляет ее нереалистичность, неспособность дать теоретическое объяснение экономического строя развитого социализма. Порочность основных методологических посылок все более приводит к эрозии этой теории, к появлению внутри модели «центральноуправляемого хозяйства» значительных элементов децентрализации (теория решений) или системы индивидуальных оценок (теория благосостояния). По мнению Я. Древновского, например, социалистическая экономика (по крайней мере сегодняшнего дня¹⁷) — это не экономическая система «центральноуправляемого хозяйства» с его «тотальным планированием» и полным отсутствием воздействия потребителя на экономический процесс. Заявляя, что теория социалистической экономики должна быть построена на основе концепции «двойной системы оценок», Я. Древновский отвергает «диктаторскую модель» социалистической экономики как «нереалистичную»¹⁸.

5. КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА» В КОНЦЕПЦИЯХ БУРЖУАЗНЫХ АВТОРОВ

Выше мы говорили о двух различных направлениях в теории «экономических систем» и в теории «центральноуправляемого хозяйства», в частности о неоклассическом и институционально-социологическом. Мы говорили также о двух различных подходах к теории «центральноуправляемого хозяйства» — с позиций теории «благосостояния» и позиций теории «принятия решений». Однако среди теорий «центральноуправляемого хозяйства» имеется и такая группа концепций, которая носит крайне эклектический характер. Ее представители пытаются сочетать различные подходы, объединять концептуальные узлы, заимствованные из теоретических разработок различных направлений. Особенно это проявляется в работах американских авторов, появившихся за последние 10—15 лет. Многие из американских буржуазных экономистов ставят во главу угла своих разработок именно «синтез» различных теоретических подходов. «Задача данной работы, — заявляет один из авторов подобных теорий, американский исследователь экономических систем М. Борнстайн, — состоит в том, чтобы интегрировать различные подходы к сравнению экономических систем»¹⁹.

¹⁷ Давление ортодоксальной теории заставило все же Я. Древновского выделить «крайний случай» экономики, в котором действуют только предпочтения государства — историческим примером этой теоретической ситуации он считает военный коммунизм. Однако эта уступка ортодоксии находится в явном противоречии со всей его концепцией, с посылкой, согласно которой любая экономическая система основывается сразу на двух системах оценок — индивидуальной и государственной.

¹⁸ *Drewnowski J. The Economic Theory of Socialism*, p. 253 (footnote).

¹⁹ *CES.*, 1974, p. 3.

Основное впечатление от знакомства с подобными теориями — отсутствие в них целостности, компоновка их из теоретических блоков самого разного характера. Отдельные части теории не вырастают здесь одна из другой, органическая связь между ними утрачена. В этом смысле эта группа теорий значительно уступает теориям, построенным на единой (хотя и ложной) методологической базе.

Причина возникновения этой группы теорий состоит, видимо, в том, что потерпели неудачу буржуазные трактовки развитого социалистического общества, построенные на базе методологии одного направления. Стремление использовать в идеологической борьбе против развитого социализма теоретические «достижения», полученные в рамках различных направлений всей буржуазной политекономией, привело к попыткам построения теории «центральноуправляемого хозяйства» посредством механического комбинирования конечных теоретических результатов, часто плохо стыкующихся и полученных на основе различных теоретических подходов.

В моделях «центральноуправляемого хозяйства» различных авторов выделяются разные аспекты, но многие из них повторяются, так что можно выделить общие, свойственные большинству из них черты. Ниже мы приводим наиболее часто выделяемые характеристики модели «центральноуправляемого хозяйства», которые составлены на основе появившихся в последние годы специальных работ по теории сравнительных «экономических систем» таких американских авторов, как М. Борнштайн, М. Шнитцер, Дж. Нордайт, Г. и Дж. Пиккерсджил, И. Вильчинский, Г. Гроссман, А. Экштейн, Т. Купманс, Дж. Монтмас, Р. Карсон, У. Бакингом, П. Самуэльсон, Э. Нойбергер, У. Даффи, А. Браун.

1. Основная проблема, которую должна решить экономическая система «центральноуправляемого хозяйства», состоит в решении экономической задачи «что, как и для кого». В этом состоит, по утверждению всех буржуазных экономистов, главная экономическая проблема любой «экономической системы» и системы «центральноуправляемого хозяйства». М. Борнштайн, например, определяет «экономическую систему» как систему организаций, в которой «общество определяет: (1) что должно быть произведено...; (2) как должно быть произведено, включая (а) применяемые институты и инструменты, (б) структуру аллокации ресурсов; и (3) как будет распределен (и перераспределен) доход... между бюджетами»²⁰. П. Самуэльсон начинает рассмотрение модели «центральноуправляемого хозяйства» с тех же самых вопросов, как решаются три основные проблемы: что, как и для кого производить?²¹ Г. Гроссман также утверждает, что

²⁰ *Bornstein M. The Comparison of Economic System: an Integration.— In: Comparative Economic Systems: Models and Cases. Homewood, 1974, p. 4.*

²¹ *Samuelson P. Volkswirtschaftslehre. Köln, 1975, Bd. 2, S. 652.*

«каждая экономика должна решать ряд основных задач: определить, что, где, как и как много производить»²². Обсуждение проблематики «центральноуправляемого хозяйства» вокруг основных вопросов так называемого экономического плана, как формулировал это положение В. Ойкен, является общей чертой подхода всех современных буржуазных экономистов, к какому бы направлению они не относились²³.

2. Одна из важнейших черт «центральноуправляемого хозяйства», выделяемая современными буржуазными экономистами, связана с характером «социальной функции предпочтения». Если в качестве характерной черты рыночной экономики указывается на индивидуальные предпочтения, выраженные посредством индивидуального выбора на рынках («суверенитет потребителя»), то для центральноуправляемой экономики теоретически предусматривается два варианта социальной функции предпочтения: во-первых, индивидуальные предпочтения, выраженные посредством политического процесса, или же, во-вторых, это будут «предпочтения правящей группы», когда эта группа не определяется с помощью выборов, утверждает М. Борнстайн. На этой же самой позиции стоит и Г. Гроссман, который говорит о «доминировании предпочтений политических лидеров страны» и в этом смысле о «суверенитете лидеров», противопоставляя его «суверенитету потребителей». И. Вильчинский указывает, что в социалистических странах «партия выносит глобальные ценностные оценки». Здесь нужно указать, что трактовке «центральноуправляемого хозяйства», как «экономической системы», в которой действует лишь одна-единственная система предпочтений, да еще в ее втором варианте, на чем и основывается система «тотального плана», в рамках буржуазной теории нанесен весьма существенный удар концепцией Я. Древновского. Последняя, как уже указывалось, основана на посылке одновременного существования двух систем предпочтения (и двух систем цен) внутри системы «центральноуправляемого хозяйства». Прежняя посылка о существовании лишь одной системы предпочтений, характерная для теорий «центральноуправляемого хозяйства», выглядит как совершенно нереалистичная, хотя многие буржуазные экономисты до сих пор и держатся за нее.

3. «Предпочтения лидеров» определяют и основные цели экономической системы «центральноуправляемого хозяйства». В качестве таковых буржуазные экономисты называют быстрый экономический рост, индустриализацию, централизацию. Называются в качестве целей и усиление военной, политической и экономической мощи, установление всемирного господства и т. д.

4. От установления основной экономической проблематики, функций предпочтения и целей «центральноуправляемого хозяйства» буржуазные экономисты переходят, как правило, к опи-

²² Grossman G. Economic Systems. Englewood Cliffs, 1967, p. 2.

²³ Этот круг вопросов подробно рассматривался нами в предыдущем разделе.

санию его «ключевых элементов» (А. Браун, Э. Нойбергер) или же, что то же самое, «институтов и инструментов» (М. Борнштейн, Г. Гроссман и др.). В определении того, что включать в эту группу «ключевых элементов» или «институтов» «центрально-управляемого хозяйства», между буржуазными экономистами единства нет. Достаточно обоснованных теоретических критериев для этого не разработано. В эту группу попадают самые различные факторы, оказывающие влияние на развитие системы, самые различные ее элементы. Суть этой операции, ее подоплека, как нам представляется, в одном: затушевать среди множества этих «элементов», «институтов», «инструментов» такую основополагающую категорию, как собственность на средства производства.

М. Борнштейн заявляет, что институты могут быть определены как сравнительно крупные организационные учреждения для ведения производства и распределения. В качестве институтов он называет предприятия, бюджеты, банки, правительственные экономические агентства и собственность на средства производства. Г. Гроссман заявляет, что сеть институтов, характеризующих данную экономику, представляет собой ее экономическую систему. В качестве институтов он называет собственность, предприятия, бюджет, правительство, деньги, планирование и т. д. У. Бакингом рассматривает в качестве институтов нормы, правила поведения или сложившийся характер мышления. М. Борнштейн специально выделяет такой аспект любого института, как мотивация его участников. А. Браун и Э. Нойбергер среди «ключевых элементов» называют государственную собственность на средства производства. Г. и Дж. Пиккерсджил заявляют, что командная экономика характеризуется государственной собственностью на средства производства...

Общественная собственность на средства производства при социализме, который буржуазные экономисты рассматривают как «центральноуправляемое хозяйство», ставится в один разряд со значительно менее важными категориями: при этом подчеркивается, что не характер собственности на средства производства определяет сущность экономической системы «центральноуправляемого хозяйства», что способность центра отдавать экономические команды основывается не на общественной собственности на средства производства. М. Борнштейн указывает: «Тенденция в изучении экономических систем состоит, однако, в том, чтобы умерить значение собственности как критического элемента... экономических систем; основанием для этого служит то, что он менее важен, чем структура аллокации ресурсов и распределения доходов»²⁴. Здесь мы встречаемся с уже знакомым нам методологическим подходом, детально разработанным западногерманскими неолибералами — теоретиками экономических систем, со-

²⁴ *Bornstein M. The Comparison of Economic System...*, p. 9.

гласно которому не собственность, а характер аллокации ресурсов определяет сущность экономической системы.

5. Важнейшей чертой всей системы «центральноуправляемого хозяйства» объявляется характер аллокации ресурсов (и распределение доходов как прямой результат аллокации факторов производства). При этом в литературе можно выделить ряд взаимосвязанных друг с другом подходов к этой проблеме, характеризующих экономику центральноуправляемого хозяйства, во-первых, как плановую (в качестве антипода плана рассматривается рынок), во-вторых, как централизованную (антипод децентрализация) и, в-третьих, как командную (антипод команды — обмен). По сути дела, все три аспекта, призванные охарактеризовать сущность «центральноуправляемого хозяйства», основываются на неоклассической теории и методологии и характеризуют так называемый процесс аллокации в условиях «центральноуправляемого хозяйства» лишь в разных терминах.

М. Борнстайн характеризует «центральнопланируемую экономику» двумя важнейшими чертами: во-первых, «детальным планированием и контролем почти всех фаз экономической жизни при суверенитете плановиков», а не потребителей; во-вторых, тем, что здесь происходит «аллокация ресурсов путем прямой административной «команды» в реальных (физических) единицах...»²⁵. Г. и Дж. Пиккерсджил заявляют, что «командная экономика характеризуется государственной собственностью на средства производства, коллективистскими экономическими решениями и аллокацией ресурсов посредством команд, отдаваемых планирующей элитой»²⁶. Г. Гроссман считает, что в «центральноуправляемой экономике» аллокация ресурсов, координация отдельных предприятий между собой осуществляются посредством «командного принципа» (директив, приказов, планов)²⁷. М. Шнитцер и Дж. Нордаик заявляют, что в «экономике центральной команды» тем «институтом», который определяет решения об аллокации ресурсов, является «правительство»²⁸. И. Вильчинский заявляет, что в социалистических странах «механизм рынка... заменен центральным планированием»²⁹.

Подчеркивая господство плана в экономике социалистических стран, буржуазные экономисты утверждают, что он вытеснил механизм рынка. Указывая на аллокацию ресурсов посредством команды, они делают акцент на том, что деньги и цены здесь не играют первостепенной роли; выделяя роль централизации, они делают упор на том, что решения принимаются при этой системе лишь на верхних этажах бюрократической иерархии. Необходимо еще раз указать на то, что буржуазная концепция «центральноуправляемого хозяйства» не в состоянии отразить существова-

²⁵ *Bornstain M. The Comparison of Economic System..., p. 233.*

²⁶ *Pickersgill W. Comparative Economic Systems, p. 15.*

²⁷ *Grossman G. Economic Systems, p. 15.*

²⁸ *Schnitzer M. Alternative Wirtschaftssysteme, S. 337.*

²⁹ *Wilczynski I. Das sozialistische Wirtschaftssystem, S. 15.*

ние в экономике социализма товарно-денежных отношений, любое образование с этой целью подтипа «центральноуправляемого хозяйства» противоречит первоначальным посылкам, заложенным в основе этой концепции, так что и вся она становится крайне противоречивой, нереалистичной.

6. То же самое можно сказать и о такой черте «центральноуправляемого хозяйства», отождествляемого с развитым социализмом, как господство экономического счета в физических, а не стоимостных показателях.

7. Буржуазные экономисты указывают и на такую черту «центральноуправляемой экономики», как вертикальный, а не горизонтальный характер связей, доминирующих в ней, господство вертикальных, а не горизонтальных потоков информации (Э. Нойбергер, У. Даффи, Г. и Дж. Пиккерсджил). Это логическое заключение из посылки о господстве в этой экономической системе одной воли — воли центра и решений, принимаемых им. Отсюда и взгляд буржуазных экономистов на отдельные предприятия и личные бюджеты в системе центральноуправляемой экономики, как единицы, полностью лишенные какой-либо самостоятельности и призванные лишь выполнять указания сверху. Данная теоретическая картина, как известно, совершенно не согласуется с подлинным положением дел в социалистической экономике, где господствует не принцип центральной воли, а принцип демократического централизма.

6. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА»

Одним из весьма сложных для теории «центральноуправляемого хозяйства» вопросов является вопрос о его историческом бытии, его исторических формах. В. Ойкен и его современники видели такие исторические формы в хозяйстве Древнего Египта, в государстве инков, в военной экономике фашистской Германии. Хотя имеются и такие высказывания В. Ойкена, в которых он признает, что нельзя смешивать «центральноуправляемое хозяйство» с «коммунистической экономикой»³⁰.

Х. Ричль считает, что «тотальная командная экономика» впервые в истории была осуществлена в Египте в 2133—1928 гг. до н. э. «Речь здесь идет о чисто натуральном плановом хозяйстве...», — заявляет Х. Ричль³¹. Второй исторической формой «тотального общего хозяйства» Х. Ричль объявляет государство инков в период его расцвета — с 1400 г. по 1532 г. «Тотальное планирование и подчинение подпирались здесь драконовской системой наказаний»³², — указывает Х. Ричль. Следующей истори-

³⁰ Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie 5. Aufl., 1947, S. 199.

³¹ Handwörterbuch der Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, Bd. 4, S. 340.

³² Ibid., S. 242.

ческой формой этой экономической системы Х. Ричль объявляет орден иезуитов в Парагвае в XVII—XVIII вв. К моменту крушения ордена в 1768 г. численность населения, над которым орден установил господство, составляла 100—150 тыс. человек. Современной формой «командного общего хозяйства» Х. Ричль считает «тотальное плановое хозяйство коммунистических стран Востока», где «общехозяйственный сектор поглотил рыночную сферу частного хозяйства». Принуждение, пытается и дальше делать особый упор на этом положении Х. Ричль, является «и структурно, и генетически» характерной чертой этой экономической системы.

В настоящее время подавляющее большинство современных представителей буржуазной теории «центральноуправляемого хозяйства» сходятся на том, что историческими формами бытия этой модели является прежде всего экономика СССР и других стран социализма. В эту категорию в настоящее время заносится также хозяйство Древнего Египта, государства инков, ордена иезуитов и фашистской Германии периода второй мировой войны. Знак равенства между экономической системой СССР, других стран социализма и экономической системой фашизма, поставленный с помощью теории «центральноуправляемого хозяйства», имеет целью политически скомпрометировать экономическую систему социализма. Зачисление экономической системы социализма в категорию «центральноуправляемого хозяйства», осуществленное неоклассической экономической теорией, подхвачено буржуазной пропагандой, органами массовой информации, включено в школьные и университетские учебники. Эта идентификация социализма с экономической системой «центральноуправляемого хозяйства» может нанести и наносит политический и идеологический ущерб и тому делу борьбы за социализм, против господства монополий, которая ведется в капиталистических странах. Эта идентификация имеет цель нанести определенный ущерб и престижу нашего государства, ибо утверждение о том, что социализм это «центральноуправляемое хозяйство», а последнее отличается «тотальным» планированием и забвением интересов потребителя,— эти положения вдалбливаются буржуазной пропагандой в головы западного обывателя в самых различных формах.

Поэтому представляется весьма важным вести серьезную борьбу против попыток идентификации экономической системы социализма с экономической системой «центральноуправляемого хозяйства». Научные аргументы, опровергающие такую идентификацию, можно сформулировать следующим образом.

1. Критерий разделения систем на «рыночную» и «центральноуправляемую» не является научно обоснованным (этот аргумент подробно изложен в предыдущем разделе).

2. Сам автор этого критерия — В. Ойкен — предполагал отказать от него в конце своей жизни. Буржуазные теоретики в растущей степени признают недостаточность этого критерия, от-

сюда новые попытки типологизации, возобновление интереса к теориям стадий и ступеней.

3. В экономической системе социализма отсутствует «тотальное планирование», приписываемое социализму буржуазной теорией. Экономический план, составляемый в условиях социализма на народнохозяйственном уровне, отнюдь не предусматривает планирование всего и вся вплоть до мельчайших деталей. Планируются на народнохозяйственном уровне лишь важнейшие экономические процессы и показатели. «Тотальный план», свойственный якобы социализму, существует лишь в представлении теоретиков «центральноуправляемого хозяйства».

4. В экономической системе социализма выбор профессий определяется отнюдь не указаниями центрального органа. Статья 40 Конституции СССР гласит: «Граждане СССР имеют право на труд,— то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера,— включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства»³³. В рамках планов профессиональной подготовки, необходимых не только для обеспечения народного хозяйства нужными кадрами специалистов, но необходимых и для того, чтобы обеспечить самих этих специалистов работой после окончания ими профессиональной подготовки, индивидуумы сами выбирают свою профессию в соответствии со своими индивидуальными способностями и склонностями. Органы народного образования с помощью соответствующих методов отбора (некоторые из них существуют и в капиталистических странах) стремятся со своей стороны обеспечить такое соответствие (система конкурсных экзаменов в ВУЗы и т. д.).

5. В экономической системе социализма отсутствует принудительное распределение индивидуумов по рабочим местам. Трудящиеся имеют полное право сами выбирать свое рабочее место. Смена рабочих мест в результате семейных, профессиональных обстоятельств, состояния здоровья, материальных интересов — не исключение, а право индивидуума, закрепленное за ним законом. Это экономическая и юридическая норма экономической системы развитого социализма. Обязательство оканчивающих высшие учебные заведения отработать в течение сравнительно короткого срока (2—3 года) по указанию Министерства высшего

³³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977, с. 18—19.

и среднего специального образования не опровергает этого положения, а является одной из форм получения работы молодыми специалистами, не имеющими еще практического опыта, и, кроме того, определенной (частичной, безусловно лишь очень малой) формой компенсации за получение бесплатного образования.

6. В экономической системе социализма отсутствует принудительная система рационирования потребительских товаров. Здесь осуществлена свобода потребительского выбора. Плановые органы социалистического государства, отдельные предприятия стремятся к максимальному удовлетворению потребностей трудящихся. Если говорить о подходе В. Ойкена и его последователей, то такая экономическая система не подходит под их определение «центральноуправляемого хозяйства» уже по формальным признакам, как это он сам признавал. Не подходит экономическая система развитого социализма и под определение «тотального общего хозяйства» Х. Ричля, она не имеет с ним ничего общего, поскольку выбор потребительских товаров, профессии, рабочего места осуществляется индивидуумами в условиях экономической системы развитого социализма совершенно свободно. Это вынуждены признать и некоторые буржуазные экономисты. Проведя анализ моделей «центральноуправляемого хозяйства», западногерманский экономист М. Крёль вынужден признать, что «плановое хозяйство» Ойкена, Ричля и советское плановое хозяйство в действительности являются совершенно различными вещами»³⁴.

7. «Основу экономической системы СССР,— говорится в Конституции СССР,— составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности»³⁵. В то же время в СССР гарантировано существование и личной собственности граждан, основу которой составляют трудовые доходы. Конституцией запрещено использование социалистической собственности в целях личной наживы, а личной собственности для извлечения нетрудовых доходов. Вместе с тем Конституция прямо указывает на то, что государство создает условия для преумножения социалистической собственности. Это преумножение социалистической собственности отнюдь не самоцель, ибо высшей целью общественного производства при социализме является наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Преумножение социалистической собственности, служащее такому удовлетворению, требует не равенства доходов расходам, как это считает теория Х. Ричля, а превышения доходов над расходами, что необходимо для осуществления расширенного воспроизводства.

8. В личной собственности граждан СССР могут находиться

³⁴ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 429.

³⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 8.

наряду с предметами обихода, личного потребления, удобства также и предметы подсобного домашнего хозяйства, жилой дом, трудовые сбережения, а в их пользовании участки земли.

9. В СССР допускаются индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей.

10. Руководство экономикой осуществляется в СССР на основе государственных планов при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий. Основным принципом управления в экономической системе социализма является не осуществление господства стоящей над всеми и вся воли, таким принципом является принцип демократического централизма, сочетающий централизованное плановое руководство народным хозяйством с развитием инициативы отдельных предприятий, коллективов трудящихся, отдельных работников. Сама система экономических показателей, применяемых в экономической системе развитого социализма, предполагает развитие инициативы отдельных предприятий и их коллективов по перевыполнению плановых заданий, по составлению встречных планов, а не жесткую фиксацию на отдельных нормах и плановых заданиях, при которой само перевыполнение плана явилось бы нарушением жестких принципов «тотального» плана.

11. Экономическая система развитого социализма отнюдь не является системой «натуральной», «закрытой», в которой отсутствуют товарно-денежные отношения. В экономической системе СССР активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы³⁶.

³⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 11.

БУРЖУАЗНАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОМ ХОЗЯЙСТВЕ»

1. НЕГАТИВИСТСКАЯ ТЕОРИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА»

Одним из первых буржуазных экономистов, выступивших с негативистской теорией «центральноуправляемого хозяйства», был немецкий экономист Л. Мизес. Первая статья его по этому вопросу была опубликована в 1920 г., т. е. вскоре после Октябрьской революции в России. С тех пор на протяжении тридцати лет Л. Мизес не оставлял этой проблематики, публикуя все новые и новые работы по этому вопросу¹. Писания Л. Мизеса по теории «центральноуправляемого хозяйства» составили целую эпоху в борьбе буржуазной идеологии против социализма. Подобным же подходом характеризовалась и теория «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкена. С аналогичным кругом идей выступил вскоре после Л. Мизеса и М. Вебер. Хотя позиция последнего была разработана значительно менее подробно, чем позиция Л. Мизеса, важен был уже сам факт выступления М. Вебера с этими положениями, ибо его авторитет в буржуазной политической экономии был в то время очень велик. Идеи негативистской теории «центральноуправляемого хозяйства», сформулированные первоначально в 20-х годах, до сих пор используются буржуазной идеологией в борьбе против социализма, причем не только для критики социалистической системы хозяйства, но и для теоретического обоснования своих собственных «альтернативных» моделей социализма. Критика негативистской теории «центральноуправляемого хозяйства», логическое опровержение всей системы ее аргументации имеет актуальное значение и сегодня.

¹ *Mises L. v. Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen.*— Arch. Sozialwiss. und Sozialpol., 1920; Bd. 47; *Mises L. v. Neue Beiträge zum Problem der sozialistischen Wirtschaftsrechnung.*— Arch. Sozialwiss. und Sozialpol., 1923/24, Bd. 51; *Mises L. v. Neue Schriften zum Problem der sozialistischen Wirtschaftsrechnung.*— Arch. Sozialwiss. und sozialpol., 1928; Bd. 60; *Mises L. v. Die Gemeinwirtschaft*, 1922; *Mises L. v. Socialism*, 1951; *Mises L. v. Human Action*, 1949.

Основной тезис «негативистов» состоял в том, что рыночное хозяйство, свободное ценообразование, рациональность экономики логически связаны между собой — это, во-первых; а, во-вторых, такая логическая связь существует и может существовать только исключительно между данными категориями. Там, где нет свободного рынка, там нет механизма цен; без механизма цен не существует экономической калькуляции, писал Л. Мизес, понимая под невозможностью экономической калькуляции невозможность рассчитать оптимальный народнохозяйственный план.

Тем самым выдвигалось (с соответствующей теоретической аргументацией) положение о том, что экономическая рациональность возможна только в условиях существования рыночной экономики и свободного ценообразования; те же системы, которые построены на иных принципах, экономической рациональности якобы лишены. Таким образом, само построение теории «центральноуправляемого хозяйства» велось как построение теории системы экономически нерациональной, которая в силу целого ряда причин таковой быть и не может. Поэтому мы и называем подобные теории центральноуправляемого хозяйства «негативистскими», они хоть и строят здание определенного экономического строя, но, по сути дела, уже заранее в качестве экономической системы его не признают. Ибо одним из важнейших признаков экономической системы согласно буржуазной теории является обеспечение принципа рациональности: такой подход характерен и для Зомбарта, и для неолиберальной школы (В. Ойкен, К. П. Хензель), которая ставит в центр системы «план». Согласно негативистской теории получается так, что «центральноуправляемое хозяйство», заменяющее координацию через цены планом, как раз этот рациональный оптимальный план даже и составить-то не может. Зачисляя социалистическую экономику в систему центральноуправляемого хозяйства, трактуемую подобным образом, «негативистская» теория переводила экономику социализма из разряда экономических систем в разряд «административных», «командных» систем, где экономические параметры определяются исключительно волевым решением, ибо «план» как оптимальная система экономических показателей там рассчитан быть не может.

Отрицание возможности реализации «центральноуправляемым хозяйством» принципа рациональности уже в силу невозможности расчета оптимального плана при этом экономическом строе, отождествление экономической системы социализма с «центральноуправляемым хозяйством» — все это в идеологической борьбе между капитализмом и социализмом сводится буржуазными теоретиками к политическому выводу о том, что выигрыш от распределения общественного пирога, к которому стремятся трудящиеся классы с переходом к социализму, обернется для них проигрышем в результате экономической нерациональности, неэффективности этого строя. Одновременно ведется

теоретическая проповедь рациональности капиталистической системы. Все это вместе взятое должно, по замыслу авторов теории, оказать существенное влияние на общественное сознание и повлиять на «выбор» отдельными социальными слоями и группами того или иного идеала социально-экономической системы.

Такова общая идеологическая направленность негативистской теории «центральноуправляемого хозяйства», ее политические цели. Перейдем теперь к конкретному анализу теоретической аргументации авторов подобных концепций.

Л. Мизес считал, что в модели полностью «центральноуправляемого хозяйства» (а также и в экономике СССР) составление оптимального экономического плана и его выполнение невозможно в силу того, что там не может быть реализован целый ряд обязательных для этого условий. Концепция Л. Мизеса представлена следующими основными пунктами.

1. Составление оптимального плана на основе натуральных, а не стоимостных расчетов в «центральноуправляемом хозяйстве» невозможно. Такой план можно составить лишь в замкнутом домашнем хозяйстве, ибо здесь по крайней мере оценочно можно определить значение благ всех порядков (в том числе и средств производства) для удовлетворения потребностей.

2. В хозяйстве, основанном на разделении труда и рыночном обмене, рациональный расчет требует значительно большей точности. Два условия делают здесь возможным расчет стоимости в деньгах как во всеобщем счетном средстве. Во-первых, блага всех порядков должны находиться в обмене. Во-вторых, должно существовать общее средство обмена — деньги, которое бы служило средством обмена и продуктивных благ (благ более высокого порядка — элементов производства). Все это делает здесь возможным экономическую оценку не только потребительских благ, но и элементов производства, и сведение посредством денег таких оценок отдельных благ к общему знаменателю.

3. Иначе обстоит дело в «центральноуправляемом хозяйстве». Если взять, например, «центральноуправляемое хозяйство со свободным потребительским выбором» (с рынками предметов потребления), то там в обмене будут находиться лишь потребительские товары, а не продуктивные блага. Поэтому там не могут образоваться цены. Тем самым и стоимостный счет в деньгах будет невозможен, указывает Л. Мизес, ибо для него, как и для всех буржуазных экономистов, цена и стоимость выражают не затраты труда, а полезность и редкость блага; а отсюда невозможность образования цены и выражения ее в деньгах вне рынка, где такую оценку должен давать потребитель.

4. В хозяйстве, где отсутствует образование денежных цен (на базе полезности и редкости) для благ более высокого порядка, не существует никакой возможности узнать, что же является рациональным и экономичным. Если нет возможности оценить рабочие часы различной квалификации, часы, потраченные на производство чугуна, добычу угля, производство стройматериала-

лов, машин, т. е. если отсутствует возможность оценки средств производства, ибо нет возможности свести выражение их полезности, их «ценности» к единообразному выражению, то, хотя экономическое руководство и знает, какие товары конечного потребления ему больше всего нужны, здесь оценка полезности происходит непосредственно; другую часть товарных благ, бага более высокого порядка, оно с помощью этой процедуры непосредственно оценить не может.

5. В результате у экономического руководства в «центрально-управляемом хозяйстве» нет средств, чтобы выяснить, что является рациональным, а что нет. Поэтому не может быть составлен и оптимальный план использования ресурсов и удовлетворения потребностей, который бы указал экономике осознанный путь движения к рациональности.

Так в общих чертах выглядит сущность теории «центрально-управляемого хозяйства» Л. Мизеса. Это, как уже говорилось, «негативистская» теория, она отрицает для этого типа экономики возможность рационального, экономического функционирования.

М. Вебер выступил с утверждением о том, что капитализм и рационализм необходимо рассматривать так, что их сущности будто бы теснейшим образом связаны друг с другом. Его аргументация шла примерно в том же направлении, что и аргументация Л. Мизеса. М. Вебер считает, что центральноуправляемый хозяйственный процесс с натуральным экономическим счетом и основанным на нем планированием серьезно уступает децентрализованному хозяйственному процессу с денежным экономическим счетом. Это происходит уже в силу того, объявляет М. Вебер, что денежный экономический счет превосходит по своим качествам натуральный экономический счет и основанное на нем составление хозяйственного плана. Это превосходство, по мнению М. Вебера, особенно отчетливо проявляется при сравнении издержек различных производственных технологий и различных элементов, участвующих в производстве; при калькуляции и в особенности контрольных расчетах издержек; при определении наиболее благоприятных мест производства (штандортов); при оценке степени важности отдельных экономических благ; при оценке последствий от изменения внешних параметров. По утверждению М. Вебера, деньги дают количественную оценку всех этих важнейших экономических процессов, а натуральный экономический счет центральноуправляемого хозяйства либо наталкивается «на объективно непреодолимые трудности», либо оказывается в состоянии найти лишь крайне грубые решения.

Глава неолиберальной школы *В. Ойкен* занимался теорией «центральноуправляемого хозяйства» значительно больше, чем любой из буржуазных экономистов, писавших на эту тему до него. В. Ойкен считал, что «теория центральноуправляемого хозяйства возможна и необходима». Однако в области самых важных, основных вопросов теории «центральноуправляемого хозяй-

ства» он не получил новых результатов, не пришел к новым выводам, а остался практически на тех же позициях, на которых задолго до него стояли Л. Мизес и М. Вебер. «В отношении возможности экономически рационального хозяйственного счета в системе центрального регулирования,— пишет западногерманский буржуазный экономист К. П. Хензель,— Ойкен приходит по преимуществу к отрицательному результату, который во всех важнейших частях совпадает с прежними оценками известных экономистов. Это тем более примечательно, что его оценки исходят более не из общих соображений, а построены на основе тщательного наблюдения экономической деятельности»².

При рассмотрении проблематики «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкен исходил из методологических основ своей теории, т. е. рассматривал его под углом зрения составления и осуществления хозяйственных планов. В своей работе «Основы национальной экономии» после рассмотрения основной проблематики «центральноуправляемого хозяйства» он приходит к выводу, что в народнохозяйственных рамках экономический расчет в этом типе экономики невозможен, ибо невозможно количественное определение стоимостей (количественной оценки полезности) в результате отсутствия в этой системе измерителя редкости. Так как такой измеритель редкости здесь отсутствует, считает В. Ойкен, невозможно из огромного числа возможных планов выбрать наиболее благоприятный, наиболее экономичный, т. е. реализовать принцип рациональности, прийти к рациональному решению. Наиболее выгодный план использования и распределения ресурсов, а тем самым и объективное осуществление принципа экономичности могут здесь оказаться лишь делом случая.

В более поздней работе «Принципы экономической политики», в которой разделы о «центральноуправляемом хозяйстве» были написаны под влиянием той системы хозяйствования, которая установилась в Германии в годы фашизма и особенно в период второй мировой войны, В. Ойкен пытается поставить проблему так называемого равновесия для условий «центральноуправляемого хозяйства».

В дальнейшем мы подробно остановимся на теории равновесия. Эта теория и состояние равновесия, которое она описывает, играет исключительно важную роль в теории «экономических систем». Здесь же ограничимся только указанием на то, что именно в состоянии равновесия рыночная экономика, по мнению буржуазных экономистов, реализует экономический оптимум.

В. Ойкен считает, что на вопрос о равновесии «центральноуправляемого хозяйства» дать ответ весьма трудно, ибо понятие равновесия «рыночного хозяйства» не может быть безоговорочно использовано для «центральноуправляемого хозяйства». В. Ойкен

² Hensel K. P. Einführung in die Theorie der Zentralverwaltungswirtschaft, S. 226.

изучает возможности установления равновесия в отдельных частях «центральноуправляемого хозяйства». Для личных бюджетов (домашних хозяйств) установление такого равновесия невозможно, да к нему и не стремятся, считает В. Ойкен. Таким образом, второй закон Госсена, предусматривающий выравнивание предельных полезностей, здесь не действует,—делает свой вывод В. Ойкен. Что касается предприятий, то, как считает В. Ойкен, и здесь нельзя говорить о том, что предельная доходность капитала по всем производственным элементам одинакова; так что закон предельных доходов не действует и не существует тенденции к этому. Таким образом, говорить о равновесии отдельных хозяйственных единиц, о микроравновесии, по мнению В. Ойкена, здесь нельзя. Также нельзя говорить, утверждает В. Ойкен, и о частичном равновесии, о равновесии отдельных рынков (отраслей), ибо спрос и предложение на этих рынках не выравниваются, поскольку распределение наличного запаса происходит по указанию центрального органа.

В. Ойкен поэтому задается вопросом, применимо ли к «центральноуправляемому хозяйству» понятие общехозяйственного равновесия: возможно ли в центральноуправляемом хозяйстве установить процессы производства всех товаров, т. е. применение всей рабочей силы и всех средств производства в такой пропорции друг к другу, чтобы они, дополняя друг друга, оптимально служили потребностям плана. По его мнению, «центральноуправляемое хозяйство» не обладает средствами осуществления этой пропорциональности. В нем отсутствует механика регулирования, которая привела бы в движение установление равновесной пропорциональности всех производственных процессов. Глобальные оценки и счет в физических единицах, которые не могут быть существенно улучшены включением ценового механизма, недостаточны для того, чтобы осуществлять необходимое согласование.

«Негативистская» теория «центральноуправляемого хозяйства» основана на ошибочных посылах. Модель «центральноуправляемого хозяйства» отождествляется буржуазными теоретиками с экономической системой социализма. При этом содержание экономического строя, экономической системы буржуазными теоретиками заранее извращается и до крайности сужается, оно сводится ими всего лишь к определенным аспектам хозяйственного механизма. В соответствии с этой методологией все содержание экономической системы социализма сводится к господству тотального планирования, господству центра. Между тем существо экономического строя социализма выражается в господстве общенародной собственности на средства производства, в непосредственном соединении работников с общественными средствами общества средствами производства, в специфической форме присвоения прибавочного продукта. Все эти важнейшие сущностные характеристики социализма как экономического строя представителями теории «центральноуправляе-

мого хозяйства» отбрасываются, все существо этой надуманной модели сводится к господству тотального планирования. План вырастает в модели «центральноуправляемого хозяйства», во-первых, в изначальную а, во-вторых, в самодовлеющую и все определяющую категорию.

Между тем народнохозяйственное планирование при социализме представляет собой не что иное, как форму внешнего выражения и движения социалистических производственных отношений. То же самое относится и к таким экономическим категориям, как хозрасчет, цены, кредит. Именно производственные отношения определяют структуру, принципы, формы и методы социалистического хозяйствования. Безусловно, содержание хозяйствования выходит за рамки производственных отношений, включая в себя политические, правовые и иные аспекты, хозяйственный механизм выполняет и относительно самостоятельную экономическую функцию, но в то же время он определяется структурой и природой социалистических производственных отношений (а не наоборот), и отнюдь не сводится к господству одного лишь плана, включая в себя, как уже говорилось, хозрасчет, цены, кредит, правовые и политические аспекты и др.

Создав модель социализма, в которой товарно-денежные отношения вытеснены тотальным господством плана, сторонники негативистской теории «центральноуправляемого хозяйства» пытаются поставить этот вид строя вне рамок экономических, т. е. рациональных систем. Они указывают, что там отсутствуют необходимые для его хозяйственного функционирования рыночные категории. Это или сознательная уловка, или грубая логическая ошибка (К. П. Хензель, который не разделяет этой весьма распространенной среди буржуазных авторов позиции, объявляет ее «творческим заблуждением», явившимся мощным стимулом к дальнейшей разработке теории «центральноуправляемого хозяйства»). Ведь модель «центральноуправляемого хозяйства» сознательно конструировалась ее авторами как полный антипод «рыночной экономике», из которого все элементы товарно-денежных отношений, все рыночные оценки произволом исследователя заранее изъяты. Стоять на точке зрения, что хозяйствование без этих рыночных оценок невозможно и конструировать модель, где такие оценки отсутствуют, значит заранее поставить себе цель сконструировать модель, содержание которой просто абсурдно.

Представители негативистской теории «центральноуправляемого хозяйства» не видели (или не хотели видеть) теоретической возможности определения того, что они называли «редкостью» благ (будь то предметы потребления или средства производства, т. е. блага так называемых более высоких порядков, на что особенно обращал внимание Л. Мизес), с помощью методов, присущих экономической системе социализма и только ей.

Советская экономическая наука, практика социалистического строительства со всей очевидностью показали эту возможность

еще в 20-х годах, хотя буржуазные экономисты и утверждают, что теоретически возможность расчета экономически рационального плана была впервые обоснована лишь к середине 50-х годов К. П. Хензелем. Установление цен в условиях социалистического планового хозяйства основывается на сочетании плановых методов с товарно-денежными отношениями: система хозрасчета позволяет установить величину трудовых затрат на те или иные блага, плановые балансы позволяют сопоставить их наличие и возможности производства с потребностями, т. е. позволяют определить возможное отклонение спроса от предложения и плановой цены от стоимости. Это и есть органически присущий плановому социалистическому хозяйству метод определения той самой неуловимой якобы в условиях социализма «редкости». Кроме того, этот метод дает возможность планового воздействия на цены и на распределение ресурсов в направлении, избранном экономической политикой общества. Цена здесь не является, как в условиях капитализма, результатом стихийных колебаний спроса и предложения или же результатом монополистического манипулирования.

2. МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ «КВАЗИЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА»

«Негативистская» теория «центральноуправляемого хозяйства», отрицающая возможность сколько-нибудь рационального хозяйствования для социалистической системы, имеет среди буржуазных экономистов своих сторонников и сейчас. Это представители правого, наиболее реакционно и антисоветски настроенного крыла буржуазных теоретиков, которые не упускают случая вновь и вновь пускать в ход ту теоретическую аргументацию, основу которой разработали в свое время Л. Мизес, М. Вебер, В. Ойкен, В. Рёпке. Применять эту аргументацию современных экономистов прежде всего неоклассического направления побуждают не только антисоциалистические, антисоветские настроения, но и сама логика неоклассики, весь строй данной экономической теории. Эту теоретическую аргументацию весьма часто в своих нападках на реальную систему социализма использует и современный ревизионизм, сторонники «рыночного социализма».

Однако неоспоримые успехи социалистического планового хозяйства, вступление социально-экономической системы СССР в этап развитого социализма — все это побудило определенную часть буржуазных экономистов к теоретической перестройке, конечный результат которой пока что выглядит как теоретическое признание возможности достижения социализмом экономического оптимума, правда, лишь в ограниченных пределах. Мы имеем здесь в виду те буржуазные теории, которые отождествляют развитой социализм с системой «центральноуправляемого хозяй-

ства», ибо для модели «рыночного социализма» буржуазные экономисты признают ныне возможность достижения «полного», а не ограниченного экономического оптимума.

Эволюция буржуазных теорий экономической рациональности «центральноуправляемого хозяйства», во многом обусловленная хозяйственными успехами реального социализма, связана, с одной стороны, с попытками некоторых буржуазных экономистов теоретически осмыслить и представить экономический процесс в условиях социализма, отождествлявшегося ими с «центральноуправляемым хозяйством»; с другой стороны, с попытками доказать преимущества капитализма, теоретически представляемого ими в виде системы «рыночной экономики». Во всяком случае, уже тот путь, который проделала буржуазная политэкономия в этом вопросе,— от полного отрицания экономической рациональности в условиях общественной собственности на средства производства до признания возможности «ограниченного» экономического оптимума в экономической системе, основанной на общественной собственности и централизованном планировании,— является отражением огромных успехов экономической системы, вступившей в этап зрелого социализма. Вспомним, что провозглашал когда-то апостол экономического либерализма Л. Мизес: «Каждый шаг, уводящий нас от обособленной собственности на средства производства и использования денег, уводит нас также и от рационального хозяйства... Теория экономического счета показывает, что экономический счет в социалистическом обществе невозможен»³.

Л. Мизес считал, что для экономического счета, для калькуляции, для рационального ведения хозяйства в условиях общественной собственности на средства производства отсутствует даже теоретическая возможность, ибо для этого отсутствует такая важнейшая предпосылка осуществления рациональности, как оценка средств производства. В ходе дальнейшего углубления общего кризиса капитализма и укрепления социалистического планового хозяйства ряд крупных буржуазных экономистов был вынужден признать, что эта теоретическая позиция ошибочна, что экономическая рациональность в условиях социализма достижима. Пересмотр теоретических позиций в этом важнейшем вопросе шел в разное время и на основе несколько различных теоретических подходов, но его можно свести к трем основным подходам: модель «квазицентральноуправляемого хозяйства»; подход, основанный на переоценке внутренних возможностей «центральноуправляемого хозяйства»; подход к социализму как системе с общественной собственностью, но основанной не на плане, а на рынке. Первый и второй подходы берут за основу проблему рационального ведения экономического процесса в рамках «центральноуправляемого хозяйства», в третьем подходе проблема оптимума теоретически перенесена в так называемую систему «рыночной экономики».

³ Mises L. v. Die Gemeinwirtschaft. Jena, 1932, S. 97, 98.

Одна из самых известных (и самых первых) математических моделей «центральноуправляемого хозяйства» принадлежит итальянскому экономисту Э. Баронэ. Опираясь на теорию равновесия М. Вальраса, Э. Баронэ разработал модель плановой системы, в которой проблема аллокации, проблема установления цен факторов производства решается не отдельными производителями, не рынком, а центральным органом⁴. Модель экономической системы Баронэ зачисляется современной буржуазной политэкономией в категорию «центральноуправляемого хозяйства» в том его виде, как оно трактуется современной буржуазной экономической теорией.

Необходимо указать на серьезное формально-логическое противоречие, присущее, на наш взгляд, модели Э. Баронэ. Оно состояло в том, что сам метод разрешения проблемы аллокации ресурсов в модели «центральноуправляемого хозяйства», предложенной Э. Баронэ, был далеко не полностью адекватен той экономической системе, в которой он применялся, т. е. системе «центральноуправляемого хозяйства». И дело здесь было не только в том, что в основе модели Э. Баронэ лежала теория равновесия в условиях рыночной модели «совершенной конкуренции».

В модели Э. Баронэ центральный орган устанавливает цены и зарплату таким образом, что предложение и спрос на всех отдельных рынках приходят в равновесие. При этом Э. Баронэ полагал, что покупатели, определяя свои расходы, руководствуются, как и в системе «рыночной экономики», своими доходами и товарными ценами. Таким образом, в модели Э. Баронэ не производится централизованного распределения между бюджетами благ и ресурсов в натуральном выражении. Хозяйственный механизм в модели Э. Баронэ действует на иной основе: здесь центральный орган устанавливает цены, а любое предпринятое центральным органом изменение цен приводит, следовательно, и к изменению спроса; в результате этих действий центрального органа равновесие спроса и предложения временно нарушается, его восстановление связано со структурной перестройкой производства (предложения).

Модель Э. Баронэ предполагает данный запас капитальных товаров и данный трудовой потенциал. Капитальные товары находятся в собственности центрального органа (государства). Полученный каким-либо образом государством доход от собственности через перераспределение вновь возвращается хозяйственным субъектам. Эта модель предполагает далее полную информацию центрального органа о предпочтениях потребителей; это означает, что центральный орган должен знать, как будут реагировать потребители на то или иное изменение цен и зарплаты.

Модель Э. Баронэ состоит из двух типов уравнений — урав-

⁴ *Barone E. The Ministry of Production on the Collectivist State.*— In: *Collectivist Economic Planning*. London, 1935, p. 245—290.

жений использования и уравнений производства. Уравнения использования показывают, как хозяйственные субъекты распределяют свой доход между различными товарами. Уравнение использования выглядит следующим образом:

$$l_h = P_1 q_{1h} + \dots P_i q_{ih} + P_n q_{nh},$$

где l_h — доход бюджета h ; P_i — цена товара i ; q_{ih} — количество товара i , на которое предъявляет спрос бюджет h ; $h = 1, 2, \dots, n$ бюджетов.

Сумма всех микроэкономических величин спроса на какой-то товар дает народнохозяйственный спрос на этот товар

$$P_i Q_i = P_i \sum_h^n q_{ih}.$$

Уравнения производства базируются на производственно-технических связях между применением факторов и выпуском продукции. Производство как функция применения факторов предстает не в натуральном, а в денежном выражении. Производственные уравнения выглядят следующим образом:

$$P_i Q_i = Q_i (K_1 W_{1t}, \dots K_s W_{st}, K_t W_{tt} \dots K_y W_{yt}),$$

где P_i — цена товара i ; Q_i — общее производство товара i ; W_{ft} — производственный коэффициент фактора f по отношению к товару i ; K_f — цена единицы фактора f ; от 1 до s — виды факторов труда (таким образом, от K_1 до K_s — это зарплата); от t до y — виды средств производства (таким образом, от K_t до K_y — это цены средств производства).

Количество товара q_{ih} , на которое предъявляет спрос бюджет h , зависит от дохода бюджета (l_h) и цен товаров (P). Тем самым общий спрос на товар Q_i определяется товарными ценами и доходом бюджетов. Доходы бюджетов при данном рабочем времени зависят от зарплат. Тем самым доходы известны, ибо зарплата и цены устанавливаются центральным органом.

Кроме потребительских товаров, необходимо производить и средства производства. Производственные уравнения на средства производства выглядят следующим образом:

$$K_t I_t = I_t (K_1 W_{1t}, \dots, K_s W_{st}, K_t W_{tt} \dots K_y W_{yt}),$$

где I_t — общее производство средства производства t ; K_t — цена средства производства t .

Какие величины неизвестны в модели? Неизвестны прежде всего количества потребительных товаров, которые должны быть произведены, таких величин насчитывается n . Неизвестны далее количества средств производства, их насчитывается от t до y . Неизвестны, наконец, количества труда a (размеры рабочего дня известны; они устанавливаются трудовым законодательством), предлагаемых x бюджетов. Таким образом, количество неизвестных равно $n + (t \text{ до } y) + x$. В то же время составлены x уравнений бюджетов, n уравнений производства потребительских товаров.

(t до y) уравнений производства средств производства. Число неизвестных равно числу уравнений и система в принципе имеет решение.

Условия решения модели «центральноуправляемого хозяйства» Э. Баронэ предполагают, что предложение и спрос на всех частичных рынках должны совпадать, т. е. произведенные и потребленные количества идентичны; предполагается также равенство цен и издержек. Еще раз напомним важную предпосылку модели Э. Баронэ: цены устанавливаются центральным органом, а количества получаются как зависимые величины. Структура цен варьируется центральным органом до тех пор, пока условия модели не будут осуществлены. Зависимость всех величин в системе Э. Баронэ приводит к тому, что изменение даже одной какой-то величины (цены) вызывает структурные изменения всей системы.

Буржуазные математические модели решения проблем экономического процесса, в которых, как и в моделях Э. Баронэ, основные экономические задачи системы «центральноуправляемого хозяйства» решаются с помощью системы уравнений, вызывают ряд возражений в самой буржуазной политической экономии. Эти возражения против моделей «центральноуправляемого хозяйства» Э. Баронэ, В. Крелле и других в буржуазной литературе сводятся в основном к следующему.

Если проблема экономического счета в «центральноуправляемом хозяйстве» будет решаться посредством системы уравнений не только чисто теоретически, а и практически, то в этом случае, само собой разумеется, в уравнения должны быть подставлены вполне конкретные величины, ибо счет посредством алгебраических символов в этом случае уже ничего не дает. Для применения уравнений с целью экономического счета в «центральноуправляемом хозяйстве» в этом случае необходимо располагать конкретной информацией не только о благах первого порядка, которые должны быть произведены в течение определенного периода, но и о благах более высоких порядков, необходимо располагать также техническими коэффициентами для пересчета благ первого порядка в блага более высоких порядков. Последние нельзя получить расчетным путем, они могут быть выведены только эмпирически. Если такая конкретная информация получена, то можно рассчитать народнохозяйственную степень редкости для благ всех порядков. «Однако тогда возникает важная задача оценки благ, т. е. необходимо провести отбор целей и производственных методов. Именно эта задача экономического счета, однако, не может быть решена посредством использования математических уравнений, но может происходить лишь посредством ошупывания предельных полезностей... Из этого видно, что для практического экономического счета построение и применение системы уравнений не только не необходимо, но и бесполезно»⁵.

⁵ Hensel K. P. Einführung in die Theorie der Zentralverwaltungswirtschaft. Stuttgart, 1954, S. 221.

Подмечая ряд противоречий подобных моделей, эта буржуазная критика проходит в то же время мимо целого ряда их особенностей. Главная из них состоит в том, что модели «центральноуправляемого хозяйства» Э. Баронэ не являются моделями «центральноуправляемого хозяйства» в соответствии с буржуазными определениями этой системы. С точки зрения буржуазных определений экономической системы «центральноуправляемого хозяйства» они должны были бы рассматриваться как модели «квазицентральноуправляемого хозяйства». По сути дела, подобного рода модели не укладываются в теоретическую схему биполярного мира экономических систем, предложенную неоклассикой, они занимают в этом мире какое-то промежуточное положение, лишний раз свидетельствуя о несостоятельности неоклассического подхода в теории экономических систем.

В самом деле, если мы обратимся к модели Э. Баронэ, то увидим, что, во-первых, центральный орган в этой модели лишен каких-либо собственных целей. Эти цели он заимствует из предпочтений потребителей, проявляющихся в рыночном спросе. Общественное благосостояние в этой модели предстает как механическая сумма функций предпочтений отдельных индивидов. В общественной функции благосостояния в этой модели не нашлось места для выражения специфических коллективных потребностей, специфически общественных целей, вырастающих из потребностей сообщества не как суммы индивидов, а как самостоятельного органического целого. Отсюда в модели Э. Баронэ полностью отсутствует и проблема ранжировки целей органом центрального управления, она исключена самими методологическими посылками модели, ибо все цели, включенные в эту модель, выражаются лишь через индивидуальный рыночный спрос. Отдельные лица через рыночный спрос определяют в этой модели не только производство потребительских товаров, но и деление национального дохода на потребление и накопление.

Таким образом, единственная экономическая функция центрального органа в этой модели сводится к простому суммированию индивидуальных потребностей, расчету цен и производственной программы. В этой модели обойден и важный вопрос об экономических рычагах, с помощью которых рассчитанная производственная программа может быть реализована, и о роли центрального органа в обеспечении реализации рассчитанной им производственной программы. Модель Э. Баронэ еще раз показала, что проблема народнохозяйственного счета может в определенных и важных частях решаться без посредства стихийного рыночного механизма. Впервые же на научную основу решение этой проблемы было поставлено в трудах К. Маркса. Однако модель Э. Баронэ не поставила и не решила, несмотря на субъективные стремления ее автора, ряд важнейших вопросов экономики социалистического общества. В то же время, опять-таки помимо воли ее автора, она продемонстрировала еще раз несостоятельность неоклассической теории экономических систем.

«СИСТЕМОНЕЙТРАЛЬНАЯ» ТЕОРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» И ТЕОРИЯ «ВСЕОБЩЕГО ПЛАНОВОГО РАВНОВЕСИЯ»

1. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ «СИСТЕМОНЕЙТРАЛЬНОЙ» ТЕОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

При рассмотрении «негативистских» теорий «центральноуправляемого хозяйства» мы видели, что их авторы, во-первых, отождествляют экономическую систему социализма с буржуазной моделью «центральноуправляемого хозяйства», а, во-вторых, ведут анализ экономического процесса в этой модели исключительно под углом зрения «рыночного хозяйства», с его теоретических позиций и с его мерками.

Победа социалистической революции, успехи в строительстве социализма заставили буржуазных теоретиков отказаться от утверждения, что капитализм является единственно возможной экономической системой, признать существование иной экономической системы. Но теоретическая оценка экономического процесса в рамках нового экономического строя происходила по-прежнему на базе представлений, порожденных рыночными процессами. Поэтому «признание» буржуазными экономистами социализма как нового экономического строя оставалось по сути дела формальным.

Основной тезис «негативистской» теории центральноуправляемого хозяйства представляет собой не что иное, как теоретический абсурд. Этот тезис гласит, что рациональный экономический процесс в центральноуправляемом хозяйстве невозможен, ибо там невозможна оценка благ и отсутствуют рыночные цены. С теоретической точки зрения это означало невозможность существования центральноуправляемой системы лишь потому, что она не является рыночной. «Негативисты» делали и другой шаг: они заявляли, что существование рыночного механизма невозможно без частной собственности на средства производства, а следовательно, существование социализма в качестве рациональной экономической системы объявлялось ими невозможным, социализм как экономический строй выводился ими за пределы экономически рациональных систем.

Таким образом, «признание» социализма со стороны буржуазной экономической теории было, по сути дела, актом чисто формальным, ибо за социализмом не признавался ранг системы экономически рациональной, способной обеспечить высокую экономическую эффективность. Возникновение моделей «рыночного социализма» и математических моделей «центральноуправляемого хозяйства» не изменяло коренным образом общего состояния буржуазной теории экономических систем, ибо в этих моделях решение проблем экономического процесса по-прежнему давалось лишь в рамках одной теоретической системы, сконструированной буржуазными теоретиками, в рамках системы «рыночного хозяйства». Ибо и модель «рыночного социализма», и буржуазные математические модели «центральноуправляемого хозяйства» (модели «электронного рынка») представляли собой теоретические попытки перенесения логики экономического процесса системы «рыночной экономики» на модель, в которой господствует общественная собственность на средства производства.

Кроме того, и та, и другая модель встретили в среде буржуазных экономистов не только одобрение, но и возражения. Одним из существенных возражений по отношению к модели «рыночного социализма» было утверждение, что на базе общественной собственности нельзя обеспечить такое экономическое поведение рыночнохозяйственных субъектов, которое бы приводило к условиям, обеспечивающим экономический оптимум, что такое поведение возможно лишь на базе частной собственности. По отношению к математическим моделям «центральноуправляемого хозяйства», обеспечивающим достижение экономического оптимума на основе решения системы уравнений, выдвигались, во-первых, возражения практической невозможности получения необходимой огромной информации, и, во-вторых, указывалось, что хотя решение такой системы уравнений (при предположении, что вся необходимая информация получена) и ведет к предварительному установлению народнохозяйственной степени редкости, однако не решает и не может решить проблему оценки благ, т. е. выработки программы целей, их ранжировки и отбора. Эта проблема, утверждают буржуазные теоретики, критикующие с «рыночных» позиций математические модели центральноуправляемого хозяйства, не может быть решена с помощью системы уравнений, добиться ее решения можно лишь с помощью «ощупывания предельных полезностей».

Таким образом, хотя экономическая система социализма существовала и продолжала бурно развиваться, теоретическое объяснение экономического процесса в этом строе в буржуазной экономической теории по-прежнему отсутствовало. Ибо реальный социализм решал и решает проблемы экономического процесса отнюдь не с помощью всеохватывающей системы уравнений, как это представлено в математических моделях «центральноуправляемого хозяйства», хотя многие буржуазные теоретики и ука-

зывают на логическую незавершенность в построении этой модели. Экономическая система социализма в СССР крепнет и развивается отнюдь не на путях, указанных буржуазной моделью «рыночного социализма», которая опять-таки имеет ряд существенных теоретических пробелов и противоречий даже с точки зрения самих буржуазных экономистов.

Переход СССР к построению развитого социалистического общества, а затем и успешное построение развитого социализма поставили буржуазную теорию перед сложной и довольно неприятной дилеммой: или продолжать настаивать на теоретической позиции, согласно которой рациональное решение проблем экономического процесса в рамках «центральноуправляемого хозяйства» невозможно, но тогда ввиду успехов в построении развитого социализма в СССР экономику социализма необходимо перестать считать «центральноуправляемым хозяйством», либо, придерживаясь старой теоретической схемы и по-прежнему объявляя социалистическую экономику СССР «центральноуправляемым хозяйством», признать (и не только формально) возможность рационального решения проблем экономического процесса за этой системой.

Буржуазная экономическая теория пошла по второму пути. Идти по первому пути оказалось для нее слишком опасным. Первый путь потребовал бы от буржуазной политэкономии радикальной перестройки всей теории экономического строя, отказа от весьма выигрышной с буржуазной точки зрения теоретической схемы «рыночная экономика» — «центральноуправляемое хозяйство». Кроме того, зачисление социализма в категорию «центральноуправляемого хозяйства» открывает перед буржуазной пропагандой возможности для обвинения социалистического строя в тоталитаризме, концентрации политической и экономической власти и т. д. Идти же старым путем, утверждая, что рациональное решение проблем экономического процесса в «центральноуправляемой системе» невозможно, означало полностью разорвать связь буржуазной теории экономического строя с реальностью. Успехи СССР в построении развитого социализма заставили буржуазную экономическую теорию идти другим путем — путем теоретического признания рационального решения проблем экономического процесса в условиях не только рыночной, но и центральноуправляемой системы хозяйства.

Этот весьма важный сдвиг в буржуазной политической экономии нашел свое выражение в создании и оформлении «системонейтральной» теории «экономических систем». Создание этой теории началось еще в 50-е годы, но в особенности перестройка буржуазной теории экономических систем развернулась под этим углом в 60-е и 70-е годы.

Давая характеристику рассматриваемой теории в целом, необходимо указать, во-первых, на то, что ее появление и развитие в буржуазной политэкономии вызвано прежде всего неоспоримыми экономическими достижениями социалистического

строю, переходом СССР к построению развитого социалистического общества и успешным вступлением СССР в стадию развитого социализма. Во-вторых, хотя экономическая система социализма рассматривается буржуазными теоретиками не как социализм, а как «центральноуправляемое хозяйство», буржуазные экономисты вынуждены признать, что существует теоретическая возможность рационального решения основных задач экономического процесса в этой системе на основе методов, органически присущих этой системе, составляющих именно ее специфику, отличающую ее как экономическую систему от других видов систем. Ранее же буржуазная политэкономия отказывала системе «центральноуправляемого хозяйства» в возможности рационального решения экономических проблем. В спорных и с буржуазной точки зрения моделях «рыночного социализма» и «электронного рынка» теоретическое решение задач экономического процесса достигалось с помощью имитации рыночных процессов. Таким образом, практически до конца 50-х годов буржуазная политэкономия имела в своем распоряжении законченную теорию лишь одной экономической системы — «рыночного хозяйства». Теория же других экономических систем ограничивалась разработкой лишь той ее части, которая касается экономического строя, теория же экономического процесса была разработана лишь для рыночной системы (буржуазная теория исходит из необходимости отделения экономического строя от экономического процесса).

В-третьих, «системонейтральная» теория, рассматривая, с одной стороны, в качестве сердцевины любой экономической системы систему использования и распределения ресурсов и объявляя, с другой стороны, как проблему аллокации, так и правила ее оптимального решения вечными и неизменными, заявляет, что тем самым у различных экономических систем есть какая-то общая, единая основа, которая и может служить базой для проведения операции сравнения различных экономических систем, считая, что в чистом виде система аллокации, используя набор правил, установленных «общей экономической теорией», может обеспечить максимальную реализацию принципа рациональности. Но так как система аллокации является хоть и важнейшей, но все же лишь частью экономической системы, на которую действуют многие другие системные элементы, различные в различных системах, то эти системы и различаются в зависимости от того, как работают их системы аллокации, в чем причины различий в действии этих важнейших механизмов. Сравнение экономических систем, которое базируется на «системонейтральной» теории экономических систем и которое стало в 60—70-х годах одной из наиболее быстро развивающихся ветвей буржуазной политэкономии, ведется прежде всего по критерию реализации принципа экономической рациональности. Причем правила определения того, находится ли система в точке наивысшей рациональности или отклоняется от нее, заимствуются «системоней-

тральной» теорией из маржинальных условий так называемого всеобщего равновесия. Долгие годы буржуазная теория рассматривала эти маржинальные условия как органически присущие лишь капиталистической экономике, рыночному механизму, правда, лишь в одной, особой форме рыночнохозяйственного строя — в рыночной форме совершенной конкуренции. Постепенно, однако, буржуазная политэкономия отказалась от такой постановки вопроса. «Системонейтральная» теория выносит маржинальные условия экономической рациональности за рамки какой-то одной (рыночной) системы, объявляя проблему редкости и маржинальные правила ее решения вечными, внесистемными.

Таким образом, если раньше буржуазные теоретики подходили к экономическому процессу в «центральноуправляемом хозяйстве», как они называют социализм, с мерками системы рыночной экономики, то теперь формально этот процесс выглядит иначе: к «центральноуправляемому хозяйству» подходят теперь с мерками «вечными», «внесистемными» и оценка системы происходит именно по этим будто бы «внесистемным» критериям. А то, что ранее в буржуазной теории эти «внесистемные» критерии выводились и представлялись исключительно как рыночные категории, присущие только «рыночной» системе, теперь объясняется «творческим заблуждением» — маржинальные условия рациональности будто бы всегда были категориями «внесистемными», но это якобы было понято не сразу, а лишь постепенно, по прошествии изрядного времени после создания теории «всеобщего рыночного равновесия».

И, наконец, в-четвертых, на базе «системонейтральной» теории экономических систем делаются и очень важные выводы политико-экономического характера — выводы в пользу «сознательного» и «рационального» избрания системы рыночного хозяйства как «более эффективной» и «рациональной».

Таковы причины возникновения и наиболее общие черты «системонейтральной» теории экономических систем. Как видим, авторы этой теории вынуждены были теоретически отступить перед успехами развитого социализма, признать возможность решения основных задач экономического процесса в рамках системы «центральноуправляемого хозяйства», с которым они отождествляют социалистическую экономику СССР. В то же время появление «системонейтральной» концепции отнюдь не означает, что теория экономических систем утратила свой антисоциалистический характер. Определенная и вынужденная теоретическая перестройка в этой важной сфере буржуазной политэкономии понадобилась для того, чтобы усилить нападки на экономическую систему социализма, но уже с помощью иных аргументов, с иного теоретического плацдарма.

2. ПРОБЛЕМА АЛЛОКАЦИИ В «СИСТЕМОНЕЙТРАЛЬНОЙ» ТЕОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

Мы уже говорили о том, что буржуазная политическая экономия исходит из различения экономического процесса и экономического строя, в рамках которого этот экономический процесс протекает. При анализе процесса в экономической системе «системонейтральная» теория в качестве главного, решающего аспекта выдвигает на первый план проблему редкости и подсистему аллокации, в которой и происходит решение этой проблемы. Выделение в качестве основного отношения связи между проблемой редкости и процессом экономической системы является одной из фундаментальнейших методологических посылок буржуазной теории построения экономических систем (и, естественно, их последующего сравнения). Из этой методологической посылки следует и то исключительное значение, которое приписывается буржуазной теорией в рамках экономической системы так называемой подсистеме аллокации.

Наиболее видным представителем «системонейтральной» теории можно, по-видимому, считать К. П. Хензеля, он является горячим поборником разработки именно этого подхода в теории экономических систем, ему принадлежит сам этот термин — «системонейтральная теория экономических систем», его ученики и последователи продолжают и в настоящее время разрабатывать этот подход. Буржуазные экономисты утверждают, что К. П. Хензелю впервые удалось разработать «позитивную» теорию экономического процесса в «центральноуправляемом хозяйстве» и тем самым впервые создать теорию экономического процесса не одной, а нескольких (в данном случае двух) экономических систем. В предисловии к его книге, вышедшей в 1977 г., А. Хаммель указывает, что К. П. Хензель работал «над общей, системоиндифферентной теорией экономического процесса, представлявшей собой основу для специальной системоориентированной теории строя и процесса», что, в свою очередь, должно было обеспечить и возможность сравнения систем¹.

Сам К. П. Хензель прямо говорит о том, что с методологической точки зрения общая теория хозяйствования была основой в его попытках ответить на вопрос о возможных экономических системах. Такая общая теория является возможной и необходимой, если существуют такие процессы и проблемы хозяйствования, которые присущи хозяйствованию как таковому и в этом смысле имеют всеобщий характер; именно потому они присущи всем мыслимым экономическим системам. Поэтому прежде всего мы спрашиваем не о различиях, а об общем всех возможных экономических систем. Это «общее», считает К. П. Хензель, и

¹ Hensel K. P. Systemvergleich als Aufgabe. Stuttgart — N. Y., 1977, S. VII.

представляет собой основу для «системоиндифферентного решения проблемы».

Такой общей, присущей всем экономическим системам проблемой сторонники «системонейтральной» теории объявляют «редкость благ». Задача же хозяйствования, по их мнению, состоит в том, чтобы уменьшить редкость благ (посредством производства). Редкость благ и уменьшение этой редкости объявляются объектом и главной проблемой экономической науки. «Исходя из них,— утверждает К. П. Хензель,— следует исследовать также и вопрос об образовании экономических систем. В этом состоит задача научной теории процесса».

Что нового содержится в такой постановке вопроса К. П. Хензелем по сравнению с его предшественниками? Ведь уже до него проблема редкости рассматривалась буржуазными экономистами в качестве фундаментальнейшей проблемы экономической теории. Отнюдь не с него берет начало в буржуазной политической экономии рассмотрение этой проблемы в качестве «вечной». Новое у К. П. Хензеля, как нам представляется, состоит в теснейшей увязке проблематики редкости с теорией экономического строя.

Это хорошо видно на примере формулировки «системонейтральной» теорией такой категории, как редкость. Если обратиться к сущности этого понятия буржуазной политической экономии, то окажется, что за ним стоит не что иное, как соотношение таких хорошо известных рыночных параметров, как спрос и предложение. Буржуазная политэкономия обычно категорию редкости и определяет через спрос и предложение. Однако совершенно очевидно, что подобная формулировка категории «редкость» является «системообусловленной», сущность данного понятия определяется через специфические категории одной экономической системы — в данном случае рыночной (если применять здесь логику самой этой теории).

К. П. Хензель строит свой подход значительно тоньше. Во-первых, он пытается придать определению редкости «системонейтральный характер»: «С точки зрения абстрактной (и вневременной) понятие редкости означает, что потребность в благах всех порядков, необходимых для осуществления целей бытия, является большей, чем их наличное количество...»². Таким образом, К. П. Хензель во имя «системонейтральной теории» как бы временно отбрасывает ценностную характеристику этой категории (спрос и предложение), а рассматривает лишь соотношение потребностей и запаса в физических единицах.

Второй важный шаг, который совершает «системонейтральная теория экономических систем», состоит в том, что объявляется необходимой оценка благ, основывающаяся на количественном измерении редкости, ибо без такой оценки рациональное течение процесса аллокации считается невозможным. При этом

² Hensel K. P. Systemvergleich als Aufgabe, S. 28.

(и это буржуазная теория ставит в особую заслугу К. П. Хензелю) не только в системе рыночной экономики, но и в системе «центральноуправляемого хозяйства» выделяется специфический, присущий именно данной системе механизм такой оценки, механизм измерения редкости. Причем и тот, и другой механизм оценки базируются, по мнению К. П. Хензеля, на «общей количественной мере оценки редких благ» — на их «полезности». Таким измерением в системе рыночного хозяйства объявляется цена, а в системе «центральноуправляемого хозяйства» — сальдо плановых балансов.

Рассмотрев проблему редкости, «системонейтральная» теория экономических систем совершает следующий, и весьма важный логический шаг, она переходит к анализу так называемой аллокации редких ресурсов. Проблема уменьшения редкости согласно буржуазной теории решается именно посредством рациональной аллокации ресурсов.

Среди экономических величин, которые подлежат экономически рациональному комбинированию в подсистеме аллокации, К. П. Хензель, например, различает, во-первых, «цели бытия», во-вторых, «все наличные запасы производственных элементов и продуктов», и, в-третьих, «технические и организационные знания». Суммируя свое изложение проблемы аллокации, К. П. Хензель указывает, что ее объектом служат имеющиеся в наличии в какое-то определенное время в обществе материальные и духовные фонды, служащие для осуществления целей бытия.

Число отдельных величин, входящих в процесс аллокации, согласно концепции К. П. Хензеля, «неизмеримо велико». Между ними он различает два рода связей: «технически необходимые» и «технически альтернативные». Если связи первого рода отличаются жесткостью и неизменностью, то связи второго рода характеризуют подвижность и вариативность. Именно этот второй вид связей и привлекает особое внимание теоретиков аллокации. Произвести какой-либо продукт (или осуществить какую-то «цель бытия») технически возможно посредством не одной, а нескольких комбинаций средств. Комбинацию средств под этим углом зрения К. П. Хензель называет «конкуренцией средств за отдельные цели». В то же время отдельные средства (производственные элементы или продукты) могут употребляться для достижения одной, нескольких или всех целей («конкуренция целей за отдельные средства»). В результате между всеми отдельными величинами, входящими в процесс аллокации (комбинирования), возникают как прямые, так и косвенные технические связи. Проблема экономической аллокации состоит, по мнению К. П. Хензеля, в том, чтобы среди огромного множества технических возможных комбинаций выбрать экономически рациональные.

Существуют абсолютные и имеющие силу для всех экономических систем правила такой рациональной комбинаторики, заявляют представители «системонейтральной» теории. Эти пра-

вила будто бы «системоиндифферентны», они вечны и неизменны, только их твердое и полное соблудение якобы в состоянии обеспечить нахождение системы в положении оптимума, предотвратить разбазаривание редких ресурсов. Этими правилами объявляются маргинальные условия, разработанные теорией «всеобщего равновесия».

Таков теоретический фундамент «системонейтральной теории экономических систем». На этой «системонейтральной» основе буржуазные экономисты возводят теоретическое здание как системы центральноуправляемой, так и рыночной, а также проводят и сравнение экономических систем.

Мы уже говорили о том, что «системонейтральная теория экономических систем» методологически опирается прежде всего на устанавливаемую ею связь между редкостью и аллокацией ресурсов, уменьшающей эту редкость, с одной стороны, и экономическим строем — с другой. Согласно этой концепции, проблема аллокации является как вечной проблемой, с которой сталкивается любой экономический строй, так и главной проблемой любого строя. Выдвижение проблемы аллокации на первый план — характерная черта всей современной буржуазной политэкономии, так же как трактовка правил (или законов) решения проблемы аллокации в качестве вечных. Такой подход был характерен уже для Г. Госсена, который сравнивал «вечные» экономические законы, выведенные им из теории предельной полезности, с законами движения небесных тел Коперника. Такой подход в целом был характерен и для Л. Вальраса, В. Парето, Ф. Визера, К. Висселля, того же Л. Мизеса.

«Собственный» вклад «системонейтральной теории экономических систем» состоит отнюдь не в «открытии» этих «вечных» законов, это «заслуга» перечисленных выше экономистов, всего маржинализма и теории «всеобщего равновесия» в частности. Специфическая «заслуга» «системонейтральной теории экономических систем» состоит именно в построении теории систем (строя и процесса) на базе этой «общей экономической теории» и в создании теории «центральноуправляемого хозяйства» (опять-таки на той же «вечной» основе). Согласно концепции К. П. Хензеля, проблема редкости и призванная уменьшить ее аллокация редких ресурсов являются сущностью, содержанием экономического процесса любой экономической системы, а так называемые плановые системы — формой аллокации. А так как, утверждает К. П. Хензель, имеются только две формы измерения редкости, то соответственно имеется лишь только два способа решения проблемы аллокации — экономические системы децентрализованного и централизованного планирования.

Марксистская политическая экономия отнюдь не выступает против таких экономических категорий, которые присущи не одной, а нескольким экономическим эпохам или даже всем экономическим эпохам. В качестве такой категории К. Маркс рассматривал, например, категорию «производства вообще». К. Маркс

писал: «Производство вообще — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его...»³. К. Маркс говорил о «процессе производства вообще» в том виде, в каком «он свойственен всем общественным укладам», т. е. о процессе производства «вне его исторического характера»⁴. Однако К. Маркс тут же указывал на те опасные манипуляции, которые проводит с подобными категориями буржуазная политическая экономия: «Производство... изображается как заключенное в рамки независимых от истории вечных законов природы, чтобы затем, пользуясь этим удобным случаем, совершенно незаметно в качестве непреложных естественных законов общества *in abstracto* подsunуть *буржуазные* отношения»⁵.

Именно такого рода прием, на который указывал К. Маркс, использует в данном случае «системонейтральная теория экономических систем». «Всеобщая экономическая теория» в форме теории «всеобщего равновесия» создавалась прежде всего как теория «рыночного равновесия». И она несет на себе безусловный и неизгладимый отпечаток не теории «системонейтральной», а теории вполне определенной абстрактной экономической системы — системы «рыночного хозяйства». Теория «всеобщего равновесия» является статической теорией и «системонейтральная» теория аллокации целиком и полностью наследует этот ее порок. Экономические системы, к которым прикладывается «системонейтральный» эталон аллокации, в действительности измеряются меркой не динамического, а статического оптимума, по которому нельзя измерить истинную эффективность экономической системы. Буржуазная теория создала такой эталон, который, будучи приложен к различным экономическим системам, дает искаженное, извращенное представление об этих системах, и такое искажение заранее запрограммировано в пользу «рыночной» системы экономики.

Другим серьезным пороком который вытекает из постановки в центр экономической системы проблемы аллокации, является искусственное исключение из экономического анализа значительной области производственных отношений. Рассмотрение экономической системы не как иерархической структуры всего комплекса производственных отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления, а выделение лишь проблемы комбинаторики ограниченных ресурсов отражает классовый подход буржуазной политэкономии к теории экономических систем и преследует цель подменить рассмотрение отношений между людьми в процессе производства отношениями между элементами производства в процессе их рационального применения.

Весьма своеобразной является трактовка К. П. Хензелем «плановой системы» как формы, в которую только и может обле-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21.

⁴ Там же, с. 274.

⁵ Там же, с. 23.

катся решение проблемы аллокации. Хотя в одном случае эта «форма» выражается в системе централизованного планирования, а в другом случае — в системе децентрализованного, и в том, и в другом случае — это прежде всего «план». Эта трактовка характерна для методологии неолиберальной школы, которая, как мы уже говорили, проводит границу между системами по числу «планов» в системе. Если раньше для буржуазной теории экономических систем было характерно засилье рыночных категорий, то здесь мы встречаемся чуть ли не с обратным подходом. Однако само словоупотребление мало что меняет на деле, слова остаются словами. Под «планом», как известно, неолибералы понимают не только народнохозяйственный план, но и по сути дела любую реакцию хозяйственной единицы (в условиях капиталистического рынка) на изменение внешних параметров экономической среды. Далее мы покажем, что категория «плана», играющая столь важную роль в буржуазной теории экономических систем, все же не стала «системонейтральной» категорией как «форма» процесса аллокации. Понятие «плана» как формы аллокации не существует в этой теории в чистом, «системонейтральном» виде, оно системообусловлено. Это важное логическое противоречие в «системонейтральной теории экономических систем».

3. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ «ВСЕОБЩЕГО ПЛАНОВОГО РАВНОВЕСИЯ»

В соответствии с основными положениями «системонейтральной» теории сердцевинной экономической системы «центрально-управляемого хозяйства», как и любой экономической системы, объявляется подсистема аллокации ресурсов. Как мы помним, «негативистская» теория «центральноуправляемого хозяйства» не признавала за экономикой, регулируемой из центра, возможности рационального решения проблемы аллокации, ибо «негативисты» не видели таких теоретических, таких логических ходов в «центральноуправляемой экономике», посредством которых в этой системе можно было бы, во-первых, дать оценку миллионам отдельных элементов производства в соответствии с их полезностью, во-вторых, сделать эти полезности соизмеримыми и, в-третьих, установить равенство предельных полезностей всех элементов производства, служащих реализации той или иной цели (чего требуют маргинальные условия всеобщего равновесия). Негативисты считали, что такого рода сложнейшие задачи могут быть решены только в условиях рыночной экономики; в системе «центральноуправляемой экономики» они никаких возможностей рационального решения проблемы аллокации не видели. Их теория, как уже указывалось, не могла быть признана теорией «экономических систем». Даже по формальным меркам самой буржуазной теории систем это была теория лишь одной экономической системы — системы рыночной экономики.

В отличие от «негативистов» теория «центральноуправляемого хозяйства», объявляющая в качестве своей методологической основы «системонейтральную теорию экономических систем», признает за центральноуправляемой системой теоретическую возможность решения проблемы аллокации. Это признание уже не формально, ибо в этом случае одновременно предлагается и теория рационального решения проблемы аллокации в системе «центральноуправляемого хозяйства». Средством решения проблемы аллокации выступает уже не рынок и не инструменты, позаимствованные из системы рыночного хозяйства (как это имеет место в различных моделях «рыночного социализма»), а «тотальный народнохозяйственный план», т. е. экономический механизм, являющийся главной и специфической частью центральноуправляемой экономики.

Согласно мнению К. П. Хензеля, который считается среди буржуазных экономистов создателем теории экономического процесса в «центральноуправляемом хозяйстве», последовательность логических ходов в рациональном решении проблемы аллокации выглядит в этом случае следующим образом:

составляется предварительная программа всех «целей бытия», осуществление которых должно быть сделано возможным в рамках определенного временного периода; единственным определяющим субъектом планирования является политическое руководство сообщества — в процессе «конкуренции целей» за редкие ресурсы именно оно решает, какие цели являются более важными, какие менее важными, какие цели оставить в программе, какие исключить из нее;

рассчитываются потребности в видах благ первого порядка и в их количествах, необходимых для осуществления целей;

блага первого порядка с помощью технических коэффициентов пересчитываются в потребности в благах второго, третьего и т. д. порядков, вплоть до благ последнего порядка; оценка благ первого, второго и т. д. порядка должна быть произведена именно исходя из оценки благ последнего порядка;

одновременно рассчитываются виды и количества благ, которыми можно будет располагать в рамках планового периода, используя как их запасы, так и возможности их производства;

поступление отдельных видов благ сопоставляются с потребностями в плановых балансах; при этом от такого сопоставления возникает сальдо, которое может быть положительным, отрицательным или нулевым; в подавляющем большинстве случаев оно будет отрицательным, это сальдо количественно выражает «редкость благ» в рамках планового периода;

на основе этих сальдо, отражающих редкость, производится оценка поступающих в распоряжение количеств отдельных видов благ под углом их ожидаемого полезного эффекта; при этом оценка благ — это процесс, который требует значительного времени и в котором сальдо, выражающие редкость благ, очень часто изменяются: ибо в ходе процесса оценки принимаются ре-

шения о том, какие продукты и в каком количестве должны быть произведены из редких (дефицитных) производственных элементов; в результате этого процесса формируется программа целей, которые экономически возможно реализовать;

для того чтобы «уменьшить редкость благ наиболее эффективным образом» или для того, чтобы «редкие ресурсы принесли наибольшую пользу», необходимо использовать каждое отдельное редкое благо таким образом, чтобы оно применялось строго в соответствии с рангом «целей бытия», для удовлетворения которых оно служит.

К. П. Хензель говорит о необходимости достижения в рамках «центральноуправляемого хозяйства» «всеобщего планового равновесия». Это «всеобщее плановое равновесие» достигается, согласно К. П. Хензелю, тогда, когда ни одна единица какого-то блага не используется за счет удовлетворения более важных целей или, что то же самое, если предельные полезности различных благ во всех их применениях выравнены. Составление народнохозяйственного плана и представляет собой, по мнению К. П. Хензеля, механизм такого выравнивания. «Если, например, из планового блага x , — заявляет К. П. Хензель, — 300 единиц предусмотрено на цель A , 120 единиц на цель B и 230 единиц на цель C , то план для блага x находится в состоянии равновесия, если трехсотая, стодвадцатая и двухсоттридцатая его единицы приносят одинаковую полезность»⁶. Плановые органы, опираясь на решение политического руководства о целях, и добиваются того, чтобы народнохозяйственный план находился в состоянии «всеобщего равновесия», принимая решения о расширении производства одного блага за счет сокращения другого, о субституции дефицитных благ менее дефицитными, об изменении запасов на начало планового периода, расширении мощностей или импорте или же «ограничении целей бытия». «Только что описанный метод балансовой увязки применяется и должен применяться во всех странах с центральным планированием экономического процесса, ибо только таким образом могут быть при этой системе выявлены народнохозяйственные степени редкости отдельных видов благ, из которых должна исходить оценка блага»⁷, — заключает К. П. Хензель.

После достаточно подробного изложения теории «всеобщего планового равновесия» и «системонейтральной теории экономических систем», из которой эта первая органически произрастает, обратимся к критическому анализу этого важного комплекса буржуазных теорий.

Прежде всего нам представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что с концепцией «всеобщего планового равновесия» буржуазная политэкономия совершает акт теоретического признания возможности рационального ведения экономического про-

⁶ Hensel K. P. Grundformen der Wirtschaftsordnung. München, 1972, S. 126.

⁷ Ibid., S. 127.

цесса в условиях социалистического строя. Это «признание» сделано в терминах буржуазной политической экономии, языком ее понятий и категорий, исходя из ее методологических посылок, короче говоря, в рамках буржуазной теории экономических систем. Однако уже факт такого признания после долгих лет теоретического отрицания подобной возможности сам по себе знаменателен. В этом проявляется воздействие развитого социализма на усиление кризисных явлений в буржуазной идеологии, отступление буржуазной идеологии перед успехами социалистического строя.

Горечь этого признания буржуазная политэкономия пытается, однако, «подсластить» достаточно своеобразным способом. В современной буржуазной политэкономии широко распространяется точка зрения, согласно которой именно западные экономисты своей «позитивной» теорией «центральноуправляемого хозяйства» впервые оказались в состоянии создать подлинно научную экономическую теорию социализма: то, что не удалось будто бы сделать классикам марксизма и экономистам СССР, сделали якобы западные экономисты и прежде всего К. П. Хензель, создавший теорию экономического процесса в «центральноуправляемом» хозяйстве на базе «системонейтральной» теории. Ознакомление с этого рода теорией свидетельствует, однако, о другом. В определенной своей части концепция «всеобщего планового равновесия» воспроизводит те операции, которые широко используются в социалистической экономике для оптимизации плана и которые глубоко, полно и уже давно получили освещение в советской экономической литературе. И если каким-то западным экономистам об этом ничего до сих пор неизвестно, то неосведомленность в данном случае отнюдь не делает обоснованной заявку на научный приоритет.

Кроме того, попытка авторов концепции «всеобщего планового равновесия» построить ее на фундаменте «системонейтральной» теории приводит к извращению сущности процесса оптимизации плана при социализме, которая еще более усиливается переносом проблемы плана в рамки строя «центральноуправляемого хозяйства». Одной из основных посылок модели «всеобщего планового равновесия» К. П. Хензеля является «полная планировка» всего экономического процесса вплоть до самых мельчайших деталей: ни один, даже самый третьестепенный, экономический акт не должен согласно посылкам этой модели остаться вне рамок всеобщего, всеохватывающего плана. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с позицией так называемого тотального плана, о которой мы уже говорили в предыдущих разделах.

В теории «плана» как всеобщей формы реализации системы аллокации происходит абсолютизация «плановой» формы, превращение ее во всеобщую, единственную форму, имеющую, однако, два подвида — «централизованную» и «децентрализованную». Но и в том, и другом случае процесс аллокации реализуется яко-

бы только через форму «плановую». Товарная форма экономической связи, как одна из основных форм экономической связи, здесь уже из категории «форм» выпала. Дело не только в словах. Здесь происходит подмена товарной формы связи понятием «децентрализованного планирования», посредством которой стремятся сохранить логическую стройность концепции экономического строя и в то же время связать теоретический фасад капиталистической системы с преимуществами планирования.

В «системонейтральной» формулировке процесса аллокации временная размерность вообще не упоминается. Между тем процесс аллокации происходит отнюдь не вне времени: от того, какой временной период берется, зависит и вхождение в процесс аллокации различного круга экономических параметров. Таким образом, «системонейтральная» теория аллокации оказывается «нейтральной» и в отношении времени, что лишает эту абстракцию значительной части экономического содержания.

Однако, переходя к характеристике двух различных экономических систем, К. П. Хензель указывает, что «своеобразие каждой из этих двух систем» характеризуется различной «временной логикой». Он хочет видеть это различие прежде всего в том, что в «центральноуправляемой экономике» плановый период является единообразным, а в системе «децентрализованного планирования» каждая из «планирующих» единиц устанавливает свой период «планирования». Процесс координации этих отдельных «планов» в народнохозяйственную «плановую систему» осуществляется посредством рыночной цены, которая отражает «мгновенную редкость благ».

Создается впечатление, что хотя К. П. Хензель говорит о «плановой форме» аллокации ресурсов, предполагающей динамику в моделях оптимизации, его подход к комбинаторике редких ресурсов не выходит за рамки статического. Это касается как «системонейтральной» теории аллокации, так и оптимизации в отдельных системах. Так, представляя логику развертывания плановой системы в «центральноуправляемой экономике», он исходит из постоянства технических коэффициентов, по которым блага первого порядка пересчитываются в блага более высоких порядков. Проблема технического прогресса, проблема изменения целей и появления новых целей никак не освещаются его теорией экономического процесса в «центральноуправляемом хозяйстве». Опора на «системонейтральную» теорию с ее статическим подходом наложилась неизгладимый отпечаток и на неоклассическую теорию отдельных систем.

Признавая, что в его концепции существует целый ряд совпадений с традиционной концепцией (например, его учителя В. Ойкена), К. П. Хензель в то же время заявляет, что по «центральным теоретическим вопросам», в оценке возможностей экономического счета в «центральноуправляемой экономике», его теория существенно отличается от традиционных концепций. «В отношении системоимманентных возможностей экономиче-

ского счета при центральном регулировании мы придаем значительно большее значение «количественным балансам», чем это делал В. Ойкен. Мы попытались показать, как из системы этих балансов возникает механика регулирования, плановый механизм... как затем плановые сальдо... показывают общехозяйственные редкости, и, наконец, как на основе плановых балансов возможен счет издержек и в особенности предельных издержек (предельных полезностей) равно как и установление всеобщего планового равновесия. При полном построении теории центрального регулирования возможно далее показать, что грубые подсчеты потребностей и первоочередности служат лишь поначалу для развертывания плановой системы, а после того как редкости выявлены, эти инструменты могут быть сделаны значительно более тонкими, так что как закон Госсена, так и проблематика комплементарности могут быть в достаточной мере учтены»⁸. Поскольку буржуазные экономисты отождествляют экономический строй социализма с экономической системой «центрально-управляемого хозяйства», то в данном случае имеется в виду, таким образом, признание возможности теоретического достижения системой социализма состояния экономического оптимума. Признание сделано специфическим языком буржуазной политической экономии, речь идет и об оптимуме в понимании этой буржуазной теории, но такое признание важно, ибо за ним стоит путь отступления буржуазной идеологии под напором огромных достижений экономического строя развитого социализма.

⁸ Hensel K. P. Einführung in die Theorie der Zentralverwaltungswirtschaft. 1959, S. 227.

БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ» РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО ФОРМ

1. БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ О ФОРМАХ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ

Так же как и для системы «центральноуправляемого хозяйства», буржуазные теоретики конструируют несколько подтипов рыночно-хозяйственной системы. Принципы образования этих модификаций или, как называют их буржуазные экономисты, рыночных форм, различны: один из них опирается на так называемую морфологическую теорию, другой — на теорию «экономического поведения».

На протяжении длительного времени так называемый рынок свободной конкуренции считался, по сути дела, единственно возможной формой рынка, дифференциация рыночных форм не проводилась, а ценообразование в условиях свободной конкуренции рассматривалось в буржуазной политической экономии в качестве единственно возможного способа образования цен. Таким образом, система рыночного хозяйства имела всего одну теоретическую форму — форму свободной конкуренции.

Переход от капитализма свободной конкуренции к господству монополий поставил буржуазную политическую экономию перед необходимостью дифференциации рыночных форм, выявления критериев этой дифференциации, потребовал от них дать теоретическое объяснение процессам образования цен в новых условиях. С различными формами рынка теория рыночных форм связывает и различные механизмы ценообразования, технического прогресса, различный уровень эффективности в аллокации ресурсов. Особое внимание уделяется при этом рассмотрению механизма ценообразования; проблемы эффективности в условиях рыночной формы так называемой совершенной конкуренции, в условиях, когда в отрасли господствует не одна, а несколько крупных фирм. Теоретическое изучение этой рыночной формы, получившей название «олигополии», и соответствующего ей механизма образования цен, развернувшийся на этой основе пересмотр теории цен получили в буржуазной политэкономии название «революции в теории цен». В дальнейшем теория «олигополии» послужила основой для разработки буржуазными эконо-

мистами нового подхода к проблеме эффективности капиталистической экономики, к механизму технического прогресса. Теория рыночных форм представляет собой большой и весьма важный раздел буржуазной политэкономии, вся теория в целом и прежде всего та ее часть, которая пытается дать характеристику «олигополии», несут в себе большой апологетический заряд.

Фундамент теории рыночных форм составляют работы таких буржуазных экономистов, как Г. Штаккельберг, Р. Триффин, В. Ойкен, Р. Фриш, Ж. Робинсон, Э. Чемберлин, Э. Шнайдер. В теории рыночных форм видное место принадлежит немецким и скандинавским буржуазным экономистам. Если работы Чемберлина и Робинсона по этим вопросам уже подвергались анализу в нашей литературе, то теории, созданные Штаккельбергом, Шнайдером, Фришем, в меньшей степени Ойкеном и Триффином, такого критического освещения еще не получили.

В современной теории рыночных форм можно выделить несколько направлений: морфологическую теорию, теорию взаимозависимости между рынками, теорию перекрестной эластичности, теорию экономического поведения.

В основе морфологической теории (морфо — форма, логис — понятие, учение) лежит принцип выявления форм рыночной системы в зависимости от числа и относительной величины отдельных решающих единиц или участников рынка. Поскольку неоклассическая теория экономических систем делает основополагающим критерием различения одной системы от другой число «планов» в системе и поскольку в рыночной системе это число простирается от двух до бесконечности, то перед буржуазной теорией экономических систем возникает ряд сложных вопросов: связаны ли особые экономические качества рыночного механизма с различным числом «планирующих» единиц или же при любом числе участников рынка свойства рыночной системы остаются одними и теми же? Или, иными словами, дает ли различное число участников рынка такие качественные сдвиги, что можно говорить о самостоятельных формах рыночной системы? Если это так, при каких рыночных формах возможна оптимальная аллокация редких ресурсов? В теории «центральноуправляемого хозяйства» постановка этого вопроса бессмысленна, ибо там уже по определению число планов равно единице и вариации в формах на этой основе невозможны. В теории же рыночной системы простор для вариаций велик.

Как уже говорилось, морфологическая теория связывает особые качества рыночного механизма с числом и величиной участников рынка.

Понятие «величины» участника рынка Штаккельберг определяет как «долю, которой располагает отдельный продавец в совокупном предложении рынка»¹. «Величина» может быть най-

¹ *Stackelberg H. v. Die Grundlagen der Nationalökonomie.— Weltwirtschaftl. Arch., 1940, Bd. 51, S. 268.*

дена и на основе доли в обороте или в производственных мощностях.

В морфологической теории нередко применяется, кроме того, «условие симметричности». Согласно этому теоретическому допущению участники одной и той же рыночной партии не отличаются друг от друга по своей величине. Тем самым устанавливается зависимость между числом и величиной участников рынка. Если, например, доля одного из продавцов на рынке равна $1/2$, то это означает, что общее число участников рынка должно быть равно 2. Число участников рынка при сохранении условия симметричности равно обратной величине, выражающей долю отдельного продавца или покупателя. Если y величина отдельного участника рынка, а n число участников, то $y = 1/n$.

На любой стороне рынка могут выступать 1, 2, 3, ..., n число продавцов или покупателей. Предполагается, что если бы каждому натуральному числу, определяющему численность участников рынка, соответствовала особая рыночная форма, то в этом случае можно было бы выделить монополию, дуополию, триполию... полиполию как специфические формы рынков. Однако дело как раз в том, что при таком подходе буржуазным экономистам не удается выявить специфические качества отдельных рыночных форм. Поэтому проблема состоит в том, чтобы сформировать ряд натуральных чисел 1, 2, 3, ..., n , показывающий число участников рынка, в такие группы, каждая из которых отличалась бы особым характером рынка и своим механизмом ценообразования.

Пытаясь решить этот вопрос, «морфологическая теория» вводит следующие группировки численности участников рынка (рядом указывается «величина» покупателей и продавцов, соответствующая тому или иному их числу при условии симметричности):

Число участников рынка	Один	Несколько	Много
Величина участников рынка	крупный	средний	мелкий

Как видим, для группировки числа участников рынка характерен тот существенный недостаток, что в ней нет четкой количественной границы между второй и третьей группой («несколько» — «много»). Однако из этой группировки морфологическая теория выводит три элементарных рыночных формы: 1) полиполию (много мелких); 2) олигополию (несколько средних); 3) монополию (один крупный). Кроме того, выделяются так называемые комбинированные, смешанные рыночные формы: «частичная олигополия» (несколько средних и один или много мелких); «частичная монополия» (один крупный и один или много мелких); «асимметричная олигополия» (один крупный и один или несколько средних участников рынка) и т. д.

Создавая свою классификацию рыночных форм, представители морфологической теории пытаются учесть не только число и величину участников рынка одной рыночной партии (например,

Т а б л и ц а 1

Классификация рыночных форм в зависимости от числа и величины участников в рынка

Покупатели	Продавцы		
	много мелких	несколько сред их	один крупный
Много мелких	двусторонняя поли- полия	олигополия	монополия
Несколько средних	олигопсония	двусторонняя оли- гополия	ограниченная моно- полия
Один крупный	монопсония	ограниченная мо- нопсония	двусторонняя мо- нополия

продавцов), но одновременно и ситуацию на противоположной стороне рынка (у покупателей). С учетом положения на противоположных сторонах рынка, морфологическая схема принимает следующий вид (см. табл. 1).

В настоящее время большинство буржуазных экономистов, разрабатывающих теорию рыночных форм, пришло к выводу, что «морфологическая» теория, в основе которой лежит лишь один критерий относительной величины и численности участников рынка, не может служить удовлетворительной основой теории. Особенно резкой критике подверг морфологическую теорию Триффин. Наиболее слабым местом этой теории Триффин считает то, что она не в состоянии найти количественный критерий для четкого разграничения одних рыночных форм от других. Прежде всего это касается численности участников рынка при «полиполии» и «олигополии». «Эта невозможность количественно точно отграничить олигополию от полиполии,— указывает А. Отт,— побудила многих авторов вообще отказаться от морфологической схемы рыночных форм и поставить на ее место классификацию рыночных форм на основе других критериев (например, эластичность субституции у Триффина)»².

Буржуазная теория взаимозависимости между рынками оперирует такими понятиями, как «совершенный» и «несовершенный» рынок, «ограниченная» и «неограниченная» конкуренция. При этом экономисты различных стран в это понятие вкладывают различное содержание.

Что касается западногерманской литературы, то там существует терминологическое единство в отношении понятий совершенного и несовершенного рынка. Рынок характеризуется как совершенный, если имеются следующие условия:

существует вещное единообразие (однородность) товаров;

существует единообразие продавцов и покупателей, не существует особых личных связей между продавцами и между покупателями;

² Ott A. Marktform und Verhaltensweise. Stuttgart, 1959, S. 18.

отсутствует территориальная дифференциация между продавцами и покупателями;

отсутствует временная дифференциация между отдельными продавцами и покупателями в сроках поставок и платежей.

Это единство в употреблении понятий совершенного и несовершенного рынка в западногерманской литературе объясняется тем, что при этом пренебрегают определенными несовершенствами рынка. В англо-американской литературе, особенно в споре между Чемберлином и Дж. Робинсон, эти вопросы являлись как раз важным пунктом. Квинтэссенция спора состояла в различных взглядах на вопрос о том, имеются ли наряду с факторами несовершенства рынка еще какие-либо факторы, воздействующие на ценообразование. В конце концов было установлено, что такие факторы имеются и что ими являются недостаточная мобильность факторов производства, ограничения свободного доступа в отрасль и т. д. Эта проблема обсуждалась в различных статьях Чемберлина, Дж. Робинсон, Калдора, Харрода, Махлупа. В западногерманской литературе конкуренция в условиях, когда существуют барьеры на пути свободного передвижения факторов производства, получила название ограниченной конкуренции.

Как видим, путем введения различий между ограниченной конкуренцией, с одной стороны, и несовершенной — с другой, теория рыночных форм пытается провести границы между двумя видами межотраслевой конкуренции — конкуренцией, основанной на переливе капиталов, и конкуренцией за долю в конечном спросе.

Система различных рынков, связанных между собой сетью конкурентных связей, рассматривается в буржуазной политэкономии как один рынок. Систематизированную теорию рыночных связей, т. е. возможных связей между совершенными (элементарными) рынками, создал Г. Штаккельберг. Последний стоял на той точке зрения, что несовершенный рынок возникает в «результате объединения нескольких совершенных рынков», а особенности ценообразования на несовершенном рынке являются результатом фактически существующих связей между его элементарными рынками³.

Предположим, говорит Штаккельберг, например, что на элементарном рынке *A* предложение монополизировано, а структура спроса является полипсонистической. На элементарном рынке *B* предложение также монополизировано, а структура спроса также является полипсонистической. Если покупатели — полипсонисты на обоих элементарных рынках одни и те же и для покупателей товары, предлагаемые на обоих рынках, являются субститутами, то из соединения обоих монополизированных элементарных рынков возникает несовершенный рынок, но уже с ры-

³ *Stackelberg H. v.* Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre. Bern, 1948, S. 241.

ночной формой не монополии, а дуополии⁴. Таким образом, даже если на отдельных так называемых элементарных рынках выступает только по одному продавцу-монополисту, то при соединении этих рынков в один «несовершенный» рынок монополия как рыночная форма исчезает, остается же только олигополия с соответствующим ей механизмом ценообразования.

С точки зрения А. Отта, ценообразование на каком-то элементарном рынке может происходить по законам монополии, если между данным рынком и другими рынками отсутствуют связи (встречные субститутивные связи спроса и предложения)⁵. Проблема для него заключается в том, каким образом группа продавцов (покупателей) может быть изолирована от других продавцов (покупателей) так, чтобы с их стороны не существовало никакого воздействия на ценообразование внутри группы.

Большинство буржуазных экономистов, занимающихся теорией рыночных форм, все же пришли к выводу, что группа продавцов может быть изолирована, если между ее товарами и всеми остальными товарами существует так называемый субституционный разрыв. Понятие «субституционного разрыва» было сформулировано Дж. Робинсон⁶. Считается, что отграничение «группы» (отрасли) должно происходить в принципе тем же самым образом, что и отграничение монополии, ибо монополия является особым случаем «группы», при котором число фирм, входящих в «группу», равно 1.

Дж. Робинсон следующим образом приходит к понятию «субституционного разрыва»: все товары образуют своеобразную цепь субститутов, однако эта цепь отнюдь не является непрерывной, в ней существуют разрывы. Если товар или товары какого-либо производителя со всех сторон окружены подобными субституционными разрывами, то этот производитель — монополист. Это отграничение монополии Дж. Робинсон впоследствии переносит и на «группу», отрасль, причем с ее точки зрения тем самым достигается совпадение реально существующих отраслей с теоретическим понятием. Дж. Робинсон определяет отрасль как группу фирм, производящих единый товар.

Р. Триффин основным критерием выделения «рыночных форм» делает показатель перекрестной эластичности. Он подвергает резкой критике понятие «группы», морфологическую теорию, а также такой критерий выявления рыночных форм, как прямая эластичность спроса от цены. Этот последний показатель в качестве единственного критерия выделения рыночных форм применялся Дж. Робинсон, Лернером, Каном, Хиксом, Ротшильдом. Основная мысль этих авторов сводится к тому, что если функциональная зависимость сбыта от цены, с которой сталкивается продавец на рынке, показывает бесконечно большую эла-

⁴ *Stackelberg H. v. Marktform und Gleichgewicht*. В., 1934, S. 38.

⁵ *Ott A. Marktform und Verhaltensweise*, S. 31.

⁶ *Robinson J. The Economics of Imperfect Competition*. Л., 1933, p. 5.

стичность, то господствует атомистическая конкуренция; если эластичность меньше бесконечности, то имеет место монополистическая конкуренция. Однако критерий прямой эластичности оказался недостаточным даже для отграничения монополии, в особенности же для отграничения олигополии. Р. Триффин подверг критике показатель прямой эластичности как ошибочный для классификации рыночных форм. Важнейший критерий рыночной формы для него — показатель перекрестной эластичности.

На стороне предложения, в которой выделяются отдельные рыночные формы с помощью перекрестной эластичности спроса, Триффин первоначально различает три категории (при исследовании рыночных форм предложения Триффин предполагает полную атомизацию на стороне спроса):

чистую монополию, при которой перекрестная эластичность спроса равна нулю;

гетерогенную конкуренцию, при которой перекрестная эластичность спроса больше нуля и меньше бесконечности;

гомогенную конкуренцию, при которой перекрестная эластичность спроса равна бесконечности.

Одним из важнейших направлений в современной буржуазной политэкономии является теория экономического поведения. Согласно этой концепции реализация той или иной рыночной формы (а вместе с тем и метода образования цен) зависит от выбора того или иного способа поведения самими участниками рынка. Наиболее видные представители этой теории — Р. Фриш, Э. Шнайдер, К. Штинг — рассматривают поведение субъектов хозяйства в качестве такого фактора, который оказывает очень важное воздействие на всю экономическую жизнь. Если для модели свободной конкуренции такие важнейшие параметры рынка, как цена и объем продаж, рассматривались как данные, не зависящие от воли субъектов рынка, то в моделях монополии, «двусторонней монополии», «олигополии» экономическое поведение фирм рассматривается уже как фактор, которому отводится важнейшая (у Э. Шнайдера — решающая) роль.

Работа Р. Фриша рассматривается в буржуазной политэкономии в качестве важнейшего исследования в области теории экономического поведения.

По мнению Фриша, первый и наиболее простой вид поведения — приспособление по объему — имеет место тогда, когда продавец или покупатель имеет возможность свободно определять объем предложения или спроса, в то время как цена является для него данной и лежит вне сферы его влияния. В качестве примера поведения, связанного с приспособлением по объему, Фриш указывает на «покупателя на свободном рынке, объем торговли на котором очень велик по отношению к объему, который намеревается закупить отдельный индивидум»⁷.

⁷ Frisch R. Monopole — Polypole. La Nation de Force dans l'Economie. Kopenhagen, 1933, S. 245.

Стохастическое приспособление по ценам имеется в ситуации, противоположной той, в которой происходит приспособление по объему. В этом случае объем является данным, в то время как цена может быть установлена по желанию.

Для покупателя цена и объем являются параметрами. Ему остается только решать, принимать предложенную цену и объем или отвергнуть их. Этот вид поведения существует лишь в условиях «двусторонней монополии».

Фриш считает, что в ценообразовании решающую роль играют те оценки, которые имеются у отдельного участника рынка в отношении реакции его конкурентов на изменения в его поведении. Суть проблемы, таким образом, состоит в том, чтобы определить, какие изменения поведения конкурентов ожидает участник рынка при изменении одного из параметров своего поведения. Отношение между предполагаемым изменением чужого параметра (параметров), с одной стороны, и запланированным изменением собственного параметра (параметров) — с другой, представляет собой так называемый коэффициент ожидания.

Автономная стратегия имеется тогда, когда «коэффициент ожидания» равен нулю. В этом случае «полиполист» полагает; что изменение одного из его параметров поведения не приведет к изменению параметров поведения его конкурентов.

Если коэффициент ожидания отличен от нуля, то речь идет о стратегии ожидания. В этом случае «полиполист» полагает, что при изменении его параметра поведения произойдут изменения и в параметрах поведения его конкурента.

И, наконец, последним важным видом поведения, по мнению Фриша, является поведение, при котором стороны ведут переговоры. В этом случае определенное число параметров устанавливается не в одностороннем порядке той или иной рыночной партией, а эти параметры являются результатом торговли, переговоров. Данный вид поведения оказывает, согласно концепции Фриша, глубокое влияние на все функционирование рыночного механизма. Конкретным примером такого рода поведения являются, по его мнению, переговоры между профсоюзами и предпринимателями. Этот вид поведения призван выявить внутри сферы неопределенности, которая свойственна для «двусторонней монополии», такую комбинацию цена — выпуск, которая приемлема для обеих рыночных партий.

Буржуазная сущность и апологетическая нацеленность морфологической теории «рыночных форм» состоит в том, что эта концепция является теоретическим фундаментом для создания теоретического представления о рыночной экономике как об экономике, в которой «монополий» нет и собственно и быть не может. Свое наиболее полное выражение данная реакционная тенденция находит в теории «олигополии», которая создает картину демополизированной экономики применительно к современному уровню концентрации производства и капитала, достигнутому в промышленно развитых капиталистических странах. Эта тео-

рия позволяет квалифицировать как «олигополии» и мощные промышленные концерны, операции которых уже далеко вышли за национальные рамки, и мелкие фирмы, даже небольшие лавчонки, если их положение на рынке можно подвести под ряд определенных формальных условий.

Для того чтобы сконструировать морфологическую теорию, буржуазные экономисты используют целый ряд особых методологических приемов. Именно в методологии этой теории заложена та основа, которая затем и позволяет авторам рассматриваемой концепции после ряда, казалось бы, безупречных формально-логических переходов получить тот «теоретический результат», о котором говорилось выше.

Во-первых, авторы этой теории отрывают категорию монополии от категории концентрации производства. Уже в морфологической теории рыночных форм эта тенденция видна достаточно отчетливо, ибо указанная теория берет в расчет лишь относительную величину участников рынка, полностью игнорируя абсолютные размеры концентрации производства. Однако эволюция буржуазной теории рыночных форм шла в том направлении, что связь даже с этим критерием, который лишь косвенным образом, через учет доли фирмы на отдельном рынке, мог бы отражать воздействие концентрации производства на процесс монополизации, все более и более утрачивалась. В теории Триффина эта связь уже, по существу, не прослеживается. Представители того направления в теории рыночных форм, которое в основу анализа кладет показатель перекрестной эластичности, совершают серьезную ошибку. Пытаясь подвергнуть формализации при помощи этого показателя такой важный вид конкуренции, как конкуренция за долю в конечном спросе, они отрываются от той материальной основы, на которой зиждется существование монополии, — от концентрации производства. Величина фирмы — это важнейший фактор, определяющий характер того или иного рынка. Без анализа изменений внутриотраслевой конкуренции в результате концентрации производства показатель перекрестной эластичности имеет весьма ограниченную ценность.

Во-вторых, морфологическая теория ограничивается связями между продавцами и покупателями в сфере товарного обращения на товарных рынках. Она исключает из своего анализа связи между отдельными хозяйственными единицами капиталистического хозяйства как связи между индивидуальными капиталами. А в этом случае теоретический анализ монополии и различных рыночных форм необходимо было бы дополнить на известной ступени абстракции теоретическим анализом концентрации капитала.

В-третьих, рассмотрение морфологической теории показывает, что она ограничивается анализом лишь сферы внутриотраслевой конкуренции. В реальной действительности этот вид конкуренции отнюдь не является единственным. Теория К. Маркса показала всю важность анализа межотраслевой конкуренции.

Морфологическая теория оказалась не в состоянии органически включить в свой анализ проблему межотраслевой конкуренции как в форме перелива капиталов, так и в особенности в форме конкуренции за долю в конечном спросе, не учитывает она и процессов вертикальной концентрации, ограничиваясь лишь в косвенной форме анализом последствий концентрации горизонтальной. Все это и обусловило кризис морфологической теории рыночных форм.

Как мы уже видели, для морфологической теории роковым оказался вопрос о том, является ли отраслевая монополия монополией де-факто, если в народном хозяйстве действуют силы не только внутриотраслевой, но и межотраслевой конкуренции в форме конкуренции за долю в конечном спросе. В то же время забвение межотраслевой конкуренции в форме перелива капиталов (это в полной мере относится к концепции Э. Чемберлина) ведет к тому, что на одну доску ставятся крупнейшие промышленные гиганты и маленькие магазинчики, и те, и другие квалифицируются как монополии.

Учет межотраслевой конкуренции в форме перелива капиталов в условиях империализма немыслим, однако, без включения в анализ связей между монополистическим промышленным и монополистическим банковским капиталами, т. е. он должен включать в себя и такую важнейшую категорию, как финансовый капитал. Взаимодействие и борьба индивидуальных капиталов одной и той же отрасли и разных отраслей между собой, взаимодействие и борьба различных отраслевых капиталов немыслимы в современных условиях без огромного влияния банковского капитала, эти связи контролируются крупнейшими банковскими монополиями, а все это остается вне рамок сухих абстракций теории рыночных форм.

Четвертой важной методологической посылкой теории рыночных форм является отказ от такой важной экономической категории, как категория отрасли. Отказ от понятия отрасли, ликвидация промежуточной группировки между отдельными фирмами и народным хозяйством в целом, сведение элементарных рынков в единый несовершенный рынок объективно ведет к созданию своего рода теории «демонополизации», ибо в результате такого «сведения» монополии элементарных рынков на едином несовершенном рынке уже перестают быть таковыми.

Возможность отрицания монополии при отказе от понятия отрасли можно видеть из следующей постановки вопроса, весьма характерной для морфологической теории: имеет ли смысл говорить о монополии, если очевидно, что между всеми продуктами существует возможность субституции, если все товары участвуют в конкуренции за потребительский спрос?

На этот вопрос можно ответить положительно, если в анализе сохраняется понятие отрасли. Отказ же от понятия отрасли неизбежно ведет к отрицательному ответу на этот вопрос. Если граница данного рынка (отрасли) не может быть отчетливо прове-

дена под предлогом того, что все товары находятся по отношению друг к другу в «тотальной конкуренции», то введение морфологической классификации в такую систему рынков оказывается бессмысленным. При такой постановке вопроса по сути дела не остается и места для монополий, хозяйство превращается в комплекс различных по величине фирм, конкурирующих между собой.

Ликвидация понятия «отрасль» привела к тому, что современная буржуазная политэкономия не знает термина «межотраслевая конкуренция». Буржуазные экономисты слишком часто сталкиваются с миром конкуренции, чтобы пройти мимо явлений, связанных с межотраслевой конкуренцией. Однако в современной буржуазной экономической литературе отсутствует термин «межотраслевая конкуренция», употребляемый К. Марксом. И дело здесь очевидно не в формальных терминологических различиях, не в том, что один термин заменен другим: например, Триффин говорит о «гомогенной» и «гетерогенной» конкуренции. Дело скорее в том, что критика понятия «отрасль» и связанный с этим отказ многих буржуазных экономистов от использования этого понятия привели и к невозможности применения понятия межотраслевой конкуренции. Анализ межотраслевой конкуренции заменен в современных теориях рыночных форм рассмотрением особых рыночных структур — так называемых совершенных и несовершенных рынков, в рамках которых и происходит установление зависимости между отдельными рынками, анализом ограниченной и неограниченной конкуренции. Вместе с тем необходимо отметить, что теория рыночных форм не смогла полностью отказаться от понятия отрасли, она заменила его понятием «группы». Устранение из анализа понятия «отрасль» позволяет утопить монополию в конкуренции всех против всех. Монополия и как абстрактная экономическая категория, и как реально существующий феномен монополистической стадии капитализма оказывается, как и отрасль, растворенной в океане субститутивных связей.

Хотя Триффин подвергал резкой критике попытку дать определение «отрасли», «группы», однако сам он не смог отказаться от этого понятия. Если исходить из того, что монополия представляет собой отрасль с числом членов равным единице, то ясно, что в системе Триффина содержится понятие отрасли уже в результате того, что он выделяет монополию как особую рыночную форму. Такому обстоятельству можно было бы и не придавать значения, если бы в теории Триффина понятие отрасли вообще больше не имело бы места, т. е. если бы, за исключением монополии, между фирмой и народным хозяйством в целом не существовало бы никакой промежуточной группировки. Система же Триффина включает понятие отрасли не только через понятие монополии, но и через понятие «олигополии», как группировки, конкурентные связи между фирмами которой являются более интенсивными, чем конкурентные связи между «группами» (отраслями).

Ленинскому учению об империализме чуждо представление об экономике современного монополистического капитализма как об абсолютной монополии, как и представление о ней, как об экономике «тотальной» конкуренции. В. И. Ленин показал, что монополия, вырастая из конкуренции, в то же время не в состоянии устранить ее полностью. «Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,— вот существеннейшая особенность империализма вообще»⁸. Горизонтальная концентрация производства и капитала создает базу для ограничения внутриотраслевой конкуренции, для образования монополий. Но создание монополий в отдельных отраслях еще не устраняет межотраслевой конкуренции.

Что касается вопроса о конкуренции за долю в конечном спросе, то неправомерно было бы придерживаться позиции об абсолютной заменимости друг другом потребительных стоимостей, составляющих совокупную товарную массу. Такой абсолютной заменимости не существует, она действует лишь в определенных границах, в рамках групп отраслей или сфер хозяйства. Понятие отрасли живо и имеет полное право на существование; отрасли и сферы хозяйства как раз и указывают на определенные границы этой заменяемости, ставя определенные пределы воздействию на монопольную цену со стороны конкуренции за долю в конечном спросе. Определенные ограничения для этой формы конкуренции возникают и в результате создания концернов с многоотраслевой структурой, хотя номенклатура продукции таких концернов, естественно, не может охватить весь круг расходов потребителя.

Вместе с тем нам представляется, что было бы целесообразно определенным образом дифференцировать то общее понятие монополии, которое используется в настоящее время в нашей литературе. В настоящее время делается различие между такими формами монополии, как картель, синдикат, трест, концерн. Опираясь на марксов анализ случайной монополии, правомерно было бы выделить такие ее формы, которые связаны с ограничением, во-первых, внутриотраслевой, во-вторых, межотраслевой конкуренции и, в-третьих, с монополизацией технического прогресса. К. Маркс прямо указывает на эти различия в экономическом механизме извлечения монопольной прибыли⁹, эти различия имеют существенное значение, в них отражаются различия в степени зрелости, могущества монополий, и нам представляется, что введение такого рода дифференциации форм монополий в нашу литературу было бы полезным. Не вызывает, например, сомнения то, что монополия, основанная лишь на ограничении внутриотраслевой конкуренции, является гораздо менее прочной, чем монополия, связанная одновременно и с ограничениями в переливе капиталов. Этот второй вид монополий является бо-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 145.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 194—195, 218; т. 26, ч. II, с. 137, 290.

лее стабильной и прочной формой, может существовать значительно дольше и т. д. Дифференцированный подход к различным формам монополий, имеющих в своей основе марксистско-ленинскую теорию монополии, позволит углубить наши представления о современном монополистическом капитале.

Говоря о теориях «экономического поведения», необходимо отметить, что это направление в буржуазном учении о рынке возникло отнюдь не на пустом месте, его зарождение и развитие связано с теми значительными изменениями, которые произошли в механизме функционирования капиталистического рынка в условиях государственно-монополистического капитализма. То, что крупная хозяйственная единица капиталистической экономики занимает монопольные позиции, привело к появлению определенной сферы свободы в выборе хозяйственных решений для крупных и крупнейших фирм. Известная часть параметров хозяйственной деятельности, которая в условиях капитализма свободной конкуренции устанавливалась на рынке, за спиной производителей и не зависела от их воли, ныне, в условиях монополистического капитализма, перешла в руки крупнейших фирм, монополий. Эти изменения и явились той почвой, на которой возникли теории «экономического поведения». Поэтому, подвергая критическому анализу теории «экономического поведения», нельзя пройти и мимо того, что они фиксируют некоторые новые черты в характере функционирования современного капиталистического хозяйства, основой которого стала монополия. Теории «экономического поведения» пытаются обобщить практику внутрифирменного планирования, с помощью которого современные монополии стремятся ограничить стихию рынка. Помимо своей воли представители этого направления дают лишнее свидетельство исторической ограниченности рыночных отношений, показывают, что стихийные рыночные отношения отнюдь не являются нормой.

Марксистская теория государственно-монополистического капитализма указывает на важную самостоятельную роль частного монополистического регулирования экономики, направленного на извлечение максимальной прибыли. Частное монополистическое и государственное регулирование служат интересам господствующего класса, смыкаются друг с другом в единый государственно-монополистический механизм. В то же время каждый из этих методов имеет свою специфику, свои границы, определяемые существованием частной капиталистической собственности; между ними существуют и серьезные противоречия.

В условиях монополистического капитализма значительно меняется отношение между крупной хозяйственной единицей, занимающей монопольные позиции, и ценой по сравнению с тем отношением между ценой и хозяйственной единицей (конкурентной фирмой), которое существовало в период свободной конкуренции. В эпоху свободной конкуренции отдельная фирма была слишком мала для того, чтобы варьированием своего объема

производства оказать какое-либо влияние на рынок и изменить существующие на нем цены. Цена не зависела от политики отдельных фирм. Цена была в полной мере внешней по отношению к каждой отдельной фирме. Цена складывалась стихийно на основе взаимодействия общественной потребности в каком-то количестве продукта, выраженной в платежеспособном спросе, и тем количеством продукта, которое производили все предприятия отрасли, не знавшие ни границ рынка, ни возможностей своих конкурентов по его удовлетворению.

В условиях крупномасштабного производства, высокой степени концентрации и монополизации производства внутри отрасли отдельные монополии или их группы имеют возможность устанавливать один из возможных рыночных параметров — либо объем производства, либо рыночную цену товара. Экономические условия в этом случае таковы, что монополии могут установить цену, обеспечивающую монопольную прибыль. Материальной основой такого частномонополистического регулирования, направленного на извлечение максимальной прибыли, является высокая степень концентрации и монополизации производства.

Однако рассматривая частномонополистическое регулирование экономики, необходимо учитывать природу, границы и цели этого регулирования. Реакционно-буржуазная сущность теорий «экономического поведения» состоит как раз в том, что она создает питательную основу, является методологическим фундаментом для теорий, извращающих природу, цели и границы такого регулирования.

Первый важнейший пункт, по которому необходимо вести марксистскую критику теории «экономического поведения», состоит в том, что она извращает природу частномонополистического регулирования экономики, отрывая экономическое поведение хозяйственных субъектов от его материальной основы — от концентрации производства и капитала, от масштабов монополизации производства и рынка. Идеализм в методологии неизбежно приводит эту теорию к экономическому субъективизму, к извращению причинно-следственных связей, существующих в экономическом процессе.

Один из основных вопросов современной теории цен, и в особенности теории рыночных форм, — это вопрос о том, определяет ли рыночная форма вид поведения. Когда-то предполагалась жесткая связь между рыночной формой и видом поведения. До тех пор, пока анализ ограничивался конкуренцией («полиполией»), проблема эта вообще не существовала. Лишь с началом исследования олигополистических рыночных форм и двусторонней монополии эта проблема вышла на первый план.

По мнению Штинга, поведение экономического субъекта, обладающего монополией, отнюдь не является однозначным. Вероятность монополистического поведения продавца, если он обладает монополией предложения, больше $1/2$; однако существует лишь вероятность монополистического поведения, но полной

определенности, что это будет именно так по К. Штингу отнюдь не существует. К. Штинг считает, что определенные виды поведения при определенных рыночных формах вероятны ($w > 1/2$); другие виды поведения при этих рыночных формах отнюдь не невозможны¹⁰. И так как Штинг полагает, что из существования той или иной рыночной формы еще не вытекает тот или иной вид поведения (связь между ними для него не является жесткой), то из этого следует, что наряду с классификацией рыночных форм необходима и классификация видов поведения.

По мнению Р. Фриша, необходимость создания специальной классификации видов поведения возникает тогда, когда наряду с монополией и со свободной конкуренцией (полиполией на совершенном рынке) исследуются и промежуточные рыночные формы (формы олигополии и частичной монополии)¹¹. Так же как и К. Штинг, Р. Фриш выделяет определенные рыночные структуры, при которых определенные виды поведения вероятны (например, приспособление по объему при атомистической конкуренции, стратегия превосходства при частичной монополии и т. д.). При этом Р. Фриш в некоторых случаях допускает жесткую связь между рыночной формой и видом поведения. Таким образом, наличие определенного вида поведения в условиях существования определенной рыночной формы может рассматриваться как неизбежное событие ($w = 1$), Фриш склоняется к установлению жесткой связи между видом поведения и рыночной формой для стратегии превосходства, приспособления по объему и стохастического приспособления по ценам. Промежуточными рыночными формами, при которых жесткой связи с определенным видом поведения не существует, являются по Фришу двусторонняя монополия и олигополия.

Позиция Э. Шнайдера по этому вопросу во многом отличается от точки зрения К. Штинга и Р. Фриша. Согласно его концепции жесткая связь между рыночной формой и видом поведения существует только тогда, когда экономические субъекты стремятся к максимальной прибыли за какой-то промежуток времени (период). «Единственное исключение, — пишет Э. Шнайдер, — составляет рыночная форма атомистической конкуренции на совершенном рынке, где постоянно может проводиться лишь приспособление по объему. Во всех других случаях вид поведения экономического субъекта должен вводиться в анализ как самостоятельный параметр. Для течения процессов ценообразования оно (поведение. — В. К.) представляет собой решающий фактор: с изменением характера вида поведения изменяется и характер ценообразования»¹².

¹⁰ Stig K. Die polypolistische Preisbildung, ein Kapitel der Preistheorie. — Jahrb. Nat. und Statistik, 1931, Bd. 134, S. 113.

¹¹ Frisch R. Monopole — Polypole, S. 244.

¹² Schneider E. Wirklichkeitsnahe Theorie der Absatzpolitik. — Weltwirtschaftl. Arch., 1942 (II), Bd. 56, S. 101.

В учебнике экономической теории Э. Шнайдер приходит к следующему выводу: «Не подлежит никакому сомнению, что для хода экономического процесса во времени важен лишь вид поведения экономических субъектов. Морфологическая структура предложения и спроса в какой-либо экономической сфере не играет никакой роли»¹³. И далее: «Тот факт, что в целом не существует однозначной связи между морфологией спроса и предложения и подлежащим реализации видом поведения, является основанием для того, чтобы рассматривать изучение морфологии предложения в определенной географической области как имеющее восторостепенное значение». Приведа эту цитату, западногерманский экономист Н. Клотен делает вывод: этот результат современной теории рыночных форм, кажется, принят без каких-либо возражений.

Таким образом, по мнению Э. Шнайдера, не существует никакой жесткой связи между рыночной формой и видом поведения. Иначе говоря, монополист, согласно точке зрения Э. Шнайдера, отнюдь не обязательно будет вести себя монополистически и т. д.

А. Отт соглашается с аргументацией Шнайдера в том пункте, что в случае отказа от положения о максимизации прибыли в качестве цели экономического субъекта не существует однозначной корреляции между рыночной формой и видом поведения. «Если же предположить, — продолжает А. Отт, — что принцип максимизации прибыли действует, то никакой речи не может быть о том, что морфологический монополист может вести себя не монополистически, конкурентно». Поведение морфологического монополиста в этом случае однозначно детерминировано: он будет вести себя монополистически, проводить изолированную автономную стратегию.

Шнайдер указывает также на то, что корреляция между рыночной формой и видом поведения не существует и в том случае, если отсутствует полная обзримость рынка. Этот тезис, считает А. Отт, правилен тогда, когда продавец не знает, является ли он монополистом, олигополистом или полиполистом. Монополист, который считает себя дуополистом, будет применять вид поведения, не соответствующий действительной рыночной форме.

Все же многие буржуазные экономисты приходят в конце концов к установлению вполне определенных связей, с одной стороны, между рыночными формами, которые обусловлены числом и величиной участников рынка, и видами экономического поведения — с другой (см. табл. 2).

Что весьма важно и на что мы особо обращаем внимание читателя, такая зависимость, сопряженность между видами экономического поведения и морфологической структурой рынка по-

¹³ Schneider E. Einführung in die Wirtschaftstheorie. Tübingen, 1955, Bd. II, S. 213.

Таблица 2

Зависимость видов поведения от рыночной формы по А. Отт

Рыночная форма	Вид поведения
Полиполия на совершенном рынке	Автономное приспособление (не стратегия) по объему или по цене
Полиполия на несовершенном рынке	Ограниченно автономная стратегия по объему, цене или продукту
Олигополия на совершенном рынке	Стратегия ожидания по объему или цене
Олигополия на несовершенном рынке	Стратегия ожидания или автономная стратегия по объему, цене или продукту
Монополия	Изолированно-автономная стратегия по объему, цене или характеру продукта

лучается только в одном случае, только при одной посылке — при посылке о том, что хозяйственные единицы в качестве цели своего экономического поведения имеют максимальную прибыль. Что означает принятие этой важной теоретической посылки? Принятие ее означает по сути дела не что иное, как введение в абстрактный анализ данной теоретической проблемы отношений собственности! Буржуазные экономисты всеми силами пытаются изгнать анализ отношений собственности из своей экономической теории, всячески принижают его, объявляют бесполезным, умаляют его значимость.

Марксистско-ленинская экономическая теория, напротив, придает огромное значение анализу отношений собственности. Марксизм рассматривает отношения собственности в качестве основной связи в системе экономических отношений. Проблему управления капиталистической фирмой, ее политику, т. е., употребляя терминологию буржуазных экономистов, «экономическое поведение», нельзя анализировать вне отношений собственности. Капитал, частная собственность являются основой капиталистического производства как в условиях свободной конкуренции, так и на монополистической стадии его развития. Рассмотрение политики фирмы («экономического поведения») как абстракции вне связи с отношениями собственности лишает анализ необходимой объективной основы и приводит буржуазную политэкономия к выводам о полном субъективизме в экономических решениях фирм, об indeterminированности экономической политики монополий. Здесь мы еще раз убеждаемся в том, к каким ошибочным теоретическим выводам может вести столь свойственный буржуазной экономической теории методологический подход, заключающийся в отрыве отношений управления от отношений собственности.

2. ТЕОРИЯ ОПТИМУМА В МОДЕЛИ «СОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ»

Современная буржуазная теория «рыночного хозяйства», так же как и теория «центральноуправляемой экономики», имеет в своей основе «системонейтральную» теорию редкости и аллокации ресурсов. Одной из двух возможных экономических систем (наряду с «центральноуправляемой») согласно этой концепции и является система рыночного хозяйства. Ниже мы попытаемся в краткой форме суммировать представления буржуазных авторов о сущности экономического процесса в условиях рыночной системы.

1. В отличие от системы «центральноуправляемого хозяйства», в которой имеется лишь один всеохватывающий «план» и право экономических решений принадлежит только центру, в системе рыночной экономики согласно определению число решающих, «планирующих» единиц больше единицы и в некоторых абстрактных моделях рыночных форм стремится к бесконечности.

2. Экономический процесс в рыночном хозяйстве согласно буржуазным теоретикам также «планируется», но «планируется» он во множестве предприятий и бюджетов (индивидуальных, семейных, общественных и политических). На этом основании этой системе некоторые буржуазные экономисты присвоили название системы «децентрализованного планирования».

3. В бюджетах, которые буржуазная теория ставит на одну доску с предприятиями, принимаются решения о том, какие «цели бытия» должны быть осуществлены, а какие отложены. Здесь сопоставляются цели с доходом (зарплатой, рентой, процентами, прибылью, подарками). Маржиналистское правило гласит, что бюджет находится в равновесии, если предельные полезности дохода по всем статьям его использования выравнены.

4. В предприятиях принимаются решения «о производственных процессах», при этом под «производством» буржуазная теория понимает любой вид деятельности; игорный дом согласно этому определению также является «предприятием». Экономической целью предприятия при частной собственности является получение прибыли. Прибыль и является якобы критерием «рационального» комбинирования «элементов производства» на предприятии. Это отождествление частнохозяйственной прибыли с общественной эффективностью является одним из краеугольных положений буржуазной теории рыночного хозяйства. Маржиналистское правило гласит, что прибыль будет максимальной, если предельные доходности денежного капитала, использованного для приобретения отдельных элементов производства, выравнены.

5. Спрос и предложение, которые исходят от отдельных бюджетов и предприятий, агрегируются по буржуазной теории на рынках в общий спрос и предложение на соответствующее благо. Разница между спросом и предложением указывает в этом слу-

чае на «моментальную», текущую редкость блага. Денежные цены и их движение сигнализируют участникам экономического процесса о редкости и ее изменениях. У миллионов субъектов экономического процесса, принимающих экономические решения, признают буржуазные теоретики, нет никакого иного способа узнать о народнохозяйственной степени редкости помимо сигналов, исходящих от цен. Без функционирования механизма денежного ценообразования система «децентрализованных экономических решений» была бы невозможна.

6. При разработке отдельных частнохозяйственных решений («планов») в бюджетах и предприятиях основу этих «планов» согласно представлениям западных теоретиков составляют каждый раз ожидаемые цены. Когда решения переходят в фазу осуществления, то порождаемые ими спрос и предложение воздействуют на цены. Таким образом, согласно буржуазной концепции рыночной экономики, «планы действуют на цены, а цены действуют на планы». Ожидаемые цены на одно и то же благо у различных хозяйственных субъектов могут быть различны. Механизм взаимного приспособления «цен» и «планов» выглядит у буржуазных экономистов как идущий беспрерывно и бесперебойно процесс, в то время как неизвестность, невозможность точного определения экономических параметров деятельности предприятия даже не в очень отдаленном будущем ставят их на грань банкротства.

Если в одних экономических «планах» хозяйственные субъекты исходят из ожидаемой цены на благо X в 10 долл., в других — в 11 долл., а в третьих — в 9 долл., а фактическая цена оказывается равной 10 долл., то, «считают буржуазные экономисты, все «планы» с ожидаемой ценой в 10 долл. оказываются «правильными», а «планы» с ожидаемой ценой в 9 и 11 долл. — «неверными». В обоих последних случаях возникает необходимость пересмотра «планов», чтобы избежать убытков или реализовать возможные прибыли. Пересмотр «планов» может привести к изменению фактической цены на благо X . В результате этого приспособления «планов» к ценам, а цен к «планам», в действительности, утверждают буржуазные экономисты, происходит приспособление «планов к планам посредством цен», возникает и в условиях рынка «народнохозяйственная система планов».

7. Таким образом, согласно буржуазной теории, цены в системе рыночной экономики выполняют две народнохозяйственные функции: во-первых, они сигнализируют о народнохозяйственной редкости благ и, во-вторых, являются средством координации частнохозяйственных «планов» в одну «общехозяйственную» плановую систему.

8. Двумя другими важнейшими средствами координации частнохозяйственных решений являются договора (юридическая система договоров) и экономические интересы (которые и приводят партнеров к заключению договоров, якобы обоюдно им выгодных).

9. В выполнении частнохозяйственных решений первейшая роль согласно буржуазной теории принадлежит подсистеме стимулов и контроля. И в том, и в другом отношении экономическая система рыночного хозяйства, согласно утверждениям буржуазных теоретиков, якобы не имеет себе равных. При этом вместо абстрактной «рыночной системы» (тип собственности в которой часто бывает теоретически до конца и не определен) здесь уже буржуазные экономисты выступают с проповедью преимуществ самого махрового капитализма. Ибо частная собственность объявляется тем институтом, который наилучшим образом способен обеспечить сочетание собственного интереса (система стимулов) с самоконтролем и контролем посредством интересов (система контроля).

При теоретическом оправдании положения, согласно которому стремление к реализации частного интереса наилучшим образом ведет к достижению народнохозяйственного оптимума, современные буржуазные экономисты до сих пор любят ссылаться на А. Смита, на его теорию «невидимой руки». Как известно, А. Смит в своей теории «невидимой руки» утверждает, что действующий согласно собственным интересам человек непреднамеренно и неосознанно наилучшим образом содействует «всеобщему благу», «интересу общества». В этом случае, пишет А. Смит, «человека ведет невидимая рука, чтобы содействовать цели, достижения которой он никоим образом не желал»¹⁴. При этом современные буржуазные экономисты, ссылаясь также и на А. Смита, утверждают, что отдельное лицо, преследуя собственные интересы, содействует интересам общества лучше, чем если бы оно пыталось это сделать, так сказать, напрямую.

Буржуазной школой предельной полезности и предельной производительности были сформулированы так называемые маржинальные условия экономического оптимума. Эта работа была проделана лозаннской школой буржуазной политэкономии, прежде всего Вальрасом и Парето. Эти условия разработаны на основе исходных методологических посылок австрийской и лозаннской школ: посылке об убывающей предельной полезности; посылке об убывающей предельной производительности факторов. Вот три основных условия оптимума в производстве, как они формулируются буржуазной политэкономией (мы перечисляем здесь лишь маржиналистские условия производственного оптимума):

оптимум в разделении труда достигнут, если соотношение предельных издержек двух любых товаров одинаково у всех, кто производит эти товары;

оптимум в распределении факторов между производственными единицами достигнут, если физический предельный продукт одного производственного фактора в производстве товара во всех производственных единицах одинаков;

¹⁴ *Smith A. Der Wohlstand der Nation. München, 1974, S. 370.*

оптимальная комбинация факторов в производственных единицах достигнута, если соотношение предельных продуктов двух любых факторов в производстве товара во всех производственных единицах одинаково, где этот товар производится;

и, наконец, важное условие (отчасти уже выходящее за рамки производственного оптимума и относящееся больше к условиям экономического оптимума) согласно которому объем производства фирмы устанавливается в точке равенства предельных издержек цене, а в долгосрочном плане в точке равенства средних издержек цене.

Соблюдение этих условий, считают буржуазные теоретики, должно привести к максимально возможному выпуску продукции при данных производственных ресурсах, т. е. обеспечить производственный оптимум. Одновременно достигался бы и оптимум распределения, оптимальная структура национального продукта и т. д.

Сформулировав условия оптимума, буржуазная политэкономия поставила следующий вопрос: какой экономический механизм в состоянии реализовать этот оптимум? Какая рыночная форма представляет собой тот механизм, который в состоянии реализовать этот оптимум?

Теория рыночных форм, которая начала усиленно развиваться в буржуазной политэкономии,— это по сути дела теория различных форм капиталистической конкуренции, различных форм и структур капиталистического хозяйственного механизма. Уже говорилось о том, что долгое время какой-либо теоретической дифференциации между различными формами хозяйственного механизма, между различными формами капиталистической конкуренции и рынка в буржуазной политэкономии не наблюдалось. Классики буржуазной политэкономии А. Смит и Д. Рикардо делали различие только между свободной конкуренцией и монополиями. Вопрос о монополии в их работах практически не рассматривался, упоминание было часто формальным. Их идеалом была свободная конкуренция, она рассматривалась ими как норма. Однако эта конкуренция играла важную роль в работах классиков. «Невидимая рука» в концепции А. Смита, а особенно в концепциях позднейшей вульгарной политэкономии, творила и творит прямо-таки чудеса. Ее основная роль, т. е. роль свободной конкуренции, состояла в том, что она чудесным образом превращала, трансформировала частный интерес, из которого капиталисты исходят в своей деятельности, обращала его на благо всего общества, деятельность ради извлечения прибыли становилась в результате деятельностью, направленной на благо всего общества.

С возникновением и развитием монополистического капитализма буржуазная экономическая теория была вынуждена существенно пересмотреть свои теоретические позиции и включить в сферу своего анализа проблему монополии. Пересмотр теории конкуренции был объявлен в буржуазной экономической теории

«революцией». В отличие от «революции» кейнсианской, связанной с изменениями в макроанализе, это была «революция» в области микроанализа. Произошел существенный пересмотр теории конкуренции. Формула «свободная конкуренция — монополия», на которую опирался анализ классиков, была заменена триадой «совершенная конкуренция — несовершенная конкуренция — монополия». Создание модели совершенной конкуренции и объявление ее оптимальной формой хозяйственного механизма было подготовлено всем ходом предшествующего развития вульгарной буржуазной политической экономии. Рыночная структура совершенной конкуренции была объявлена буржуазными экономистами идеалом, оптимальной формой хозяйственного механизма.

Если «свободная конкуренция» рассматривалась классиками буржуазной политэкономии прежде всего под углом зрения свободы от постороннего, и прежде всего государственного, вмешательства в конкуренцию, то модель совершенной конкуренции имеет не одно, а несколько ограничивающих условий. Вот условия этой модели:

товары и услуги на отдельных рынках должны быть однородны, гомогенны, т. е. отсутствует дифференциация продукта;

предложение и спрос должны иметь атомистическую структуру, т. е. нет концентрации производства, отсутствуют монополии, изменения в объеме выпуска не должны приводить к изменению цен, фирмы посредством манипулирования объемом своего производства не в состоянии воздействовать на цены;

доступ на рынки должен быть открыт;

предполагается полная мобильность факторов, т. е. нет препятствий к переливу капиталов, нет ограничений межотраслевой конкуренции.

Если говорить языком теории рыночных форм, то модель совершенной конкуренции возникает в результате соединения воедино условий полиполии с условиями совершенного рынка.

Именно в этой модели, считают ее сторонники, цены наилучшим образом в состоянии осуществлять свою координирующую функцию, здесь они не фальсифицированы, не искажены монополиями. Цена выступает как независимый, внешний параметр по отношению к предприятию и объему его выпуска. Каждая отдельная конкурентная фирма, стремясь максимизировать свою прибыль и имея перед собой цену в качестве независимой переменной, может это сделать, лишь установив объем своего производства в точке с минимумом издержек — именно в этом случае достигается максимум прибыли в этой модели. Таким образом, вся система автоматически приходит к положению производственного оптимума — максимум выпуска при минимуме издержек.

Как же идет технический прогресс в этой модели? Американский экономист Д. Ж. Холм в своей работе «Экономические системы» следующим образом описывает этот процесс: экономиче-

ское равновесие означает, что они (предприниматели.— В. К.) могут покрывать лишь свои издержки производства, ибо конкуренция уничтожает прибыль, к которой они стремятся. В своем стремлении вновь и вновь иметь эту прибыль предприниматель является движущей силой экономического прогресса.

Таким образом, по сути дела технический прогресс вынесен за скобки этой теории. Он осуществляется посредством введения новой производственной функции, обещающей предпринимателю получение дополнительной прибыли, происходит сдвиг в кривых, модель переходит к условию равновесия на основе новой производственной функции. Здесь же нужно отметить, что нулевая прибыль — это не отсутствие прибыли, ибо в издержки буржуазные экономисты включают процент на применяемый капитал, надбавки за риск, «зарплату» предпринимателя. Нулевая прибыль — это не отсутствие прибыли, а лишь реализация средней прибыли, отсутствие сверхприбылей.

Рассмотрение этой буржуазной модели хозяйственного оптимума позволяет выявить ее серьезные недостатки.

Во-первых, модель построена на принципах микроанализа, которые перенесены на макроуровень механически.

Во-вторых, модель — нереалистична. Условия модели на практике не соблюдаются и не могут быть соблюдены, ибо в условиях капиталистической действительности достигнут значительный уровень концентрации и монополизации и этот процесс непрерывно развивается.

В-третьих, модель носит статический характер. Технический прогресс, динамика внутри модели полностью отсутствуют.

В-четвертых, сами буржуазные экономисты все больше приходят к убеждению, что реализация статического оптимума в аллокации ресурсов мало что может дать. Соблюдены или не соблюдены маргинальные условия — это вопрос второстепенный, считают некоторые из них, гораздо важнее, как идет технический прогресс, ибо его удельный вес значительно существеннее.

Все большая часть буржуазных экономистов в современных условиях признает, что модель совершенной конкуренции как механизм реализации экономического оптимума не только неосуществима, нереалистична, утопична, но и что выставление этой модели в качестве экономического идеала было теоретической ошибкой, поскольку ее реализация не только неосуществима, но и нежелательна. Все это наносит серьезный удар не только по моделям рыночного хозяйства, в которых существование частной собственности, капитализма объявлялось единственной возможной предпосылкой реализации экономического оптимума, но демонстрирует несостоятельность и многих моделей так называемого рыночного социализма, делает их беспредметными.

3. КОНЦЕПЦИЯ ОПТИМУМА В УСЛОВИЯХ ОЛИГОПОЛИИ

Убеждаясь в невозможности вести апологию капитализма как экономической системы на базе модели совершенной конкуренции и связанного с ней статического оптимума, буржуазная политэкономия переходит к новым формам апологетики, учитывающим динамические аспекты развития. В настоящее время буржуазная экономическая теория взяла на себя задачу сконструировать и теоретически обосновать экономический механизм реализации динамических функций, и прежде всего технического прогресса. Эти модели механизма технического прогресса являются изощренным идеологическим оружием буржуазного класса, используемым для оправдания самого существования капиталистического строя, для наиболее изощренной апологетики капиталистической системы. Основная их суть состоит в том, чтобы показать, что развитие технического прогресса возможно лишь на базе капиталистического строя, на базе капиталистической собственности. Изжившей себя капиталистической системе хозяйства буржуазные апологеты с помощью этих теорий стараются придать новый блеск, пытаются обосновать тезис, что только капиталистические рыночные отношения создают такой экономический механизм, который адекватен потребностям развития технического прогресса. Эти теории служат не просто апологетике капитализма, а, что весьма важно, капитализма в его монополистической форме. Ибо, утверждают буржуазные теоретики, оптимальная реализация динамических функций достигается в рыночной форме олигополии.

Одним из первых, кто в буржуазной политэкономии увидел слабости модели совершенной конкуренции именно в силу того, что она не учитывает технического прогресса и статична, был австрийский буржуазный экономист Йозеф Алоиз Шумпетер. Он подверг критике модель совершенной конкуренции именно в связи с тем, что она не учитывает технического прогресса, которому он придавал решающее значение, но вел эту критику опять-таки с позиций буржуазных, с позиций апологии монополий. Шумпетерианская традиция в буржуазной политэкономии очень сильна, сейчас к нему обращаются снова и снова. Противник социализма, он признавал его неизбежность, высоко ценил Маркса, критиковал Кейнса.

И. А. Шумпетер особенно подчеркивал значение «конкуренции новых товаров, новой техники, новых источников снабжения, нового типа организации (например, крупномасштабных единиц.— В. К.), той конкуренции, которая через решающие преимущества в издержках или качестве бьет по существующим фирмам, не только по их прибыли и объему производства, но затрагивает основы их существования, их жизненные центры»¹⁵.

¹⁵ *Schumpeter J. A Capitalism, Socialism and Democracy*. N. Y., 1950, p. 130.

Согласно Шумпетеру эта конкуренция гораздо важнее, чем обычная конкуренция, описываемая в учебниках.

И. Шумпетер создал теорию отдельных фаз развития, стадий технического прогресса:

научное открытие или изобретение — «инвенция»;
первичное внедрение научного открытия в производство — «инновация»; это делают фирмы — пионеры, новаторы;
стадия повторения технического новшества — «имитация»;
распространение технического новшества по отрасли — «диффузия».

Введение новой производственной функции по Шумпетеру осуществляется новатором, стремящимся получить большую прибыль, чем могут дать обычные методы производства. Он якобы обладает замечательной, возможной только в капиталистических условиях способностью видеть новые возможности и извлекать из них выгоду. Нововведение, «инновация», по мнению И. Шумпетера, не тождественно изобретению. Последнее — технический фактор, нововведение — экономическое и социальное явление. Нововведение, согласно Шумпетеру, категория предпринимательской деятельности.

Не конкуренция мелких предприятий, а крупные капиталистические фирмы, монополии являются мотором технического прогресса, говорил Шумпетер. Он утверждал, что монополистическая практика может рассматриваться как необходимая защита против неопределенности, против риска, страхование против которых невозможно. По мнению Шумпетера, монополистические ограничения необходимы в процессе долгосрочного экономического роста. Шумпетер любил повторять: чтобы ехать быстрее, машина должна быть снабжена тормозами.

При этом Шумпетер и его последователи прямо связывают реализацию технического прогресса крупными фирмами с существованием у них монопольных позиций; если монополии на технический прогресс нет, то фирма-пионер в результате диффузии технического прогресса, имитации его другими фирмами отрасли быстро теряет ту сверхприбыль, которую она извлекает из внедрения новшества, т. е. теряет основной стимул к техническому прогрессу. Поэтому определенное ограничение конкуренции — в виде барьеров для доступа в отрасль, препятствий для основания новых предприятий — Шумпетер и его сторонники — апологеты крупных монополий отнюдь не считают вредными, а наоборот, рассматривают как желательные. То, что при этом происходят самые серьезные отклонения от модели совершенной конкуренции, представители этого направления считали делом второстепенным, ибо, с их точки зрения, отклонения от статического оптимума в аллокации ресурсов не оказывают в конечном итоге серьезного влияния на эффективность, эти отклонения компенсируются более крупным выигрышем от технического прогресса.

Следует отметить, что проведенные некоторыми буржуазными экономистами эконометрические исследования подтверждают

малую роль отклонения в аллокации факторов от статического их оптимума. Что касается теоретических споров между буржуазными экономистами и марксистами по вопросу о сравнительной эффективности социализма и капитализма, то такого рода подсчеты подкрепляют как раз теоретические позиции сторонников социалистической системы хозяйства, как наиболее динамичной и быстро развивающейся экономической системы. Буржуазные же экономисты используют такого рода подсчеты для апологетики монополий, для борьбы против антимонополистических мероприятий.

Единственную, но серьезную опасность для технического прогресса в крупных фирмах—монополиях Й. Шумпетер видел в том, что исчезает предприниматель-собственник, предприниматель-новатор, его заменяют менеджеры крупных акционерных обществ. Пламя новаторства угасает, тем самым капитализм изживает себя, отсюда возможность для наступления социализма — такова логика рассуждений Й. Шумпетера.

Теория Й. Шумпетера отнюдь не была теорией стройной, законченной. В период ее создания она не получила признания в буржуазной политэкономии, не поколебала она существенно и позиции сторонников модели «совершенной конкуренции». Идеи Шумпетера многими буржуазными экономистами рассматривались как интересные, несколько парадоксальные, но в буржуазную теорию они органически включены не были. По сути дела, как это сейчас признают сами буржуазные экономисты, технический прогресс не был включен в буржуазные теоретические модели. Механизм технического прогресса существовал сам по себе — буржуазные теории и модели сами по себе.

Однако в 50—60-е годы, прежде всего в США, а затем и в других капиталистических странах, начала развиваться, а в настоящее время получила широкое распространение теория так называемой эффективной конкуренции. Наиболее видными представителями этой теории являются Дж. М. Кларк, Э. Мейзон, Д. Стиглер, К. Эдвардс, Фергюссон, Филиппс, Мэркхем, Э. Катценбах, Дж. Бэйн. В определенной мере в этой теории видно влияние некоторых апологетических идей Й. Шумпетера. Значителем теории считается Дж. Кларк, сын Дж. Б. Кларка — автора работы «Распределение богатства», переведенной на русский язык в 30-е годы, известного своей теорией «вменения».

Теория «эффективной конкуренции» претендует на создание такого экономического механизма, который оптимален с точки зрения реализации динамических экономических функций, и прежде всего технического прогресса. В то же время эта теория, ведя поиск оптимального хозяйственного механизма, находит его не в условиях совершенной конкуренции, а в условиях господства монополий. И следует сказать, что теория «эффективной конкуренции» является в настоящее время наиболее разработанной буржуазной теорией, проводящей апологетику капиталистической системы рыночного хозяйства в его реально существующей

сегодня монополистической форме. Практические выводы и рекомендации этой теории непосредственно затрагивают важные проблемы идеологической борьбы между системами, интересы рабочего класса капиталистических стран.

В чем состоят основные положения данной теории в связи с интересующим нас вопросом?

Буржуазные теоретики исходят из нескольких главных функций, которые должен выполнять экономический механизм. На деле же при этом исходят из функций капиталистической конкуренции. Число этих функций у разных авторов различно, зависит от степени агрегации. Однако среди наиболее важных функций выделяются, как правило, пять функций:

- аллокация ресурсов, т. е. обеспечение максимума производства при данном объеме ресурсов и неизменной технике;
- регулирование структуры предложения;
- распределение дохода;
- приспособление производственных мощностей к изменению экзогенных факторов;
- регулирование технического прогресса.

Первые три функции объявляются статическими, две последних — динамическими. Динамическим функциям в противоположность adeptам совершенной конкуренции представители этого направления придают решающее значение. И прежде всего это касается технического прогресса. Представители теории «эффективной конкуренции», как и до них представители теории всеобщего равновесия с их статическим оптимумом, ищут такую форму экономического механизма, которая была бы в состоянии реализовать оптимум, состоящий в наибольшей одновременной реализации всех функций. Однако поскольку количественное взвешивание отдельных функций невозможно, то упор делается прежде всего на реализацию динамических функций.

Теоретики этого направления анализируют все возможные рыночные структуры, разработанные теорией рыночных форм, с точки зрения реализации этих функций, но прежде всего технического прогресса. Это новый подход, так как раньше такой просмотр отдельных рыночных форм совершался лишь под углом статического оптимума.

Теоретики «эффективной конкуренции» отвергают обе крайние формы: чистую монополию и совершенную конкуренцию. Последняя, считают они, не только невозможна, но и нежелательна, ибо она менее эффективна с точки зрения динамического оптимума.

Оптимальной рыночной структурой они объявляют рыночную форму так называемой олигополии. В ней, по их мнению, динамические функции реализуются наилучшим образом.

В рыночной форме олигополии они выделяют и всячески рекламируют ряд важных с их точки зрения преимуществ. Во-первых, они говорят о преимуществах массового производства. Для экономической политики капиталистических стран отпадает в

этом случае необходимость бороться (или делать вид) против концентрации производства, против его монополизации. Во-вторых, крупные предприятия могут финансировать научно-исследовательские разработки. В-третьих, конкуренция между монополиями позволяет внедрять технический прогресс. И, наконец, в-четвертых, они прямо заявляют, что мелкие фирмы консервативны, маломощны, результатом их экономической борьбы является лишь подобие конкуренции — «конкуренция ночных клоаков».

Создание теории «эффективной конкуренции» привело к серьезной переоценке ценностей во всей буржуазной политэкономии. Старым идеалам «свободной конкуренции» и «совершенной конкуренции», просуществовавшим долгие десятилетия, нанесен удар. Все это вызвало острую полемику в лагере буржуазных экономистов. Особое недовольство выражают неолибералы, экономический идеал которых в результате возникновения новой теории пострадал особенно сильно. Неолибералы выступают с резкой критикой новой теории. Они считают, что эта теория направлена на удушение конкуренции, открывает путь социализму.

Однако неолиберальная критика теории «эффективной конкуренции» непоследовательна: ведь неолиберализм выступает за капитализм, очищенный от монополий, за свободную конкуренцию. А этот идеал по сути развязывает руки монополиям, ничем не ограничивает их.

Однако самый важный «вклад» этой концепции состоит в том, что экономическая система рыночного хозяйства в качестве оптимального механизма имеет теперь не недостижимый идеал совершенной конкуренции, а вполне реальную, существующую ныне в условиях капитализма рыночную форму олигополии. И эта рыночная форма, в которой господствуют монополисты, финансовые магнаты, получает теперь оправдание по высшим теоретическим соображениям народнохозяйственного оптимума, всеобщего благосостояния. Монополии отныне перестают быть злом, монополии становятся благом, так же как и основанная на их господстве экономическая система. В этом состоит прежде всего основной идеологический смысл этой теории.

Все это заставляет нас обратиться к подробному критическому анализу рыночной формы олигополии. Ибо, во-первых, экономическая система рыночного хозяйства противопоставляется теперь социализму, отождествляемому с «центральноуправляемым хозяйством», именно в этой форме. Во-вторых, теория рыночного социализма, которая оказывается не в состоянии опираться на модель совершенной конкуренции, неизбежно переходит к аргументации в пользу рынка на базе олигополистической структуры. И, в-третьих, наша критика концепции смешанной экономики главное внимание уделяет разбору буржуазных рецептов государственного вмешательства в экономику. Фундамент же теории смешанной экономики, как впрочем современных мо-

делей «демократического социализма» и «рыночного социализма», которым является теория олигополии, незаслуженно остается вне поля зрения критического анализа с позиций марксистской политической экономики.

Действительно, для современного капиталистического хозяйства наиболее типичной является такая отраслевая структура, при которой подавляющая часть производства отрасли сосредоточена в руках 5—10 крупнейших монополий. Однако, как мы уже говорили, буржуазные экономисты рассматривают такую структуру не в качестве монополистической, а как олигополистическую. Из этого они пытаются сделать целый ряд важных теоретических выводов. Это касается, во-первых, характера конкуренции на таком рынке, когда в буржуазных концепциях монополия перестает здесь быть монополией; во-вторых, механизма ценообразования, качества олигополистической системы цен как координирующего механизма; в-третьих, уровня прибыли в этих условиях.

Представители вульгарной буржуазной политэкономии утверждают, что факт существования нескольких фирм в отрасли означает отсутствие монопольной цены и монопольных прибылей, что и цены, и прибыли в таких условиях находятся и образуются под мощным воздействием сил конкуренции. Эта вульгарная идея стала ходовой в массовой информации, предназначенной для широкого потребителя.

Теория рыночных форм, например, пришла к выводу, что интенсивность конкуренции снижается с ростом числа продавцов, что конкуренция тем сильнее, чем меньше число участников рынка, т. е. что в условиях олигополии конкуренция не слабее, а сильнее, чем в условиях совершенной конкуренции.

Олигополист может поставить цель вытеснить с рынка всех остальных участников, а в условиях полиполии такая цель бессмысленна. Ф. Махлуп считает, что полиполисты между собой скорее являются «коллегами», а не «соперниками», олигополисты же — скорее «соперниками», а не «коллегами». Полиполисту будто бы нет никакого смысла добиваться вытеснения своего конкурента с рынка. Если число участников рынка составляет n , то доля рынка, приходящаяся на каждого из них при введении условия симметричности, равна $1/n$. Если один из продавцов уходит с рынка, то его доля на рынке равномерно распределяется между остальными $(n-1)$ продавцами. Увеличение сбыта для каждого из оставшихся на рынке составит

$$1/n/(n-1) = 1/(n^2 - n).$$

Дробь $1/(n^2 - n)$ быстро становится весьма незначительной величиной при росте n . Так, если число продавцов сократится с 20 до 19, то каждый из оставшихся увеличит свой сбыт лишь на $1/380$ часть от общего сбыта.

Вместе с тем буржуазные теории рыночных форм вынуждены признать, что чем интенсивнее конкуренция, тем сильнее

тенденции к образованию коалиций, коллективных монополий посредством заключения всевозможного рода монополистических соглашений. Буржуазные экономисты вынуждены признать, что олигополия представляет собой весьма нестабильную рыночную форму, ибо весьма велика вероятность ее превращения (легальным или нелегальным образом) в коллективную монополию (наиболее же стабильной рыночной формой морфологическая теория объявляет полиполию).

Разработка проблемы ценообразования в условиях олигополистической формы рынка, т. е. в условиях ситуации, когда число продавцов больше единицы, но все же не столь велико, чтобы воздействие каждого из них на рыночную цену было ничтожно малым, ведется уже давно. Однако в ответе на вопрос об уровне цены и прибыли в условиях олигополии среди буржуазных авторов наблюдается серьезный разнобой.

«Прежде всего два феномена не получили до сих пор удовлетворительного, всеми признанного решения в теории цен: олигополия и неопределенность»¹⁶, — такого мнения придерживается западногерманский экономист В. Крелле.

Одним из первых проблему олигополистического ценообразования поставил французский математик и философ А. Курно в работе «Математические принципы теории богатства». Курно рассматривал эту проблему на простейшем случае олигополии — на примере дуополии, т. е. анализировал механизм ценообразования при наличии всего двух продавцов. Курно пришел к выводу, что цена в условиях этой формы рынка является величиной определенной и она будет расположена между монопольной ценой и ценой в условиях свободной конкуренции.

Решение Курно было подвергнуто критике Бертраном. Позднее еще более подробно это было сделано Эджвортом. Оба отклонили решение Курно и утверждали, что между двумя монополистами, которые выступают на одном и том же рынке, вообще невозможно равновесие. По их мнению, решение проблемы недостаточно определено. Продавцы по очереди вытесняют друг друга с рынка путем повышения и снижения цены, которая достигает астрономической величины, когда один из монополистов покидает рынок, а другой остается единственным хозяином положения, и снижается до крайне низкого уровня, когда вчерашний побежденный наносит ответный удар.

Кроме Курно, Бертрана, Эджворта, изучением проблемы образования цены в условиях олигополии занимались А. Боули, Э. Чемберлин, Л. Аморозо, Г. Штакельберг и др. Решения к которым пришли авторы, анализировавшие эту проблему, никак не назовешь однозначными. Пестрота в ответах при анализе этой проблемы поистине поразительна: утверждалось, что конкуренция в условиях олигополии приводит к монопольной цене,

¹⁶ Krelle W. Unsicherheit und Risiko in der Preisbildung. — In: Preistheorie. Köln, 1965, S. 390.

к цене в условиях совершенной конкуренции, к определенной промежуточной цене, к цене промежуточного типа, не поддающейся определению, к непрерывно колеблющейся цене, и, наконец, утверждалось, что задача вообще не имеет решения.

Почему, применяя безупречный с точки зрения математической формально-логический аппарат, разные теоретики дают столь различные ответы на вопрос об уровне цен и прибыли в условиях олигополии? Почему спектр ответов на этот вопрос столь широк?

Нам представляется, что множественность ответов, получаемых при математическом анализе проблемы ценообразования в условиях олигополии, объясняется отнюдь не недостатками формально-логического аппарата, а тем, что в основу анализа в отдельных случаях закладываются разные виды экономического поведения субъектов рынка в условиях олигополии, различный характер реакции на те или иные шаги конкурентов.

Курно, например, полагал, что каждый из продавцов следит за своим конкурентом и вырабатывает свой план производства и сбыта, отличающийся от плана другого продавца. В результате, считал Курно, достигается состояние равновесия. Бертран полагал, что при дуополии каждый стремится вытеснить другого, практикуя понижение цены вплоть до момента, когда она устанавливается на уровне, равном наименьшим издержкам производства. Боули полагал, что каждый из двух продавцов игнорирует реакцию другого или по меньшей мере стремится поставить его в зависимое положение. Поэтому каждый продавец устанавливает объем сбыта лишь исходя из существующего на рынке спроса и своих собственных издержек. В итоге на рынке образуется излишек предложения, цена падает, и каждый из продавцов несет убытки до тех пор, пока в результате заключения соглашения или же в результате устранения с рынка одного из продавцов не установится монополия.

Штаккельберг придерживался той точки зрения, что предсказать заранее поведение дуополистов с полной определенностью нельзя. Он наметил несколько вариантов экономического поведения в условиях дуополии.

Первый вариант состоит в том, что каждый из продавцов будет придерживаться поведения сателлита. Это означает, что каждый из дуополистов оценит позицию своего конкурента как устойчивую и будет стремиться лишь к тому, чтобы приспособиться к ней (дуополия Курно). В этом случае стабильное равновесие может быть достигнуто в результате обоюдного приспособления после нескольких первых шагов. Каждый из двух продавцов, учитывая шаги другого, устанавливает свой объем сбыта на таком уровне, чтобы общая величина предложения давала возможность продажи по цене, обеспечивающей каждому дуополисту достаточную прибыль. Цена и прибыль устанавливаются в этом случае на уровне, промежуточном между монопольным и конкурентным, причем он поддается определению.

Второй вариант, рассматриваемый Штаккельбергом, заключается в том, что каждый из дуополистов попытается стать лидером, отказываясь учитывать позиции другого продавца и стремясь подчинить его себе (дуополия Боули). В этом случае каждый из двух продавцов будет увеличивать свой сбыт, не учитывая предложение другого. В результате на рынке возникнет излишек предложения и оба продавца понесут убытки. Конечной целью каждого из дуополистов является вытеснение конкурента с рынка и установление своей собственной монополии. Однако такая монополия может оказаться лишь временной, поскольку вытесненный с рынка продавец на каком-то этапе может вновь активизироваться под прикрытием высокой монопольной цены, установленной его конкурентом. Олигополистический рынок при этом виде поведения характеризуется крайней неустойчивостью. Эджворт называл эту ситуацию гипотезой «колеблющейся цены»¹⁷.

На «олигополистическом рынке» может существовать и такая ситуация, когда один из двух продавцов стремится занять позицию лидера, а другой — позицию сателлита. Эту форму Штаккельберг определял как «асимметричную дуополию». В этом варианте также возможно установление равновесия, поскольку позиция сателлита не так уж плоха и обеспечивает ему получение прибыли.

Описав эти варианты, Штаккельберг поставил вопрос о том, какой же из них имеет наибольшую вероятность быть реализованным в реальной экономической действительности. Штаккельберг пришел к выводу, что наиболее часто встречается случай, когда каждый дуополист будет стремиться занять позицию лидера, отводя своему противнику роль сателлита. Тем самым, по его мнению, наиболее вероятным случаем в капиталистической экономике будет дуополия Боули со всеми вытекающими отсюда последствиями, связанными с резким нарушением равновесия.

По мнению Штинга, гиперполитическое поведение возможно лишь для одного продавца, в ином случае возникает «хаос беспорядочных неожиданностей». Этот вывод совпадает с выводами из теории Штаккельберга: если оба продавца независимо друг от друга выбрасывают на «олигополистический рынок» свои товары, то в результате возникает «олигополюсная ситуация», которую Штаккельберг характеризовал как «борьбу за власть с убытками и, безусловно, без равновесия». Только в том случае, если один дуополист проводит независимую политику сбыта, а другой приспосабливается к нему, т. е. только тогда, когда поведение одного из дуополистов является «гиперполитическим», только в этом случае возможно, по Штаккельбергу, равновесие, хотя и неустойчивое.

¹⁷ Жамс Ж. История экономической мысли XX в. М., 1959, с. 148—149.

Таким образом, факт появления у монополий известной сферы свободы в выборе хозяйственных решений трактуется буржуазными экономистами по-разному, приводит их к прямо противоположным конечным выводам относительно возможностей достижения цены равновесия в условиях экономики крупных единиц. Одна группа экономистов, среди которых необходимо выделить Г. Штаккельберга и А. Боули, крайне пессимистично оценивает возможность установления равновесия в условиях олигополистической формы рынка. Отсутствие стабильности, состояние хаоса — таков итог теоретического анализа, проделанного Г. Штаккельбергом, на основе которого он приходит к крайне реакционным политическим рекомендациям.

Для взглядов экономистов другой группы в известной мере характерна позиция Э. Чемберлина. В своем анализе он также исходил из различных видов экономического поведения олигополистов. Чемберлин рассматривает следующие виды поведения олигополистов: а) каждый продавец исходит из предположения, что объем предложения соперника является величиной постоянной, т. е. взаимная зависимость игнорируется; б) каждый продавец исходит из предположения, что цена соперника есть величина постоянная, т. е. в этом случае взаимная зависимость, существующая между олигополистами, опять-таки игнорируется; в) взаимная зависимость учитывается олигополистами (случай учета зависимости по объему и случай учета зависимости по цене). В результате Чемберлин приходит к следующим выводам.

Если продавцы учитывают свое суммарное влияние на цену, то цена будет монопольной. Наличие такого фактора, как самостоятельность отдельных производителей (или продавцов), недостаточно для того, чтобы эта цена была ниже монопольной (т. е. реализующей максимум массы прибыли).

Если каждый продавец исходит из предположения, что поставки его конкурента останутся неизменными, то в меру нарастания численности продавцов цена равновесия становится все ниже и ниже монопольной цены, доходя до чисто конкурентного уровня только тогда, когда число продавцов становится бесконечным.

Если каждый продавец исходит из предположения, что цена его конкурента остается неизменной, и если конкурентное перебивание цен продолжается до тех пор, пока любое дальнейшее изменение цены становится невыгодным для всех, то цена равновесия равняется при наличии двух продавцов (и, разумеется, при любом числе больше двух) чисто конкурентной цене.

Если продавцы не принимают в расчет ни своего прямого, ни косвенного влияния на цену, то при любом числе продавцов это приводит к чисто конкурентной цене¹⁸.

¹⁸ Чемберлин Э. Х. Теория монополистической конкуренции. М., 1959, с. 100—101.

Нам представляется особенно важным первый из перечисленных выше выводов Чемберлина, который указывает на то, что если продавцы учитывают свое суммарное влияние на цену, то цена и в условиях олигополии будет находиться на таком уровне, на котором ее установила бы одна единственная монополия. Практика установления монопольных цен, когда в отрасли действуют несколько крупных фирм, в действительности показывает, что там большое внимание уделяется точному учету возможностей данного рынка в целом (функции спроса) и производственных мощностей конкурентов (т. е. всей отрасли).

Это приводит к тому, что цена в условиях олигополии имеет тенденцию тяготеть к такому уровню, на котором она находилась бы при одной монополии. Само собой разумеется, что установление цены (и объема производства) на таком уровне, который приносил бы максимальную прибыль (при данном уровне общественной потребности и при данных издержках), наиболее быстрым и эффективным образом, проводится в жизнь тогда, когда в отрасли действует одна монополия, полностью осуществляющая контроль над производством и рынком данного товара. В этом случае монополия после нескольких проб и изменений в уровне цены и в объеме выпуска установит эти важнейшие экономические параметры таким образом, при котором масса реализуемой ею прибыли была бы максимальной. Однако и в условиях олигополии, как это было сказано выше, цены будут находиться на том же уровне при соответствующей стратегии в ценообразовании крупных фирм.

Случай существования единственной монополии в производстве товара не типичен для современного монополистического капитализма. Наиболее распространенным, типичным для нынешнего этапа в развитии монополистического капитализма является положение, при котором производство и сбыт в отрасли контролируются не одной, а несколькими монополистическими фирмами. Как действуют эти фирмы в данном случае, каков механизм установления монопольной цены, обеспечивающей получение максимальной прибыли, в случае господства не одной, а нескольких фирм? Существование в отрасли небольшого числа крупных капиталистических компаний приводит к возникновению такой ситуации, когда максимальная прибыль может быть реализована. Эта возможность порождает у крупных фирм объективную тенденцию к проведению единой политики в области цен. Монополии тяготеют к установлению такого объема производства, при котором можно реализовать максимальную массу прибыли.

Сосредоточение производства отрасли в руках 5—10 монополий типично для современного монополистического капитализма. При таком положении отдельная отраслевая фирма-монополист осуществляет прямой контроль не менее чем над 10—20% производства отрасли. И дело здесь не столько в том, что при таком незначительном числе крупных производителей сущест-

венно облегчается достижение договоренности о проведении единой политики цен. Гораздо важнее то, что, располагая минимум 10—20% производства отрасли, каждая фирма-монополия в состоянии оказывать воздействие на цены, чего лишены отдельные фирмы в условиях свободной конкуренции. У фирм-монополий появляется в руках важнейший рычаг — возможность воздействовать на цену путем манипуляций с объемом производства. Ибо этот объем, находящийся в руках отдельной монополии, настолько значителен, что его изменения приводят к отклонениям цен от стоимости (и цен производства). Монополии фиксируют, сохраняют неизменным это отклонение, ибо оно дает им гораздо более высокую массу прибыли.

Вот свидетельство по этому поводу американского буржуазного экономиста Самуэльсона: «Если несколько крупных фирм сталкиваются с одной и той же проблемой, они, как показывает практика, могут, даже не встречаясь, не перезваниваясь, не перемигиваясь и не переписываясь, молчаливо выработать такую линию поведения, которая исключает острую конкуренцию в области цен. Продавцы могут назначить примерно одинаковые цены, причем может и не существовать лидера в области цен...»¹⁹. Дж. Гэлбрейт также указывает на методы, применяемые монополиями для установления единого уровня цен и исключения ценовой конкуренции: «Так, три главные фирмы в автомобильной промышленности в результате длительного и пристального изучения поведения друг друга... способны установить цены, которые отражают общие интересы. Они в состоянии делать это с достаточной точностью. Для этого не требуется никаких консультаций. Такая процедура не противоречит закону. Фактически немного изменилось бы, если бы компаниям разрешили консультироваться и согласовывать цены»²⁰. Развивая свои взгляды, он пишет: «Возможен, хотя и редко, тайный сговор с целью установления цены, наиболее подходящей для всех фирм отрасли. Или же одна фирма выступает в качестве лидера в ценах. Она калькулирует цену, которая лучше всего отвечает интересам всех фирм отрасли, и, вероятно, уделяет особое внимание своим собственным нуждам. Другие неизменно следуют за ней. Или же, когда все фирмы располагают сведениями об издержках и спросе, каждая из них калькулирует и объявляет цену, которая отвечает интересам отрасли. Затем устраняются незначительные различия в публикуемых прейскурантах. Неопределенность, присущая всей процедуре, приводит к тому, что олигопольная цена не столь благоприятна для фирм отрасли, как монопольная цена. Существует также тенденция оставлять цену без изменений в течение длительного периода, поскольку любое существенное изменение цены сопряжено с риском, на который фирмы не пойдут»²¹.

¹⁹ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964, с. 531, 532.

²⁰ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 232.

²¹ Там же, с. 225.

Другим примером может служить практика американского судостроения. Компания «Ингаллс шипбилдинг», например, использует ЭВМ для анализа получаемых ею, а также ее конкурентами заказов на строительство судов с учетом производственных мощностей судоверфей. Это позволяет предсказывать наиболее вероятные цены на новые суда конкурентов, а следовательно, и определять заранее, какие цены должна предложить она сама ²².

Хозяйственная практика современного монополистического капитала еще раз подтверждает справедливость высказывания В. И. Ленина о том, что «магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе» ²³.

Противоречие типичной для современности формы господства монополистического капитала, когда в отрасли действует не одна, а несколько крупных хозяйственных единиц — монополий, заключается в том, что, с одной стороны, их объединяет общий интерес по максимизации отраслевой массы прибыли, а с другой — они ведут жестокую борьбу по дележу этой прибыли. Монополия не может устранить и не устраняет ни межотраслевой, ни внутриотраслевой конкуренции. Острейшими формами внутриотраслевой конкуренции в условиях господства монополий стали конкуренция рекламы и конкуренция качества.

Некоторые буржуазные экономисты, отталкиваясь как от исходной посылки от факта расширения сферы свободы для крупных хозяйственных единиц, приходят к построению теории «планового», «регулируемого» капитализма. Мы имеем здесь в виду не теории макрорегулирования, связанные с применением различных инструментов государственного вмешательства, а теории «планового» развития, которые опираются в своей аргументации на те изменения, которые произошли на «микроуровне» и выразились в модификации отношений между отдельной фирмой-монополией и рынком. В интерпретации этой группы экономистов не рынок господствует над крупными фирмами, а наоборот, крупные фирмы и их планы определяют ныне характер рынка. Особенно ярко такого рода позиция проявилась в работах Дж. Гэлбрейта.

Позиция этой группы буржуазных экономистов по вопросу об отношениях между современной монополией и рынком не соответствует действительности. Тезис Гэлбрейта о том, что капитализм якобы уже перерос рамки рыночных отношений и чуть ли не порвал с ними, искажает реальное положение вещей. Олигополистическая структура экономики отнюдь не ликвидирует рыночную стихию, а порождает новые формы конкуренции.

Хотя в условиях монополистического капитализма у крупных фирм-монополий появляется известная свобода в выборе хозяй-

²² За рубежом, 1970, № 10, с. 28.

²³ Ленин В. И. Полное собр. соч., т. 33, с. 68.

ственных решений, что и находит практическое выражение в составлении программы производства, сбыта и капиталовложений, однако все это не значит, что тем самым монополии в состоянии полностью преодолеть контроль со стороны рынка. Даже монополия, которая сосредоточивает в своих руках 100% производства и сбыта той или иной отрасли, в состоянии самостоятельно установить лишь один из двух решающих параметров рынка — или объем производства (сбыта) или цену товара.

Другой параметр комбинации цена — выпуск регулируется рынком, поскольку отдельные монополии не в состоянии регулировать по своему усмотрению ни общую величину совокупного платежеспособного спроса, ни те пропорции, в которых он распадается на инвестиционный и потребительский спрос (соотношение между потреблением и накоплением), ни отраслевую структуру спроса. При олигополистической структуре рынка проблема установления отраслевого объема производства и цены осложняется для крупных фирм к тому же неопределенностью всей этой процедуры, вспышками внутриотраслевой конкуренции. Поэтому тенденция к планомерной организации производства в условиях монополистического капитализма пробивает себе дорогу в столкновениях с мощными силами внутриотраслевой и особенно межотраслевой конкуренции.

Частный монополистический капитал не в состоянии собственными силами регулировать структуру общественного производства и оказывающие на нее влияние изменения в структуре общественной потребности. Механизм полного ограничения конкуренции различных отраслевых капиталов между собой не создан и не может быть создан на частнокапиталистической основе. А это означает, что в рамках частного монополистического регулирования невозможен и полный контроль над ценой. Создание многоотраслевых концернов не устраняет межотраслевой конкуренции, а является лишь ограниченным средством смягчения ее последствий. Определенные ограничения в межотраслевую конкуренцию в форме перелива капиталов вносит деятельность крупнейших банков и государства по регулированию отраслевых капиталовложений. Однако подобные формы регулирования пока что не получили значительного развития. Кроме того, научно-техническая революция приводит к быстрым сдвигам в отраслевой структуре производства и в структуре общественной потребности, что порождает отраслевые кризисы. Буржуазное государство в таких случаях вмешивается в ход дела, как правило, уже после того, как отраслевой кризис проявился. Между ценами и объемами производства различных отраслей в рамках общественного производства и совокупной общественной потребности существует тесная взаимозависимость, а возможности регулирования этой взаимозависимости в условиях современной государственно-монополистической системы весьма ограничены и являются слабым местом всего государственно-монополистического механизма.

БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИКИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

В этой главе мы предполагаем рассмотреть вопросы сравнительной динамики и статике экономических систем, как они ставятся современными буржуазными экономистами. Под динамикой экономических систем здесь понимаются не вопросы экономического роста — эти вопросы являются составной частью буржуазной теории экономического процесса, а проблема изменений экономического строя. Эти изменения в интерпретации некоторых буржуазных экономистов могут быть вызваны и экономическим ростом, в этом случае подобные теории будут являться объектом нашего критического анализа. Некоторые теории, в которых в той или иной мере поставлена проблема динамики экономических систем, такие, например, как теория У. Ростоу, Р. Арона, Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, П. Дракера, Ж. Элюля, мы уже рассмотрели в рамках анализа теорий «экономических систем» институционально-социологического направления. Поэтому здесь мы вернемся к ним коротко и лишь в той мере, в какой этого требует обсуждение проблемы динамики экономических систем.

Рассматриваемая проблема в постановке буржуазных экономистов включает, на наш взгляд, три основных вопроса. Во-первых, сюда входит вопрос о механизме перехода от одного строя к другому. Во-вторых, эта проблема включает в себя вопрос о направлении изменений экономического строя двух современных экономических систем (этот вопрос в буржуазной литературе получил известность больше как теория конвергенции). И, наконец, в-третьих, сюда входит важный вопрос — о так называемой смешанной экономической системе. Эта система должна являться результатом конвергентного развития.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ТЕОРИИ «КОНВЕРГЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

На Западе «отцом» теории конвергенции многие считают голландского экономиста Яна Тинбергена. Именно его статья «Имеют ли коммунистическое хозяйство и свободная экономика конвергирующую структуру?», опубликованная в 1960 г., положила начало широкой волне публикаций по проблеме конвергенции¹. Нужно отметить, что эта проблема ставилась в ряде публикаций видных буржуазных экономистов и до Я. Тинбергена. В работах Т. Сурани-Унгера, В. Хофмана, Р. Арона, У. Бакингема, Э. Беттхера, П. Сорокина, У. Росту, К. П. Хензеля тема конвергенции обсуждалась ранее. Однако получилось так, что именно статья Я. Тинбергена привлекла к себе наибольшее внимание и породила наибольшее число откликов.

Можно сказать, что с конца 50-х — начала 60-х годов проблема конвергенции не сходит со страниц западной литературы, однако в трактовке этого вопроса за прошедшее с тех пор время наметились серьезные изменения. Среди буржуазных экономистов, обсуждающих проблему дальнейшего изменения экономических систем, все более слышны голоса тех экономистов, которые полагают, что развитие реального социализма не подтверждает тезиса о конвергенции экономических систем, что экономическая система социализма решает возникающие перед ней хозяйственные проблемы на своей собственной основе, адекватными ей методами, а не посредством включения в свою систему экономических элементов и механизмов из другой системы. Таким образом, достижение социализмом стадии зрелости, становление экономической системы социализма как системы социализма развитого выбивает почву из под ног теории конвергенции, заставляет многих буржуазных экономистов отвергнуть теорию конвергенции как не отражающую реальный ход экономического развития, как не соответствующую объективным тенденциям развития экономической системы в условиях развитого социализма.

Что вкладывают буржуазные экономисты в понятие конвергенции? Ответ на этот вопрос отнюдь не представляется однозначным. Общепринятого определения конвергенции в буржуазной литературе вообще не существует; часто в работах по конвергенции точного определения на этот счет вообще не дается. Существует, однако, на наш взгляд, ряд особенностей, характерных для подхода буржуазных авторов к проблеме конвергенции, к определению сущности этого процесса.

Имеются попытки определить процесс конвергенции в терминах абстрактных экономических систем. Это теория теоретически возможных вариантов конвергентного процесса, она еще ничего не говорит о том, происходит ли фактическое сближение

¹ Soviet Studies, vol. 12. Oxford, 1960/1961, p. 331.

реально существующих противоположных экономических систем. К. П. Хензель, например, дает следующую систематизацию формально возможных вариантов конвергенции: система *A* трансформируется в систему *B*; система *B* трансформируется в систему *A*; системы *A* и *B* сближаются друг с другом, так что возникает комбинация обеих систем — это так называемый золотой средний путь; системы *A* и *B* трансформируются одновременно в новую систему *C* — это уже так называемый третий путь².

Однако в буржуазной литературе преобладают попытки определения конвергенции применительно к реально существующим экономическим системам. «Под конвергенцией... — дает определение этого понятия Берндт Виндхоф,— понимается постепенное сближение экономического строя капиталистических хозяйств и государств, входящих в сферу СЭВ...»³

Сама сущность конвергентного процесса, по мнению некоторых буржуазных авторов, состоит в появлении в различных экономических системах одинаковых системных элементов, что и определяет процесс сближения различных систем, их конвергенции. В качестве таких общих системных элементов буржуазные экономисты рассматривают включение в рыночную экономику такого важнейшего системного элемента «центральноуправляемого хозяйства», как «планирование», с одной стороны, и усиление «сферы действия товарно-денежных отношений в экономической системе социализма — с другой. Набор этих системных элементов, общих для обеих систем, который служит в качестве основания для выводов о конвергенции, весьма широк, он разнится от одного буржуазного экономиста к другому, но такие элементы, как «план» и «рынок», присутствуют в конвергентных построениях почти всех буржуазных авторов.

В качестве одного из важнейших системных элементов, на который буржуазные экономисты указывают как на генератор конвергенции, является в целом ряде концепций цель системы. Такой целью как для капитализма, так в последние годы и для экономической системы социализма выдвигается экономическая эффективность. Весьма близки по существу к этому типу концепций конвергенции теории, объясняющие конвергентный процесс переходом социалистической системы СССР от экстенсивной к интенсивной стадии экономического роста.

И, наконец, у большинства буржуазных экономистов конечным результатом конвергенции является отнюдь не обоюдное сближение противоположных систем и встреча их в некой срединной точке, а превращение социализма в ходе конвергентного развития в капитализм.

² Hensel K. P. Annäherung der Wirtschaftssysteme? — Dtsch. Studien, 1969, N 27, S. 226—227.

³ Windhoff B. Darstellung und Kritik der Konvergenztheorie. Bern; Frankfurt a./M., 1971, S. 15.

Концепция конвергенции Я. Тинбергена исходит прежде всего из того, что как капиталистическая, так и социалистическая экономическая система претерпела ряд существенных изменений, модификаций. Он указывает на такие важные изменения в экономической системе социализма, как усиление процесса специализации, ориентация системы заработной платы на поощрение более высокой производительности труда, применение денежной единицы в качестве масштаба стоимости, признание за процентом важной роли в формировании издержек, использование в растущей мере преимуществ международного разделения труда как внутри СЭВ, так и между социалистическими и капиталистическими странами.

В рыночнохозяйственной системе в качестве основополагающего изменения Я. Тинберген рассматривает расширение государственного сектора. Расширение экономической активности государства Я. Тинберген видит в переходе к нему предпринимательских функций, в возможности оказывать воздействие на экономику на основе имеющихся в его распоряжении огромных бюджетных средств. Ослабление конкуренции Я. Тинберген рассматривает в качестве неизбежного результата технического прогресса (высокие постоянные издержки производства).

Я. Тинберген признает, что в некоторых, особенно нестабильных, отраслях власть рынка устранена. Государство прибегает не только к таким средствам экономической политики, как налоги, но и к государственным капиталовложениям, а это требует использования государством «плановых методов». В крупных частных предприятиях также применяется эта «плановая техника». «Планированию» Я. Тинберген придает особое значение, указывая, что отсюда, по-видимому, следует усиленная тенденция к конвергенции.

Указывая на эти весьма важные с его точки зрения модификации экономических систем, Я. Тинберген все же вынужден признать их «исклчительно большие различия». Вывод о конвергенции Я. Тинберген делает лишь после того, как он вводит в свою концепцию второй и весьма важный компонент — наряду с модификациями, свойственными различным экономическим системам, он исходит из того, что эти различные системы имеют одинаковые цели социально-экономической политики. А так как среди многих мыслимых структур имеется только одна оптимальная, то обе структуры будут постепенно развиваться по направлению к этому оптимуму. Под «структурой» Я. Тинберген понимает при этом не только конкретную промышленную структуру, а социальную структуру вообще, включая экономический строй.

Таким образом, сущность теории конвергенции Я. Тинбергена характеризуется пониманием того, что так называемые модификации противоположных экономических систем, которые для многих других буржуазных экономистов являются уже вполне достаточным основанием для провозглашения вывода о кон-

вергенции, отнюдь не снимают «исключительно больших различий» этих систем. Мы оставляем здесь в стороне вопрос о правильности характеристики Я. Тинбергена тех изменений в экономических системах, о которых он говорит. Некоторые изменения, особенно это касается экономической системы капитализма, подмечены им верно; эти изменения не составляют никакой тайны для экономистов-марксистов, об этом много писалось на страницах марксистской печати, однако из этого марксисты не делают теоретического вывода о конвергенции противоположных систем. Эти изменения служат основанием для вывода о том, что капитализм как социально-экономическая система перерел и новая ступень обобществления производства, достигнутая в условиях государственно-монополистического капитализма, приводит в то же время к резкому обострению противоречий этой системы.

Представляется, что главный упор в теории конвергенции Я. Тинбергена сделан на провозглашении одинаковых целей противоположных систем. Именно одинаковость целей разных систем предопределяет, по мнению Я. Тинбергена, движение этих противоположных систем в одном направлении и сближение их структур при образовании в конечном счете оптимальной, а следовательно, единой структуры. Именно одинаковость целей экономической и социальной политики капиталистических и социалистических стран приводит его к выводу о том, что «в действительности коммунистические и свободные экономические системы стали значительно ближе друг к другу». В этом положении Я. Тинбергена, служащем по сути дела основанием всей его теории конвергенции, скрыто, на наш взгляд, по крайней мере две ошибки. Прежде всего цели экономической и социальной политики — это понятие более узкое, чем цели экономической системы, данные понятия не равнозначны, они не совпадают. Это особенно ясно на примере экономической системы капитализма, где экономическая политика капиталистического государства в состоянии реализовать цель экономической системы в целом лишь в ряде весьма ограниченных сфер, и с помощью опять-таки ограниченных средств. Цель экономической системы в условиях капитализма реализуется прежде всего через целевую функцию отдельных хозяйственных единиц, через целевую функцию фирм. Господство частной собственности обуславливает эту целевую функцию как максимизацию прибыли.

Цель государственно-монополистической экономической политики состоит в том, чтобы посредством активного вмешательства в экономическую жизнь (а не только посредством простой охраны частнокапиталистической экономической системы, как это было во времена свободной конкуренции) создавать условия для реализации этой цели максимизации прибыли всему частному капиталу, но прежде всего монополистическому капиталу.

Иное дело — экономическая система социализма. Здесь господство общественной собственности на средства производства

предопределяет цель экономической системы не как максимизацию интереса отдельного частного собственника, а как максимизацию интересов трудящихся, сообща владеющих средствами производства. Социалистическое государство через систему социалистического планирования в состоянии непосредственно оказывать воздействие на реализацию целей экономической системы, ибо последняя входит в качестве целевой функции в систему государственных экономических планов.

Таким образом, ошибка Я. Тинбергена состоит, во-первых, в том, что он не видит вторичности целей экономической политики государства, что цели государственной экономической политики определяются, в свою очередь, целями экономической системы, а те характером собственности на средства производства. В силу различий капиталистической и социалистической собственности эти цели не могут быть одинаковы, их природа различна. Во-вторых, сравнение целей экономической политики в условиях социализма и капитализма неправомерно, ибо в силу коренных различий сравниваются экономические категории разного системного уровня и объема (план социалистического и «план» капиталистического государства — категории не только разного содержания, но и разного иерархического уровня).

Современные попытки буржуазных экономистов делать вывод о конвергенции из того, что в настоящее время эффективность — одна доминирующая цель во всех экономических системах, по сути дела являются продолжением концепции Я. Тинбергена, и к ним могут быть отнесены все те критические соображения, которые были приведены выше.

Наиболее изощренные буржуазные экономисты говорят о существовании экономического оптимума как системонейтральной категории. Условия этого оптимума разработаны теорией всеобщего равновесия. Однако, во-первых, это статический, а не динамический оптимум, в нем не отражены такие важнейшие требования оптимальности, которые связаны с необходимостью реализации технических достижений, обеспечением полной занятости ресурсов, включая полную загрузку производственных мощностей и такое использование рабочей силы, при котором отсутствовала бы безработица. Во-вторых, буржуазные теоретики выступают с утверждением, что этот оптимум может быть реализован лишь посредством рыночной формы совершенной конкуренции. Тем самым «системонейтральная» теория «экономических систем» и использующая ее результаты теория конвергенции приходят в этом вопросе отнюдь не к «системонейтральному» выводу: для того чтобы реализовать экономический оптимум, необходимы такие изменения в экономической системе, которые привели бы к установлению в качестве экономического строя одной из форм рыночной системы экономики, а по сути дела капиталистической системы.

Таким образом, требование эффективности, экономическая политика, направленная на реализацию оптимума, означают у

буржуазных экономистов этого толка такую конвергенцию систем, которая будет означать трансформацию социализма в капитализм. Понятие «эффективность» не существует в реальной действительности как системонейтральная категория, а всегда имеет свою социально-историческую, системную форму. Максимум потребительных стоимостей как показатель эффективности не совпадает с максимумом прибавочной стоимости в форме прибыли — это два различных социально-экономических оптимума. Следовательно, и экономическая политика, направленная на реализацию этих различных оптимумов, не ведет к конвергенции экономических систем.

Здесь следует указать на то, что начавшаяся в последние годы в буржуазной теории критика условий статического оптимума, как явно недостаточных для характеристики развивающейся экономической системы, с одной стороны, и признание совершенно утопической политики, направленной на реализацию рыночной формы совершенной конкуренции в условиях роста концентрации производства, — с другой, привели буржуазных экономистов к созданию так называемой теории эффективной конкуренции, пытающейся сформулировать условия динамического оптимума.

Реализация условий динамического оптимума, разработанных представителями этой теории, невозможна в рыночной форме совершенной конкуренции; их реализация требует иных рамок экономического строя. Большая часть сторонников теории эффективной конкуренции рассматривают в качестве такого экономического строя рыночную форму олигополии при значительной степени государственного вмешательства. Однако ряд буржуазных экономистов выступают с признанием того, что капитализм не в состоянии реализовать целый ряд условий экономического оптимума, и занимаются поисками такого экономического строя, который должен сочетать в себе «лучшие черты» капитализма и социализма. Так, Я. Тинберген заявляет, что в условиях рыночной формы олигополии не может быть реализован оптимум обмена благ (при котором соотношение предельных полезностей двух любых благ равно у всех, кто желает получить эти блага). Этот оптимум может быть, по мнению Я. Тинбергена, реализован либо в условиях совершенной конкуренции (что утопично), либо в условиях установления цен государством. Далее Я. Тинберген заявляет, что такое условие оптимума как равенство цены предельным издержкам в условиях высокой доли постоянных издержек и тенденций к концентрации не может быть осуществлено в рыночной экономике.

По мнению Я. Тинбергена, связанные с концентрацией «внешние эффекты» (выгоды и издержки) могут быть выравнены лишь в результате возникновения «интегрированных групп», в которых предприятия, порождающие «внешние эффекты», интегрируются с теми продуцентами и потребителями, которых эти эффекты затрагивают.

Таким образом, Я. Тинберген конструирует свою оптимальную систему смешанной экономики, составляя ее из структурных элементов различных систем.

Еще более наглядно такой подход проявляется в теории конвергенции У. Бакингема. «В действительности, — заявляет У. Бакингом, — все так называемые капиталистические системы содержат элементы «социализма», а все так называемые социалистические системы... содержат различные капиталистические институты»⁴. А если это так, рассуждает У. Бакингом, то можно сконструировать оптимальную смешанную экономическую систему, которая будет содержать как капиталистические, так и социалистические элементы. Оптимальный экономический строй, по мнению У. Бакингема, включает в себя три капиталистических и три социалистических элемента. Три фундаментальных элемента, представляющих в смешанном строе капиталистическую систему, это по У. Бакингу рыночная система аллокации ресурсов; принципы материального стимулирования, включая прибыль; частная собственность на средства производства⁵. Социалистические элементы, которые должны войти в возникающий экономический строй, — это, как утверждает У. Бакингом, государственная экономическая политика, большая степень равенства и, наконец, элемент, которому он придает особое значение, — народнохозяйственное планирование. Из всех этих шести принципов новой экономической системы — трех капиталистических и трех социалистических — экономическое планирование представляется единственным, предлагающим наибольшие возможности для конструктивных действий (application). Сконструировав свою «оптимальную смешанную систему», представляющую собой самый явный капитализм, У. Бакингом не в состоянии решить вопрос о том, как в этой смешанной экономике «народнохозяйственное планирование» будет взаимодействовать с частной собственностью и рыночной аллокацией ресурсов, а принципы равенства с капиталистическими принципами стимулирования и погоней за прибылью.

Конвергентные модели смешанной экономики содержат механическое комбинирование основных элементов, заимствованных из противоположных социально-экономических систем. Реальный смысл подобного рода экономической инженерии состоит скорее в безответственных политических спекуляциях, ибо с экономической точки зрения подобного рода моделирование лишено какого бы то ни было научного содержания. До тех пор, пока авторы подобных конвергентных систем не в состоянии дать объяснения, в чем сущность взаимосвязей основных структурных элементов, заимствованных из разных систем, в новых конвергентных системах, какова их иерархия, до тех пор на по-

⁴ *Buckingham W. S. Theoretical Economic Systems*, p. 27.

⁵ *Ibid.*, p. 485.

добного рода «теориях» неизбежно будет лежать отпечаток крайней поверхностности и спекулятивности.

Я. Тинберген, У. Бакингом и ряд других буржуазных экономистов, проведя эмпирическое обследование реально существующих экономических систем и определив нечто общее, что, по их мнению, существует между этими разными системами, в то же время констатируют и большие различия между ними. А потому в качестве решающего фактора в движении по конвергентному пути у них выступает нацеленность экономической политики на достижение хозяйственного оптимума. В то же время существует среди буржуазных экономистов и социологов большая группа таких сторонников конвергенции, которые делают вывод о конвергенции систем уже там, где данная проблема еще только ставится такими экономистами, как Я. Тинберген и У. Бакингом.

Так, Т. Сурани-Унгер усматривает две метаэкономические и шесть экономических «поверхностей соприкосновения» между капиталистической и социалистической экономическими системами:

рост благосостояния устраняет противоречие между западным индивидуализмом и восточным коллективизмом;

развитие системы социального обеспечения на Западе и расширение системы экономического стимулирования в социалистических странах приводят к тому, что нельзя более связывать капитализм с принципом производительности, а социализм с принципом покрытия потребностей;

расширение личного потребления в социалистических странах и рост государственного потребления на Западе ослабляет противоречие между направленностью капиталистической системы на удовлетворение личных потребностей, а социалистической — на удовлетворение общественных потребностей;

смягчение центрального планирования в социалистических странах и отказ в капиталистических от доктрины свободной конкуренции приводят к образованию нового механизма регулирования;

огосударствление кредита на Западе, все более широкое использование денег как средства политики полной занятости приводит к тому, что Запад приближается к точке, где деньги будут являться средством государственного планирования;

исчисление на Западе национального дохода и национального бюджета также создало предпосылки для макроэкономического планирования, а так как оно возможно лишь на базе центра, это приближает Запад к плановой идее центральноуправляемого хозяйства;

тенденция к макроэкономическому планированию приводит к ограничению рыночного принципа образования зарплаты; на Востоке прибыль, процент и рента также не устранены полностью;

если Запад борется с конъюнктурными циклами, то на Востоке экономическая политика имеет дело с проблемой отраслевых циклов⁶.

Такие экономисты, как Т. Сурани-Унгер, для вывода о конвергенции довольствуются констатацией «изменений», констатацией «общих» черт в экономической системе социализма и капитализма, чтобы сделать свой вывод о конвергенции. Анализ в таких случаях целиком идет на почве «реальных» систем, носит эмпирический характер, полученные данные интерпретируются целиком по произволу исследователя, их проверка отсутствует, а главное — эмпирические материалы интерпретируются вне системного анализа экономического строя. При таком подходе к проблеме вывод о конвергенции можно сделать в любом случае, если для этого есть желание, но подобный вывод получается буржуазными экономистами при посредстве явных нарушений элементарных норм теоретического анализа.

Если Т. Сурани-Унгер не решается все же провозглашать полную конвергенцию капиталистической и социалистической систем, усматривая серьезные противоречия между ними в политической и военной областях и оставаясь на позициях частичной конвергенции, то такого представителя этой теории, как П. Сорокин, скорее можно отнести к сторонникам теории полной конвергенции. На основе своего анализа изменений капитализма в США и социализма в СССР за сорок лет он приходит к выводу, что обе системы в основных чертах становились все более похожими. П. Сорокин пытается доказать тенденции сближения между системами в области естественных наук и техники, социальных наук, философии, этики и уголовного права, воспитания, спорта и отдыха, изящных искусств, религии, брака и семьи, экономической системы, социальных отношений и политических систем.

Центральным аргументом, призванным обосновать конвергенцию экономических систем, является, по мнению П. Сорокина, сходство между американской экономикой трестов и советским плановым хозяйством. Опираясь на исследования Минза, Берли и Мэйзона, П. Сорокин утверждает, что акционеры более не контролируют в США тех, кто управляет трестами: «В плановом хозяйстве и в экономике трестов мы имеем дело с раздроблением подлинной собственности: те, кто ее имеют, — не управляют, те кто управляет, — не являются собственниками».

П. Сорокин заявляет, что за последние десятилетия и капитализм, и социализм постоянно теряли свои характерные черты и, напротив, перенимали определенные характерные черты из другой системы, претерпевали процесс взаимной интерпрации и что он предвидит возникновение такого социально-экономического строя, который не будет ни капиталистическим, ни ком-

⁶ *Surany-Unger Th. Probleme einer Koordination der Wirtschaftsformen.— Weltwirtschaftl. Arch., 1953, Bd. 71, S. 51—69.*

мунистическим. «Он будет объединять в себе позитивные ценности обоих мировоззрений и одновременно будет свободен от их тяжелых ошибок».

Как видим, в решающих своих пунктах концепция П. Сорокина в весьма упрощенной и даже можно сказать наивной форме превосходит те положения, которые позднее были разработаны другими буржуазными экономистами. Речь идет о концепции конвергенции на базе оптимальной смешанной экономики Я. Тинбергена и У. Бакингема, концепции конвергенции в результате отделения функции управления от собственности и возникновения технотехнологии — Дж. Гэлбрейта.

Если говорить о теории конвергенции, построенной на тезисе об отделении функции управления от собственности, то она достаточно широко распространена среди буржуазных экономистов. Одним из представителей этого рода теорий является П. Уайлз. Он заявляет, что в обеих экономических системах происходит расширение прав владельцев при сокращении прав собственников. Владельцы образуют «новый социальный класс технократов», которые принимают все текущие решения по всем проблемам, возникающим в предприятиях. Отчуждение прав собственников в пользу владельцев происходит в капиталистических условиях, где менеджеры за счет акционеров захватывают все больше власти на предприятии. Этот же процесс, согласно концепции П. Уайлза, происходит и в социалистической системе, где владельцы якобы образуют все более могущественный слой — «технократов», оттесняющих в сторону «собственников» — партийный аппарат. В результате при социализме происходит постоянное расширение рыночной координации, идет процесс децентрализации планирования, план становится лишь средством распространения информации. Конвергенция, по мнению П. Уайлза, заключается в том, что Запад будет иметь больше благосостояния, больше планификации и больше национализации, в то время как социалистические государства будут приближаться к Западу посредством сокращения национализации, расширения децентрализации и роста благосостояния.

Установив тенденции к конвергенции, П. Уайлз все же весьма осторожен в оценке ее конечных перспектив. И как на основной барьер на пути конвергенции двух систем он вынужден указать на существование разных типов собственности на средства производства. Однако «отношения собственности», заявляет П. Уайлз, политические решения, с ней связанные, и идеология, ее подкрепляющая, не будут изменяться, и это кладет границы конвергенции. Различия в распределении дохода на капитал; различия в крупных инвестиционных проектах, различия в решениях при крахе предприятий — все это, по мнению Уайлза, весьма существенные различия, проистекающие из существования различных отношений собственности. Пока это различие существует, — заключает П. Уайлз, — мы никогда не сможем говорить о полной конвергенции.

Нами была подробно рассмотрена теория экономических систем Дж. Гэлбрейта, поэтому здесь мы возвращаемся к его концепции лишь в связи с проблематикой конвергентного развития. Как известно, в центре концепции конвергентного развития Дж. Гэлбрейта стоит возникновение и расширение власти «техноструктуры» как на Западе, так и на Востоке. «Техноструктура» становится независимой — на Западе от собственников капитала, на Востоке она эмансипируется от политического примата государственной регламентации. Это первый важный пункт, по которому идет конвергентное развитие по Дж. Гэлбрейту; капиталистическая и коммунистическая фирмы делают все более похожими друг на друга именно своими организационными структурами, реализующими одинаковые интересы правящей этими крупными фирмами «техноструктуры». Второй важный момент в конвергентном процессе — это расширение сферы господства так называемой плановой системы и падение роли «рыночной системы» на Западе и рост автономии «техноструктуры» в социалистических фирмах, без чего немыслима эффективность ее деятельности. В результате происходит отход социалистических стран от присущей им системы планового хозяйства и как капиталистические, так и социалистические страны развиваются в сторону общего типа плановой системы, в котором планирует и решает «техноструктура».

В рассуждениях П. Сорокина, П. Уайлза, Дж. Гэлбрейта содержится общий для концепций всех этих авторов центральный тезис о конвергенции экономических систем в результате решающих изменений на уровне предприятия. Логическая цепочка конвергентных концепций этого рода (у одних авторов сформулированная более последовательно и подробно, у других же фрагментарно и подчас теоретически наивно) выглядит следующим образом: собственники предприятия не принимают решения, относящиеся к его деятельности, сами и утратили возможность контролировать ту группу, которая ведет управление предприятием; увеличение масштабов предприятия приводит на Западе к тому, что основные параметры его деятельности устанавливаются более не рынком, а на основе «плана», разрабатываемого «техноструктурой», на Востоке усиление независимости техноструктуры приводит к размягчению и видоизменению системы плановой регламентации; результат этого процесса, корни которого лежат на микроуровне, — конвергенция экономических систем (при самых различных вариантах конечного результата — «полная», «ограниченная», «единое индустриальное общество», конвергенция экономических систем при отсутствии политической конвергенции и т. д.).

Ошибочность этого варианта теории конвергенции кроется в следующих важнейших просчетах.

Неверна основная посылка авторов этой теории — утверждение о том, что собственники предприятий утратили или все бо-

лее утрачивают свой контроль над решениями, которые принимаются управлением предприятия.

Что касается социалистического предприятия, то здесь система демократического централизма, являющаяся одним из основных принципов управления социалистическим народным хозяйством, оставляла и оставляет достаточный простор для проявления инициативы коллективом предприятия. В то же время общественная собственность на средства производства позволяет обществу органически включить деятельность коллективов социалистических предприятий в систему народнохозяйственного планирования. Через систему показателей, по которым можно судить о выполнении плана, через механизм образования фондов экономического стимулирования интересы коллектива предприятия и его руководства (дирекции) направляются именно на выполнение предприятием государственных плановых заданий. Переход в СССР к укрупнению первичного звена в промышленности, к созданию промышленных объединений, процесс, который согласно взглядам теоретиков конвергенции должен был бы усилить центробежные процессы в плановой экономике социализма, на самом деле, расширив их инициативу и самостоятельность, в то же время привел к укреплению плановой дисциплины. Крупные промышленные объединения, в которых, казалось бы, независимость «техноструктуры» от плана должна бы была быть наибольшей, отличаются по сравнению с отдельными предприятиями, не входящими в объединения, более высокой дисциплиной выполнения государственных плановых заданий.

Таким образом, процессы концентрации производства, которые в плановом порядке осуществляются в социалистической системе хозяйства на основе общенародной собственности на средства производства, приводят не к размыванию системы планового руководства экономикой, а к ее укреплению и улучшению. Общественная собственность на средства производства полностью реализует себя в условиях социалистической системы хозяйства как в сфере текущего управления экономическим процессом, так и в сфере организационно-структурной (переход к новой системе управления промышленностью через создание промышленных объединений). Так что в условиях социалистической системы приведенные выше положения теоретиков конвергенции не имеют места.

Представляется ошибочным это положение теоретиков конвергенции и для капиталистической системы. Собственники предприятий оказывают решающее влияние на характер решений, принимаемых менеджментом, они определяют капиталистический характер этих решений. Эти решения не утратили своей связи с характером частной капиталистической собственности, с сущностью капиталистической экономической системы. Даже в тех крайних случаях, когда владение акциями имеет дробный характер и невозможно проследить наличие контрольного

ного пакета (возьмем этот крайний, наиболее «выгодный» для теоретиков конвергенции случай), даже тогда собственники капитала устанавливают такой порядок оплаты руководящего слоя менеджеров, при котором управляющие заинтересованы прежде всего в максимизации прибыли фирмы. Тем самым целевой функцией фирмы и в этих крайних случаях дробления акционерного капитала остается максимизация прибыли, тем самым определяется и капиталистический характер всех решений, принимаемых менеджментом.

Говоря о сходстве капиталистических трестов с социалистическими предприятиями, теоретики конвергенции указывают на ту роль, которую в их деятельности играет план. В случае с капиталистическим предприятием здесь происходит отождествление плана с частномонополистическим регулированием. У социалистического плана и частномонополистического регулирования разные целевые функции, разная природа, разные возможности и границы. Целевой функцией частномонополистического регулирования является максимизация прибыли, оно отнюдь не в состоянии преодолеть рыночную стихию, ибо монополии в состоянии установить лишь один параметр из двух — либо объем производства, либо цену, второй же параметр устанавливается стихией рынка. Смещение плана, на основе которого действует социалистическое предприятие, и «планирования», осуществляемого капиталистической фирмой, является недопустимым, ибо «планирование» капиталистической фирмы — это процесс частномонополистического регулирования с помощью методов, доступных монополии, и во имя интересов монополии, не имеющих ничего общего с интересами общества.

Внутренне противоречива и теория конвергенции, с которой выступает французский экономист и социолог Р. Арон. С одной стороны, если исходить из основных посылок теории Р. Арона, то места для конвергенции в ней не должно быть. Ибо для Р. Арона и советская экономическая система, и экономическая система Соединенных Штатов — это все индустриальное общество, один и тот же хозяйственный строй. Спрашивается, чему же здесь конвергировать, чему же здесь сближаться, если и советская, и американская экономическая системы — это один и тот же социально-экономический строй — «прогрессивное промышленное общество»? Конвергенция, согласно концепции Р. Арона, вроде бы уже свершилась, уже произошла, ибо заложена в основных посылках теории этого автора.

Однако, как мы уже отмечали, давая критический разбор теорий Р. Арона, Ж. Эллюля, Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, П. Дракера и других, авторы этих теорий с помощью своих критериев не могут выявить различия, существующие между разными экономическими системами, и поэтому вынуждены прибегать к таким обозначениям экономических систем, как «капитализм» и «социализм», «плановое хозяйство» и «рыночное хозяйство». Р. Арон в этом смысле не исключение: чтобы обозначить разли-

чие между советской и американской экономикой, он использует обе пары упомянутых терминов.

В чем же усматривает Р. Арон конвергенцию между капитализмом и социализмом? Прежде всего (и здесь Р. Арон не оригинален) в крупном предприятии. Капитализм и социализм «различаются между собой, что касается крупного промышленного предприятия, — значительно меньше, чем в отношении самостоятельного мелкого предприятия в сельском хозяйстве, торговле или промышленности». Определенное значение Р. Арон придает далее системе позитивных и негативных стимулов для достижения экономического роста. Особенно больших результатов в конвергентном развитии он ожидает от перехода советской экономики к интенсивной фазе экономического роста.

Эта же идея стоит в центре конвергентных соображений западногерманского экономиста Э. Бётхера. Постепенное истощение сельскохозяйственного сектора как источника рабочей силы для промышленности, растущая напряженность в сфере трудовых ресурсов требуют, согласно теории Э. Бётхера, улучшения техники производства, новых методов повышения производительности труда. Все это должно вести к росту доходов населения, возрастанию спроса и создавать условия для «эффективной функции регулирования потребителя». В свою очередь, это требует значительно больших возможностей приспособления предприятий к растущему спросу. Этот процесс должен идти не только в производстве предметов потребления, но и средств производства. «...Предприятия, которые производят плохие машины ... в результате усиления опасности, что их продукция останется непроданной, получают такой стимул, который означает, что предприятия вступают между собой в конкуренцию и что в Советском Союзе положено начало легализации рынков в сфере производства средств производства. Весьма вероятно, что этот, только начавшийся процесс получит продолжение. Если проследить его до конца, то в конце концов он должен бы привести к ограничению функций центра лишь рамочным планированием, как оно в принципе существует во всех западных хозяйствах»⁷.

Таким образом, буржуазные экономисты, которые усматривают основу конвергентного развития в переходе социализма к интенсивной фазе экономического роста, имеют весьма много общего в своей теоретической позиции с группой теоретиков конвергенции, которых представляет Дж. Гэлбрейт и др. Это общее заключается в том, что экономические силы, действующие на уровне социалистического предприятия, вырывают, высвобождают это предприятие из системы «тотального планирования». Становясь все более самостоятельным (в силу появления «техноструктур» или же в силу требований интенсивной фазы

⁷ Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik, 1959, Bd. 4, S. 28.

экономического роста), предприятие выступает носителем конвергенции — «плановое хозяйство тотального типа» заменяется «рыночным», как у Э. Бёттхера, или же неким иным типом «плановой системы», представляющим собой систему частномонополистического регулирования, как у Дж. Гэлбрейта.

Э. Бёттхер связывает усиление самостоятельности предприятий по отношению к плановым органам и деградацию социалистического планирования до рамочного планирования с борьбой социалистических предприятий за спрос. Можно сказать, что это посылка, в которой уже заложена идея конвергенции. В этом случае к плановой социалистической экономике применен теоретический подход с позиций рыночной экономики, это элементарная подстановка, замена категории одной системы категорией, заимствованной из другой системы. Социалистические предприятия не ведут между собой конкурентной борьбы за рыночный спрос; они ведут социалистическое соревнование за выполнение плана, который установлен центральными плановыми органами и в котором отражена общественная потребность в благах, производимых данными предприятиями. Совершенствование методов стимулирования на социалистических предприятиях, в том числе и методов стимулирования производительности труда, происходит в рамках улучшения всей системы плановых показателей, на основе которых происходит оценка деятельности предприятия. Рост заработной платы трудящихся, достигаемый на основе роста производительности труда в условиях интенсивного развития социалистического производства, хотя и приводит к существенному увеличению потребительского спроса, однако не вызывает ослабления планового начала в функционировании социалистической экономики, а тем самым и развитие ее по конвергентному пути.

2. ТЕОРИИ «ДИВЕРГЕНЦИИ» ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ (ТЕОРИИ НЕСОВМЕСТИМОСТИ)

Среди буржуазных теоретиков экономических систем существует большая группа экономистов, которые, проводя сравнительный анализ «динамики экономического строя на Западе и на Востоке», приходят к выводу об отсутствии какой-либо конвергенции между различными системами. Эта группа не представляется теоретически единой; буржуазные экономисты, отрицающие конвергенцию, делают это исходя из разных посылок буржуазной политэкономии.

К буржуазным теоретикам, отрицающим конвергенцию, следует отнести прежде всего теоретиков «экономических систем», строго придерживающихся неоклассической позиции. Согласно ортодоксальной неоклассической теории конвергенции различных экономических систем нет и быть не может; может произой-

ти не конвергенция, а лишь трансформация систем. Согласно взглядам неоклассиков, решающие элементы различных систем — рыночного хозяйства и планового хозяйства — несовместимы; от одной системы к другой, согласно этой теоретической позиции отнюдь не ведет путь плавного конвергентного перехода.

Эта позиция характерна как для таких представителей ортодоксальной буржуазной теории, как Л. Мизес, Ф. Хайек, В. Рёпке, так и для представителей современной неоклассической теории «экономических систем». «От одной системы к другой не существует никакого перехода, между ними не существует никаких мостов»⁸, — заявляет Л. Мизес. «Тот, кто не хочет рыночного хозяйства, — считает В. Рёпке, — должен желать командной экономики, так как не существует никакой другой возможности, кроме этих двух... Там, где речь идет о принципе строя, там не существует никакого среднего пути: либо порядок в экономике устанавливают цены, либо они этого не делают; если они этого не делают, это должны сделать власти»⁹.

К. П. Хензель считает, что «так как существует только два пути развертывания общехозяйственной системы планов (согласно теории К. Хензеля решения капиталистических фирм — это также «планы». — В. К.), без которой не может обойтись ни одна экономическая система, то могут существовать только экономические системы децентрализованного или централизованного ...планирования экономического процесса»¹⁰. К. Хензель стоит на позиции несовместимости различных систем, ибо конститутивные элементы экономических систем — «децентрализованные планы» или «центральный план» — не могут быть смешаны в качестве основы общехозяйственной системы «планов».

Однако К. Хензель допускает смешение между собой так называемых акцидентальных (второстепенных) элементов, которые сопутствуют, как правило, тому или иному конститутивному признаку: форм собственности, рыночных форм, правовых норм, обычаев и т. д. К. Хензель считает, что, несмотря на все реформы в социалистических странах, в принципе там ничего не изменилось, ибо «все реформы, проведенные до сих пор в советских экономических системах административного планирования, проходили внутри той вариационной полосы системных характеристик, которая имеется в этом экономическом строе, как и в каждом другом»¹¹. Что касается экономики Югославии, то здесь согласно К. Хензелю произошла смена систем, их трансформация — система центрального планирования в этой стране заменена системой децентрализованного планирования. Здесь, таким образом, произошла, по мнению К. Хензеля, не конвергенция, а трансформация систем. К. Хензель выступает с резкими нападениями на

⁸ *Mises L. v. Nationalökonomie.* Genf, 1940, S. 646.

⁹ *Röpke W. Die Krise des Kollektivismus.* München, 1947, S. 18.

¹⁰ *Deutsche Studien*, 1969, H. 27, S. 231.

¹¹ *Ibid.*, S. 240.

теоретиков конвергенции, обвиняя их в политической безответственности: «Тот, кто говорит конвергенция, тот хочет уйти от действительности существующей дивергенции экономических систем и тем самым уйти от решения в пользу той или другой основной системы... Тот, кто предается конвергентному мышлению, тот пытается уйти от ответственности, пытается положиться на позитивные результаты анонимных процессов развития истории»¹².

Теории конвергенции, как правило, вырастают на почве институционально-социологического направления. Поиски «общих» элементов, существующих в различных системах, позволяют буржуазным экономистам посредством этой несложной механики, противоречащей, однако, азам теоретического анализа, легко прийти к выводам о конвергенции. Однако и среди теоретиков этого направления буржуазной политэкономии существуют экономисты, выступающие с отрицанием теории конвергенции. К ним относится, например, К. Тальхайм.

Последний отказывается интерпретировать экономические реформы в социалистических странах как «экономическую либерализацию», а тем более как изменение экономической системы. С его точки зрения, они представляют собой попытку сделать существующую систему более эффективной посредством предоставления предприятиям несколько большей степени свободы. К. Тальхайм выделяет наиболее важные для функционирования экономической системы признаки и по ним ведет анализ проблемы конвергенции. Таких признаков пять: строй собственности; цели хозяйствования; система регулирования; конкуренция; субъекты экономической инициативы.

Что касается собственности, то К. Тальхайм не в состоянии здесь установить каких-либо принципиальных изменений в социалистических странах, что, по его мнению, является серьезным аргументом против теории конвергенции. По признаку «цели хозяйствования» К. Тальхайм указывает на существенные различия между системами, связанные с тем, что в «центральноуправляемой экономике» эти цели устанавливаются политическими инстанциями. До тех же пор, пока социалистическая система основывается на императивном планировании, не может быть и речи об изменении системы регулирования экономики. Короче говоря, К. Тальхайм приходит к выводу, что речь идет не о конвергенции, а о попытке рационализации и модернизации экономической системы. Такая рационализация в состоянии преодолеть некоторые критические пункты существующей системы, она создает более сильные стимулы для производительности, однако она не приводит к существенным, принципиальным изменениям системы.

В одной из последних по времени работ, посвященных проблеме конвергенции, Б. Виндхоф приходит к выводу, что основной тезис сторонников теории конвергенции, состоящий в том, что

¹² Ibid., S. 243.

«западные промышленные нации во все большей мере применяют элементы центрального планирования и регулирования, а в центральноуправляемые социалистические хозяйства встраивается все больше рыночных регулирующих элементов, из чего и выводится конвергенция систем», — его собственным исследованием не подтверждается. Большинство «конвергистов» совершает, по мнению Б. Виндхофа, ту ошибку, что, кладя в основу тезиса о конвергирующем развитии анализ «реально типических» явлений, они в своих эмпирических исследованиях не делают различий между дискуссией, связанной с экономической реформой, экспериментами, осуществляемыми в ходе реформы, и той реформой, которая имеется в действительности.

Еще «более тяжелой ошибкой», совершаемой «конвергентами», Б. Виндхоф считает интерпретацию ими «научных методов оптимизации народнохозяйственной координации» в качестве несомненного «признака конвергирующего развития систем». Б. Виндхоф считает, что теоретики конвергенции вряд ли могут избежать «упрека в поверхностном методе анализа». «Однако необходимо констатировать не только ошибочный вывод о конвергенции, — продолжает Б. Виндхоф, — здесь совершенно необходимо выяснить, не приводит ли применение математических методов с единственной и хорошо известной целью достижения более высокой эффективности соответствующей системы, к такому развитию, которое полностью противоположно представлениям «теории» конвергенции — а именно к еще более сильному акцентированию дуализма систем, ибо в результате повышения эффективности на базе выше упомянутых методов, существующая система получает новое оправдание и легитимацию...»¹³

Еще одной важной ошибкой «конвергистов» Б. Виндхоф считает недооценку ими идеологических и политических факторов. «Недостаточный учет политико-идеологических отношений является еще одной причиной ошибочной оценки будущего развития экономических систем в направлении их конвергенции», — указывает Б. Виндхоф¹⁴.

И, наконец, еще одна весьма существенная брешь, которая существует, по мнению Л. Виндхофа, в позиции сторонников теории конвергенции — «отсутствие разработанной концепции о совместимости децентрализованного и центрального руководства экономическим процессом», «отсутствие теоретических основ образования одной единственной «оптимальной» экономической системы». «Из перечисления системных элементов, которые согласно концепции сторонников тезиса о конвергенции должны войти в новую экономическую систему, становится совершенно ясно, что, как и прежде, в морфологии экономического строя центр тяжести сохраняется либо за доминантностью рынка, либо за доминантностью плана. А потому понятие конвергенции вво-

¹³ Windhoff B. Darstellung und Kritik der Konvergenztheorie, S. 196.

¹⁴ Ibid., S. 198.

дит в заблуждение, так как оно оказывается теоретически необоснованным. Лишь разработка теоретического обоснования о совместимости центральной и децентрализованной координации могла бы сохранить понятие конвергенции в дискуссии о принципах строя», — делает свой вывод Б. Виндхоф.

Со своей стороны заметим, что Б. Виндхоф указал на ряд действительно слабых мест в построениях сторонников конвергенции. Теоретически одно из наиболее уязвимых мест всей позиции «конвергистов» — отсутствие достаточно разработанной на основе буржуазной теории концепции «оптимальной» экономической системы, являющейся результатом конвергенции «рыночной» и «центральноуправляемой» систем. Мы уже обращали внимание на это при рассмотрении буржуазной теории «экономических систем» в разделах, посвященных неоклассической теории «экономических систем» и теории «центральноуправляемого хозяйства». Сами методологические посылки теории «экономических систем» таковы, что из идеи рынка не может быть выведена идея центрального управления и наоборот. Поэтому для неоклассической теории столь трудным является охват реальных систем, в которых, как в экономике социализма, народнохозяйственный план органически включает в себя использование товарно-денежных отношений. Потому-то сторонники конвергенции не могут предложить теоретически разработанной модели «третьего пути», «оптимального» сочетания двух противоположных принципов плановой и рыночной системы; конвергенция в этом случае означает лишь переход социализма на капиталистические рельсы под маркой конвергенции.

Было бы ошибкой полагать, что если буржуазная теория конвергенции — это теория, направленная против идеологии марксизма-ленинизма, против идеи социализма, то буржуазные теории, отрицающие конвергенцию, идеологически безвредны. И теории конвергенции, и буржуазные теории, отрицающие конвергенцию, — это два фланга одного общего фронта буржуазной идеологии. И та, и другая теории пытаются утвердить одну идею — идею преимущества капиталистического строя над социалистическим и необходимость отказа от социализма и перехода на капиталистический путь (теория конвергенции в ходе медленного, постепенного процесса; буржуазная теория, отрицающая конвергенцию, — посредством резкой трансформации одной системы в другую на основе так называемого рационального решения).

3. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПЕРЕХОДА ОТ ОДНОЙ СИСТЕМЫ К ДРУГОЙ

Можно говорить о двух различных подходах к вопросу о переходе от одной системы к другой в современной буржуазной политэкономии. Один из них, который характерен для институ-

ционально-социологического направления, отличается применением принципа технологического детерминизма. Переход от одной стадии экономического развития к другой задается технологическим императивом, само различное содержание «стадий» или «ступеней» экономического развития сводится к различиям в «технологии», в уровне производства, в его структуре и т. д. Важнейший этаж производственных отношений, способа производства тем самым исключается из механизма перехода от одной социально-экономической системы к другой, «техника» действует в этой области «напрямую».

Неоклассическое направление усматривает слишком большие опасности в принципе технологического детерминизма, ортодоксальное крыло буржуазной политэкономии видит в этом принципе определенную близость к марксизму и разработало свою теорию перехода от одной экономической системы к другой. Для нее характерны следующие важнейшие черты:

люди сами выбирают свою экономическую систему;

свобода выбора экономической системы ограничена двумя альтернативами: «рыночное хозяйство» или «центральноуправляемое хозяйство»;

каждая система имеет свою внутреннюю логику, поэтому их принципы не могут быть смешаны, этим ограничивается свобода выбора;

однако внутри каждой экономической системы существует свобода выбора: альтернативы возможны за счет комбинирования элементарных форм; теоретически возможное число вариантов огромно, ибо велико число первичных (конститутивных и вспомогательных) элементов (до 140);

так как люди являются рациональными существами, они выбирают наиболее целесообразную систему; критерием выбора экономической системы является то, как она решает проблему аллокации ресурсов.

Такая позиция буржуазных экономистов, примыкающих к неоклассическому направлению, методологически подготовлена разработкой так называемого принципа плюрализма. Убежденным сторонником принципа плюрализма выступает В. Митчерлих. Он считает, что принцип «органического развития одного из другого» в теории исторического становления социальных явлений должен быть отвергнут. Согласно теории плюрализма, пишет В. Митчерлих, «мы рассматриваем социальные явления, в том числе и явления экономической жизни, как подчиняющиеся индивидуальному принципу. Любое социальное явление ведет свое особое существование и не может быть объяснено как результат последовательного развития всего предшествующего»¹⁵. В. Митчерлих последовательно отвергает идею исторического движения, идею «эволюции». Социальные, в том числе и экономические, явления, по мнению Митчерлиха, отнюдь не развиваются одно из

¹⁵ Wirtschaftsstufen und Wirtschaftsordnungen, S. 241.

другого, они существуют рядом, одно подле другого. «Нечто развивается не из другого, но имеет свои особые корни, свою особую сферу, особый источник, предусловия и условия своего бытия»¹⁶. В конечном счете основным источником этого нового для Митчерлиха являются «творческие акты». Поэтому принцип последовательности развития, закономерности смены одним другим, старого новым отвергаются В. Митчерлихом, возникновение нового экономического строя для него не результат действий объективных закономерностей в рамках старой экономической системы, а плод субъективных творческих актов, в которых находят свое выражение присущие человеческой природе силы индивидуализма и универсализма.

Очевидно, что буржуазные концепции перехода от одной системы к другой направлены прежде всего против марксизма, против тезиса марксизма о неизбежности гибели капитализма и перехода к социализму. Марксизм показал, что конфликт между производительными силами и производственными отношениями неизбежно ведет к гибели капитализма, в то же время гибель капитализма отнюдь не наступает автоматически и переход от капитализма к социализму происходит и может происходить только при активном участии революционных масс. Однако воля людей, их сознательная деятельность реализуют и могут реализовать лишь исторически и экономически возможное и закономерное, только тогда сознательная деятельность людей не будет бесплодной. Но воля людей не может реализовать ту экономическую систему, для которой отсутствуют экономические предпосылки. (Экономической предпосылкой перехода от первобытно-общинного строя к рабовладению было, например, такое развитие производительных сил, при котором существовал уровень производительности труда, обеспечивающий наличие прибавочного продукта.) Этому ни в коей мере не противоречит выдвинутое современной эпохой положение о возможности перехода к социализму минуя капитализм, что стало возможным благодаря возникновению при социализме принципиально иного, нового типа отношений между народами, дающего широчайшие возможности для скорейшего подъема экономики и культуры и достижения тем самым фактического равенства наций. Теория механизма перехода от одной экономической системы к другой как институционально-социологического, так и неоклассического направления построена на ложных посылах и противоречит исторической действительности. Неоспоримая правильность великих идей «Капитала» доказана историческим опытом революционных бурь, свергнувших капитализм и утвердивших великие завоевания Октября.

¹⁶ Ibid., S. 241.

4. МЕТОДЫ СТАТИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

Важное место в буржуазной теории «экономических систем» занимает их статическое сравнение.

Цель подобных сравнений системы «рыночной экономики» с «центральноуправляемым хозяйством» у сторонников разных направлений в буржуазной теории «экономических систем» одна — доказать преимущества капиталистической системы хозяйства над экономической системой социализма. Но те теоретические пути, которыми они пытаются идти к этой цели, — различны.

Методологический фундамент такого сравнения образуют теоретические конструкции «экономических систем», созданных буржуазными экономистами. Ибо прежде чем сравнивать «экономические системы», буржуазные экономисты задаются вопросом, а что же им сравнивать, что подлежит сравнению, что представляют собой «экономические системы», над которыми следует учинить операцию сравнения. Естественно, что от ответа на этот вопрос, от того, как теоретически сконструированы «экономические системы», зависит и результат сравнения. Поэтому операция такого сравнения различных экономических систем, взятая сама по себе, представляет собой как бы видимую часть айсберга, невидимая же его часть — это вся предшествующая работа буржуазных экономистов по конструированию «экономических систем». И как раз эта важнейшая часть теоретической работы проводится буржуазными экономистами таким образом, чтобы заранее обеспечить необходимый конечный результат от сравнения различных «экономических систем». Поэтому критический анализ сравнения различных «экономических систем», проводимого буржуазными экономистами, предполагает прежде всего критику самих буржуазных теорий «экономических систем» (что сделано нами в предыдущих разделах работы), без такого анализа критика самой операции сравнения просто невозможна. Здесь же мы рассмотрим специфические проблемы, которые возникают перед буржуазными экономистами при статическом сравнении «экономических систем».

Австрийский экономист П. Книрш, работающий ныне в Западном Берлине, в начале 70-х годов попытался определить те специфические особенности, которыми характеризуется работа в области сравнения экономических систем. При этом он вынужден был признать, что сравнение экономических систем в результате существования политической и идеологической напряженности между Востоком и Западом особенно подвержено сознательному или несознательному искажению представлений о действительности. Однако это не единственный грех сравнительной экономики; устами П. Книрша буржуазная теория сравнения «экономических систем» кается и в других грехах. П. Книрш признает, что англо-американским работам в области сравнения

экономических систем свойствен общий недостаток, проистекающий из отсутствия у них должного интереса к методологическим проблемам экономического анализа. В результате часто англосаксонские экономисты сравнивают, согласно П. Книршу, несравнимые категории. В качестве примера такого рода работы он указывает книгу К. Ландауэра¹⁷.

Существенный изъян в буржуазных методах сравнения экономических систем вынужден признать и английский экономист А. Ноув: «Экономисты склонны сравнивать советскую реальность не с западной реальностью, а с идеальной моделью «капиталистической» экономики»¹⁸. Согласно А. Ноуву, подобная процедура может быть названа бессмысленной. В том же направлении идут и признания американского экономиста Г. Гроссмана: «Незаконным является сравнение реальной экономики с идеальной моделью иного типа (например, американской реальности с абстрактной моделью социализма или советской реальности с идеальным капитализмом)»¹⁹.

Другим недостатком в сравнении экономических систем является, согласно П. Книршу, «неудовлетворительный» метод описания реальных экономических систем. При этом, считает П. Книрш, типологическая характеристика совокупного явления не удастся. Большая часть подобного рода работ посвящена лишь эмпирическому описанию экономических институтов, существующих в настоящее время в отдельных странах. В качестве примера подобного рода работ П. Книрш указывает на книги В. Лоукса и А. Грачи²⁰. Эти собрания фактов, указывает П. Книрш, могут представлять определенную ценность, однако для сравнения систем их степень абстракции мала. В результате в большинстве случаев, признает он, само сравнение собственно не проводится, но различные формы более или менее вне связи лишь ставятся одна подле другой.

Институционально-социологическое направление в теории «экономических систем», которое исходит при конструировании систем из множества различных признаков и элементов, оказывается при сравнении систем перед сложными и в конечном счете неразрешимыми проблемами. К числу этих проблем относятся:

какие элементы экономического строя сравнивать между собой, какие показатели использовать в качестве результатов отдельных элементов системы, а какие в качестве синтетического результата «экономической системы» в целом;

возникает и вопрос о том, как увязать рост или иной результат с тем или иным элементом экономической системы;

¹⁷ Landauer C. Contemporary Economic System. Phil., N. Y., 1964.

¹⁸ Nove A. The Soviet Economy. L., 1961, p. 2.

¹⁹ Grossmann G. Economic Systems, p. 4.

²⁰ Loucks W. Comparative Economic System. N. Y., L. 1964; Cruchy A. Comparative Economic Systems. Boston, N. Y., 1961.

если таких показателей несколько, то при сравнении возникает вопрос о весах отдельных показателей, о степени важности каждого из них.

Весь этот клубок теоретических противоречий институционально-социологическому направлению в теории «экономических систем» преодолеть не удастся; поэтому оно и вынуждено заниматься простым описанием различных реальных типов экономических систем в отдельных странах и лишь ставить эти описания рядом друг с другом.

По признанию некоторых буржуазных экономистов вся эта процедура не вызывала бы у них теоретических возражений, если бы на основе результатов отдельных анализов не предпринималась попытка делать общий вывод о превосходстве системы *A* над системой *B*. К такому выводу приходит, например, Г. Гутман, который считает, что такой вывод оправдан лишь в том случае, если система *A* превосходит систему *B* по всем без исключения сравниваемым признакам. Если же система *A* превосходит систему *B* по признакам *a*, *c*, но уступает ей по признакам *b*, *e*, то, по мнению Г. Гутмана, возникает кардинальный вопрос о том, какие предпочтения заложить в схему весов. Если, продолжает Г. Гутман, использовать в качестве весов предпочтения членов общества, которые могут отличаться друг от друга, то возникает опять-таки неразрешимая проблема сведения индивидуальных предпочтений в коллективную функцию предпочтения. При этом возникает так называемый парадокс Эрроу, который в применении к теории «экономических систем» выглядит следующим образом. Предполагается, что три индивидуума (I, II, III) производят взвешивание трех признаков (*a*, *b*, *c*), используемых для сравнения экономических систем. При этом ранжировка этих признаков каждым из них выглядит различно:

Порядок весов	Индивиды		
	I	II	III
1	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
2	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>a</i>
3	<i>c</i>	<i>a</i>	<i>b</i>

Таким образом, индивиды I и III высказались за то, чтобы поставить признак *a* по важности выше признака *b*. Индивид II в этом вопросе придерживается другого мнения. Результат голосования по вопросу о том, что *a* имеет большее значение, чем *b*, составляет 2 : 1. Если взять признаки *a* и *c*, то со счетом 2 : 1 индивиды II и III (против индивида I) высказываются в пользу того, что признак *c* важнее признака *a*. Для образования функции оценки теперь необходимо, чтобы признак *c* оценивался выше признака *b*. Этого, однако, в данной модели не происходит, ибо индивиды I и II (против индивида III) оценивают признак *c* как менее важный по сравнению с признаком *b*. Тем самым и

вся процедура сравнения «экономических систем» по различным признакам, разрабатываемая буржуазными экономистами, признает Г. Гутман, попадает в тупик.

Иной метод сравнения «экономических систем» избирает «неоклассическое» направление буржуазной теории. Как известно, «неоклассическая» теория ставит в центр экономической системы решение проблемы аллокации, т. е. использования ресурсов в связи с проблемой их ограниченности. А так как, считают «неоклассики», ограниченности благ и факторов производства в статическом рассмотрении соответствует использование ограниченных факторов таким образом, чтобы производился максимум продукции, то синтетическим показателем, по которому должны сравниваться «экономические системы», является статический критерий эффективности, с помощью которого и оценивается решение проблемы аллокации при данных факторах производства. При этом для сравнения систем, подчеркивает «неоклассика», этот сравнительный критерий должен быть сформулирован в «системонейтральных» категориях. В качестве такой «системонейтральной» теории «неоклассика» указывает на статическую теорию всеобщего равновесия.

Для сравнения «экономических систем» буржуазная теория использует два класса понятий эффективности — «абсолютную» эффективность и эффективность «относительную».

Понятие «абсолютной эффективности» опирается на теорию экономического оптимума, разработанную «теорией благосостояния». При этом буржуазная теория внутри класса понятий «абсолютной эффективности» делает различие еще между так называемой эффективностью производства и «эффективностью аллокации». Согласно определению «эффективности производства» «экономическая система» неэффективна, если в какой-то определенный момент времени производственные возможности используются неполностью, т. е. имеются неиспользуемые факторы производства. В качестве примера подобной неэффективной ситуации Дж. Мид называет положение в период мирового экономического кризиса, когда можно было использовать незагруженные факторы производства — машины и рабочую силу для повышения «общего благосостояния». Геометрическое место всех точек, в которых экономическая система эффективна в указанном выше смысле, представляет собой согласно этой теории так называемую границу производства.

Второй категорией, отражающей «абсолютную» эффективность «экономических систем», является в буржуазной теории так называемая эффективность аллокации. Согласно определению «экономическая система» характеризуется как неэффективная в том случае, когда, хотя и имеет место полная занятость факторов, однако их аллокация в отношении возможностей их применения ошибочна, т. е. производится слишком много одного блага и слишком мало другого, слишком много факторов занято в одной отрасли и слишком мало в другой.

Таким образом, понятие «эффективности аллокации» включает в себя «эффективность производства», требует сверх того, чтобы структура производства была приспособлена к структуре потребительского спроса.

Как же производится сравнение различных типов «экономических систем» по критерию «абсолютной эффективности»? Различные «экономические системы», их механизмы по этой теории должны проверяться на возможность достижения ими экономического оптимума. Сравнение возможностей достижения этого оптимума, степень отклонения от идеальных условий должны были свидетельствовать об «эффективности» или «неэффективности» экономической системы. По замыслу авторов этой концепции критерием эффективности задается тот синтетический показатель, тот масштаб, с помощью которого можно было бы произвести классификацию различных «экономических систем», различных механизмов аллокации, различных инструментов в системах на «эффективные» и «неэффективные». Тем самым авторы этой концепции претендовали и на «позитивное» решение проблемы сравнения различных экономических систем. При этом апологеты капиталистического строя рассчитывали сделать на основе теории сравнения «экономических систем» такие выводы, которые бы показали уже априори превосходство капиталистической экономики над экономикой социализма. В какой же мере оправдались эти расчеты апологетов капитализма в применении к теории «абсолютной эффективности» и построенного на этой основе сравнения различных «экономических систем»?

Во-первых, здесь следует указать на то, что ныне буржуазная теория вынуждена признать за абстрактной системой «центральноуправляемого хозяйства» способность достижения экономического оптимума. Для модели так называемого совершенного центральноуправляемого хозяйства, утопической модели «марксизма», достижение «абсолютной эффективности» теоретически оказывается возможным. К признанию такого теоретического положения буржуазная политэкономия проделала долгий путь. Это становится ясным, если вспомнить утверждения Л. Мизеса о том, что при социализме вообще не может быть хозяйства как такового, так как проведение экономического счета там невозможно. Под этим подразумевалось также, что «центральноуправляемое хозяйство», организованное на общественной собственности на средства производства, не располагает будто бы механизмами, обеспечивающими эффективную аллокацию производственных факторов. Таким образом, даже абстрактной, идеальной модели «центральноуправляемого хозяйства» буржуазные теоретики в недавнем прошлом (а некоторые и до сих пор) отказывали в возможности эффективного функционирования и достижения экономического оптимума.

Среди буржуазных экономистов, до самого последнего времени отказывавших социализму в признании возможности эффективного ведения хозяйства и утверждавших на этой основе пре-

имущества капитализма, выделяется П. Уайлз. Последний получил широкую известность как один из наиболее видных представителей антикоммунизма. Он заявил о том, что некоммунистическая экономика по своей эффективности будто бы выше коммунистической экономики. При этом П. Уайлз опирался на сравнение экономических систем по критерию статической эффективности. В подтверждение своей точки зрения он приводил тот аргумент, что «рыночное хозяйство» располагает якобы рыночными ценами как весами, которые больше соответствуют имеющимся в народном хозяйстве приоритетам, нежели это имеет место в «центральноуправляемом хозяйстве», где цены служат лишь средством расчетов, но не оказывают направляющего воздействия на экономику. Примечательно, что выступление П. Уайлза породило в буржуазной политэкономии целую дискуссию, его тезис встретил и ряд серьезных возражений со стороны определенной части буржуазных экономистов. Примечательно и то, что впоследствии П. Уайлз был вынужден признать, что его тезис не находит эмпирического подтверждения и он просит рассматривать его лишь как предположение.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, что сравнение «экономических систем» по буржуазному критерию «абсолютной эффективности» проводится на основе статистики. Это серьезнейший недостаток всего буржуазного подхода к сравнению экономических систем. Коренится этот важнейший порок в основах той «системонейтральной» теории, которая используется буржуазными теоретиками как база для сравнения различных экономических систем. Теоретический аппарат, которым располагает теория «абсолютной эффективности», позволяет вести определенный анализ лишь степени использования наличных факторов производства, он не позволяет включить в рассмотрение процессы роста производственного потенциала в результате появления технических новшеств. «Микроэкономическая» теория в ее неоклассическом варианте ограничивается исключительно анализом экономических процессов в условиях статического состояния равновесия, признает западногерманский экономист В. Пихлер. Развитое на этой базе исчисление эффективности может поэтому служить лишь в качестве критерия использования уже имеющихся факторов производства. Динамическая формулировка исчисления эффективности, напротив, должна была бы поставить в качестве своей задачи анализ гипотетических возможностей роста народного хозяйства или же сформулировать условия максимальных темпов роста. Теория экономической динамики однако до сих пор не сумела создать законченной теории сбалансированного роста. Поэтому оценка альтернативных экономических систем по критерию динамической эффективности не может найти удовлетворительного обоснования в теории роста при современном уровне ее развития²¹.

²¹ Wirtschaftspolitische Blätter, 1976, N 5, S. 114.

В предыдущих разделах работы, где критически анализировалась «системонейтральная» теория «экономических систем», мы уже говорили о том, что в современных условиях в буржуазной политекономии все более заметна тенденция противопоставления модели совершенной конкуренции, призванной реализовать статический экономический оптимум, как он сформулирован теорией всеобщего равновесия, модели так называемой эффективной конкуренции. Появление этих моделей вызвано современными потребностями в апологетике монополистической структуры капиталистического хозяйства, однако потребности такой апологетики привели определенную часть буржуазных экономистов к необходимости критики статической теории равновесия и к значительно более реалистичной оценке результатов этой теории. В результате и требования статической эффективности, возводившиеся еще совсем недавно всеми буржуазными экономистами в абсолют, требования, с позиции которых экономическая система социализма третировалась как органически неспособная реализовать статический оптимум и связанную с ним степень эффективности,— ныне подвергаются критике все большим числом буржуазных экономистов, а вместе с тем подвергаются критике и те теоретические основы, с позиции которых шла критика социализма.

Ныне в буржуазной литературе все чаще цитируется следующее высказывание И. Шумпетера, противопоставляющее «статической эффективности» «динамическую эффективность», конечно, в буржуазном ее толковании.

Теория «экономических систем» оказывается не в состоянии создать устраивающую апологетов капитализма теорию динамических критериев эффективности, пригодную для сравнения экономических систем. В буржуазной теории концепции «статической эффективности» все более рассматривается лишь как один из возможных критериев эффективности, при этом место статической эффективности, ее значение для общей эффективности народного хозяйства остается в буржуазной политекономии вопросом спорным и невыясненным.

В-третьих, необходимо подчеркнуть и то, что в буржуазной политекономии существуют серьезнейшие сомнения относительно возможности использования концепции «абсолютной» эффективности для сравнения экономических систем на деле. Согласно концепции «эффективности производства» статическая эффективность достигается тогда, когда народное хозяйство оперирует на кривой «возможностей производства». Таким образом, для того чтобы определить степень «эффективности» (или «неэффективности») той или иной «экономической системы», необходимо согласно этой точке теории эмпирически определить расстояние между фактическим производством и возможным. А для этого, в свою очередь, необходимо эмпирически определить положение «кривой возможностей производства». Многие буржуазные эконо-

номисты рассматривают шансы на успех такого рода предприятия весьма скептически²².

Что касается второго важнейшего критерия «абсолютной» эффективности — «эффективности аллокации», то даже сомнений насчет возможности его эмпирического исчисления в буржуазной экономике не существует — общепризнано, что дело это безнадежное. «Если трудности в определении эффективности по критерию эффективности производства кажутся едва ли преодолимыми, то от эмпирического определения приспособления производного продукта к общественной структуре предпочтений... нужно отказаться совсем»²³.

Высокие темпы роста экономики СССР и других социалистических стран, превышающие темпы роста экономики капитализма, не дают буржуазной политэкономии возможность создать хоть сколько-нибудь убедительную картину сравнения различных экономических систем на основе критериев «абсолютной эффективности». В то же время расхищение капитализмом экономических ресурсов общества в виде безработицы и недоиспользования производственных мощностей, порожденное именно экономической системой капитализма, является слишком наглядным.

Потерпев неудачу с «абсолютной эффективностью», буржуазные теоретики обращаются к критериям так называемой относительной эффективности. Американский экономист Д. Берлинер с помощью предложенного им метода измерения «относительной эффективности» пытается обойти при сравнении экономических систем неприятные для капитализма вопросы полного использования экономических ресурсов. Д. Берлинер пробует измерить «общую эффективность» экономики СССР, используя в качестве сравнительного масштаба американское хозяйство. Он описывает свой метод следующим образом.

Хозяйство I производит с данными x затратами определенный выпуск P_I . Хозяйство II с другими затратами достигает выпуска P_{II} . Возникает вопрос, как велик был бы выпуск хозяйства II, если бы он был достигнут с эффективностью хозяйства I, но с затратами хозяйства II? Соотношение между фиктивным и реальным выпуском и является по Д. Берлинеру индексом «относительной эффективности» (хозяйства II по сравнению с хозяйством I).

Мы уже указывали на то, что концепция «абсолютной эффективности» позволяет буржуазным теоретикам обойти вопрос о неполном использовании ресурсов в условиях капиталистической системы. В исчисленную таким образом эффективность не входят потерянные безвозвратно в результате безработицы миллиарды рабочих дней.

²² Некоторые буржуазные экономисты (Макалей, Альберт) стоят на той точке зрения, что однозначная оценка альтернативных экономических систем с точки зрения эффективности вообще невозможна. См.: Beiträge zum Vergleich der Wirtschaftssysteme, S. 57.

²³ Wirtschaftspolitische Blätter, 1976, N 5, S. 124.

Кроме того, на основе указанных выше подсчетов исчисляется отнюдь не сравнительная эффективность экономических систем капитализма и социализма. Известно, например, что климатические и почвенные условия в СССР значительно хуже, чем в США. Это, естественно, оказывает влияние на соотношение в уровнях производительности труда в сельском хозяйстве. Поэтому на основании более высокой производительности труда в сельском хозяйстве США делать вывод о преимуществах экономической системы капитализма было бы абсолютно неверным. Это вынужден признать и сам Д. Берлинер. «Посредством данного счета, — указывает он, — не измеряется эффективность советского социализма и американского капитализма как чистых систем аллокации ресурсов, он говорит лишь о решении более скромной задачи — измерения эффективности народного хозяйства».

Далее Д. Берлинер признает, что нельзя утверждать, что советский выпуск при американских затратах является эффективным, что набор товаров, возможный для производства при американских условиях, представляет собой эффективный производственный пункт для советского народного хозяйства. Кроме того, Д. Берлинер признает, что отсутствует какая-либо теоретическая связь концепций «относительной эффективности» с позицией эффективности теории «благополучия».

И, наконец, укажем еще на один существеннейший порок, свойственный теориям как «абсолютной», так и «относительной» эффективности. В теоретических выкладках буржуазных экономистов полностью отсутствует связь критериев эффективности «экономических систем» с проблемами социальной эффективности. Из буржуазной теории сравнительной эффективности совершенно исчезла проблема социально-экономического содержания распределения, оно рассматривается как данное и тем самым вынесено за скобки проблемы сравнительной эффективности экономических систем. Между тем известно (и это вынуждена признать и буржуазная теория), что социально-экономический характер распределения оказывает важнейшее воздействие и на эффективность, изменение в распределении меняет и эффективность. Таким образом, рассмотрение проблемы сравнительной эффективности в отрыве от социально-экономического аспекта проблем распределения, в отрыве от социальных форм эффективности является серьезнейшей ошибкой буржуазной теории систем при ее попытках сравнения экономических систем.

Для современного капитализма как социально-экономической системы характерно не только углубление старых, но и возникновение новых противоречий. «Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные бо-

гатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»²⁴.

Конец 50-х и 70-е годы XX в. явились для современного капитализма периодом непрерывных потрясений. В экономике — валютный, сырьевой, энергетический кризисы, мировые кризисы перепроизводства 1970—1971 и 1974—1975 гг., новый спад, наметившийся в 1979 г. В социально-политической сфере — обострение социальных антагонизмов, приведшее в ряде случаев к общенациональным политическим кризисам, досрочной смене правительств почти во всех промышленно развитых капиталистических государствах, крушение реакционных фашистских режимов в Португалии и Греции, политические скандалы, подобные «Уотергейтскому делу».

В сфере идейно-политической — калейдоскопическая смена доктрин и концепций, попытки разработки государственно-монополистических реформ, направленных на сохранение системы, поиски новых путей и средств сдерживания нарастающих классовых антагонизмов. Новым свидетельством нестабильности капиталистической системы явился, таким образом, всепроникающий и перманентный характер потрясений, переживаемых современным капитализмом.

Неспособность монополистической буржуазии найти действенные методы сдерживания стихии капиталистического хозяйства, растущее осознание необходимости принципиальных изменений социально-экономической системы нашли свое отражение в так называемом кризисе доверия.

Вот что пишет по этому поводу О. Пальме, один из лидеров современной социал-демократии. «...Обнаруживается аполитическая тенденция, неуважение к политике, политической работе и представительной демократии... Со всех сторон утверждают, что в парламенте и политических объединениях мы занимаемся мелочами. Политиков обвиняют в том, что они не могут или не хотят занять четкие позиции по коренным вопросам, первоначально важным для дальнейшего существования человечества. Это вопросы регулирования роста населения, развития техники, сохранения окружающей среды. Есть и другие проблемы, которые кажутся неразрешимыми, например, рост цен, профессиональная ориентация, сохранение семьи... Со всех сторон слышатся противоречивые требования: одни говорят о необходимости ограничения экономического роста, другие требуют дальнейшей экономической экспансии»²⁵.

²⁴ Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1969, с. 298.

²⁵ Brandt W., Kreisky B., Palme O. Briefe und Gespräche; Frankfurt, Köln, 1975, S. 18—19.

В этой связи показательно отношение населения промышленно развитых капиталистических государств к выборам в органы политической власти. Если в Великобритании в парламентских выборах 1950 г. приняли участие 84% избирателей, то в 1974 г. уже только 72,8% избирателей. Процент избирателей, участвующих в президентских выборах в США, снизился с 62,8% в 1964 г. до 54,4% в 1976 г.²⁶ Все это свидетельствует о неверии населения этих стран в эффективность тамошней политической системы, о восприятии самой процедуры выборов как чисто формального момента, не оказывающего влияния на содержание государственной политики, и о разочаровании в политической системе.

Разуверившись в эффективности политической системы современного капитализма, получая все новые и новые доказательства беспринципности ведущих политических деятелей и коррумпированности государственного аппарата, неспособности политической власти к мало-мальскому контролю всевластия монополий, избиратели в промышленно развитых капиталистических государствах пытаются создать новые политические организации, не связанные с традиционными политическими партиями ни организационно, ни по программе. Движение такого рода обнаружилось в ФРГ в форме «гражданских инициатив», имеющих целью разрешение широкого спектра социально-экономических проблем, начиная с защиты окружающей среды и вплоть до борьбы против повышения цен на конкретные виды товаров и услуг. Возникающие таким образом «группы действия», число которых достигает нескольких тысяч, объединяют людей различных убеждений, в том числе ультралевых и ультраправых. Движение «гражданских инициатив» встречает зачастую сопротивление со стороны государственного аппарата власти.

Одной из наиболее серьезных проблем современного капитализма стала проблема окружающей среды и ресурсов. После столетия хищнической эксплуатации природных ресурсов, разрушения естественной основы производства, полного игнорирования проблем природоохранения капитализм оказался перед глобальным экологическим кризисом, нехваткой чистой воды и нетронутых природных ландшафтов, минерального сырья и возобновляемых ресурсов и т. д. В результате отравления почвы и воды резко ухудшилось качество продуктов питания, возникли неизвестные ранее болезни.

Свойственное капитализму хаотичное градостроительство привело к чрезвычайной скученности населения, к возникновению гигантских городских агломераций, где воздух настолько насыщен вредными человеку веществами, что становится опасным для жизни. В проекте ориентировочной программы СДПГ на 1975—1985 гг. говорится: «Условия существования в густонаселенных районах близки к критической черте... Разрушение

²⁶ Гурьев И. Е. Нарастание нестабильности современного капитализма. М.: Мысль, 1979, с. 132.

естественных ландшафтов, опустошение центров городов, излишнее сосредоточение инфраструктурных отраслей хозяйства, загрязнение воздуха, увеличение шума влекут за собой высокие социальные издержки для общества и нежелательные психические и физические последствия для человека. Такая тенденция будет возрастать до тех пор, пока не удастся ограничить одностороннюю ориентацию нашего общества на ... получение частной прибыли»²⁷. Указывая симптомы хронической болезни больших городов при современном капитализме, идеологи социал-реформизма определили и ее причину, т. е. «одностороннюю ориентацию общества на получение частной прибыли», что равносильно признанию в том, что именно экономический и социальный строй капитализма лишает широкие массы трудящихся элементарных условий существования. Производным от имущественного неравенства населения капиталистических стран, обусловленного принципиально различным положением в производстве, стало ныне неравенство в потреблении окружающей среды. Имея право на чистый воздух, чистую воду, безвредные продукты и прочие блага природы, трудящиеся практически не имеют возможностей для реализации этих прав. К подлинной трагедии приводят болезни, вызванные загрязнением окружающей среды. В Японии за последние пять лет вследствие отравления промышленными отходами умерли около 2 тыс. человек, более 60 тыс. человек зарегистрированы официальными инстанциями как жертвы болезней от загрязнения окружающей среды²⁸.

Широкие массы трудящихся промышленно развитых капиталистических стран переходят в настоящее время от стихийных протестов против хищнической, безответственной эксплуатации природы монополистическим капиталом к пониманию классового характера природоохранной проблемы. Все более очевидной становится связь между глобальной экологической катастрофой, которой грозит миру бесконтрольное хозяйствование монополистического капитала, и угрозой термоядерной войны, гонкой вооружений, вызванной и подогреваемой империализмом.

Наращивание военного потенциала связано с испытаниями новых видов вооружений, накоплением всевозможных боевых отравляющих веществ, захоронением радиоактивных отходов и химических ядов чудовищной силы, катастрофами на военном производстве и различных военных объектах, все это резко увеличивает возможность серьезнейших экологических катастроф.

Опасность использования природных процессов в военных целях вполне реальна. Американская военщина практиковала во Вьетнаме различные методы «экологической войны», направленные на уничтожение растительности, стимулирование непрерывных ливневых дождей и т. д., влекущие за собой резкое из-

²⁷ Zweiter Entwurf eines ökonomisch-politischen Orientierungsrahmens für die Jahre 1975—1985. Vorwärts. Bad Godesberg. 16.1.1975. Приложение.

²⁸ Правда, 1979, 2 февр., с. 5.

менение природной среды. Еще более опасен арсенал средств воздействия на природу и климат, находящихся на стадии разработки, использование которых может привести к необратимым изменениям среды обитания человечества.

Стремясь к обузданию гонки вооружений во всех ее формах и проявлениях, Советский Союз выступил как инициатор Конвенции о запрещении военного или любого другого враждебного использования средств воздействия на природную среду и одним из первых ратифицировал ее. Характеризуя Конвенцию, Л. И. Брежнев отметил: «Эта конвенция касается всех государств. Она подтверждает право каждого народа жить на земле спокойно, укрепляет надежду на то, что не только мы сами, но внуки и правнуки наши тоже смогут пользоваться благами природы — естественной основы жизни каждого человека.

Одобряя данную конвенцию, мы призываем все государства присоединиться к ней. Защита природы — дело всеобщее. Оно требует усилий всего человечества»²⁹.

Хищническая и безоглядная эксплуатация капитализмом естественных ресурсов предопределена природой способа производства. Его империалистический агрессивный характер сказывается и на использовании огромного научно-технического и производственного потенциала, накопленного промышленно развитыми капиталистическими государствами, подчинении научно-технической революции интересам военно-промышленного комплекса, задаче бесконечного увеличения военной мощи империалистических государств.

Обратимся к примеру ведущей страны капиталистического мира — Соединенных Штатов Америки. В 1970 г. из 17 млрд. долл., ассигнованных правительством США на научные исследования и разработки, 14 млрд. долл. были затрачены на выполнение военных программ и связанных с ними космических и ядерных исследований; на войну работали более 80% научных работников из 160 тысяч их, пришедших в промышленность США за десятилетие с 1956 по 1966 г.³⁰ Эти цифры говорят не только о бесплодной растрате колоссальных ресурсов, огромного научно-технического потенциала; милитаризация формирует моральный климат капиталистического мира, разрушая последние демократические устои буржуазного общества, вызывает чувство апатии и безразличия по отношению к будущему.

Если некоторой части населения ведущих капиталистических стран удастся погреть руки за счет гонки вооружений, то для подавляющего его большинства прямым итогом гонки вооружений служат безудержная инфляция, безработица и рост налогового давления со стороны государства, прибегающего к помощи печатного станка для покрытия растущего за счет увеличения военных расходов дефицита государственного бюджета.

²⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 7, с. 332

³⁰ Масленников В. И. США: государство и наука. М.: Наука, 1971, с. 133, 134.

Финансирование все новых и новых военных программ в капиталистическом мире осуществляется не в последнюю очередь за счет сокращения расходов на разрешение насущных социальных проблем.

Многие годы продолжает оставаться больным местом ведущих капиталистических стран система образования, не получающая достаточного материального обеспечения. Это приводит к затруднению получения образования значительной части населения, препятствует его профессиональной и социальной ориентации. Такова, например, ситуация народного образования в богатейшей стране капиталистического мира — США. «Почти пятая часть школьников не может достигнуть в чтении и письме уровня, необходимого для получения работы; такая же их часть не достигает в образовании того уровня, который требуется им для нормальной личной жизни и как гражданам»³¹.

Немногом лучше положение системы здравоохранения, программ государственного жилищного строительства, помощи престарелым и малообеспеченным. Десятки миллионов людей в промышленно развитых капиталистических странах до сих пор живут ниже официально определенной «границы нищеты», более того, число их возрастает.

Многогранные и сложные социально-экономические процессы, развертывающиеся на современном этапе общего кризиса капитализма, толкают буржуазных ученых на поиски выхода из кризисной ситуации общества. Однако классовая предвзятость и односторонний эмпиризм не позволяют им создать единую и целостную картину социально-экономической жизни современного капиталистического общества, определить его будущее. Отсюда следуют как предложения об отказе от экономического роста, использования достижений научно-технической революции, так и «апокалиптическое» видение будущего, предсказание вырождения человечества, полного истощения естественных ресурсов, голода и глобальных экологических катастроф.

Реальная альтернатива кризисам, гнету монополий, угрозе голода только одна — обобществление собственности на средства производства. *«Коммунизм — как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому. Такой коммунизм... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью...»*³²

³¹ Agenda for the Nation. Wash., 1968, p. 208.

³² Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 116.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Строительство социализма в СССР повлекло за собой необходимость со стороны буржуазной политэкономии теоретического признания множественности экономических систем. Но как только произошло это теоретическое признание множественности систем, тут же была поставлена в повестку дня и следующая огромной важности теоретическая проблема — проблема, какая из этих экономических систем лучше, более эффективна. При этом эта проблема имела не только теоретическое, но прежде всего огромное политическое и идеологическое значение для капитализма. Буржуазная экономическая теория приложила огромные усилия в попытках такого решения этой проблемы, которое бы отвечало интересам сохранения капиталистического строя.

Буржуазной теорией была разработана методология конструирования «экономических систем», их выявления — так называемая типология. Она составляет методологический фундамент всей теории «экономических систем», хотя ею отнюдь не исчерпывается весь методологический инструментарий, применяемый этой теорией. Но так как от типологического критерия, положенного в основу конструирования экономической системы, зависит многое — характер образованных систем и, конечно, результаты их сопоставления, то данному вопросу принадлежит одно из центральных мест в теории в целом. Наибольшее распространение и признание получила в настоящее время типология «экономических систем», созданная в рамках «неоклассического» направления, поскольку эта типология экономических систем наиболее полно отвечает методологическим установкам, всему аппарату неоклассического направления. Хотя в рамках институционально-социологического направления работа над теорией «экономических систем» началась значительно раньше (эти попытки особенно участились после выхода «Капитала» и велись в основном в рамках исторической школы), однако полностью эта типология оформилась лишь после второй мировой войны.

Одним из основных пороков теории «сравнительных экономических систем» является выведение «систем из способа аллокации редких ресурсов, использование нелиберальной методологии «идеальных типов хозяйства». «Идеальные типы хозяйства» не могут быть основой в научном анализе экономических систем, ибо существование меновых отношений, различная степень их распространения, интенсивности или отсутствия их не могут слу-

жить основанием для различения экономических систем, не могут быть положены в основу понятия экономической системы. Товарное производство, меновые, рыночные отношения, которые теоретики «экономических систем» хотят сделать основополагающим критерием для выведения «экономической системы», на самом деле присущи самым различным экономическим системам. Они существовали и в условиях рабовладельческого строя, и при феодализме, существуют они и при капитализме, и при социализме.

Буржуазная теория «экономических систем» сознательно пренебрегает критерием собственности, объявляя форму собственности фактором «несущественным» («акцидентным»), а форму аллокации ресурсов посредством рынка или же в результате решений планового органа — фактором «конститутивным». В результате вне границ экономического анализа остаются решающие для определения экономической системы отношения собственности, производственные отношения. Это закрывает путь для научного анализа различных экономических систем.

При институциональном подходе к выявлению сущности экономических систем результатом ложных посылок экономического анализа оказывается то, что экономическая система состоит из механической комбинации отдельных «кирпичиков» — институтов. В результате нарушается принцип системности, цельности, экономические отношения перестают существовать как система. Между тем К. Маркс придавал большое значение анализу экономической системы именно как *целостности*. Маркс писал: «Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положение есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»¹.

В буржуазных теориях «экономических систем» исчезает какой-либо четкий водораздел между системами. Буржуазные экономисты прямо признают, что при том методологическом подходе, который существует к экономическим системам в буржуазной политэкономии, невозможно четко отделить одну экономическую систему от другой.

Теория «экономических систем» предпочитает не заниматься анализом «исторических», т. е. существовавших в историческом прошлом экономических систем. Исторические системы в этой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, т. I, с. 229.

теории предстают как механическая комбинация отдельных системных элементов, которая целиком зависит от случая или условий «внешней среды». Таким образом, способ комбинации системных элементов, характер соединения их в экономическую систему лежит вне пределов системы, это не эндогенный, а экзогенный по отношению к экономической системе процесс.

Экономическая система капитализма в ее абстрактно теоретической форме выглядит у буржуазных авторов как система гармоническая, как система, лишенная противоречий. Достигается это путем перенесения статического микроанализа на все уровни экономических отношений. Однако такой подход в теоретическом плане следует признать полностью несостоятельным. Существование и развитие кейнсианства по своему демонстрирует это в рамках самого буржуазного экономического анализа. Здесь уместно будет еще раз подчеркнуть, что хотя буржуазные теоретики говорят об экономической системе, в их анализе сняты как экономическое существо, так и системность, многоплановость экономических отношений в их антагонизме, обусловленном существованием капиталистической частной собственности.

Теория «экономических систем» устраняет «тяжелый» для буржуазии вопрос о поступательном движении истории, о неизбежности гибели капитализма, о революционном характере перехода от капитализма к социализму. Согласно этой теории социализм состоит из тех же «кирпичиков», что и капитализм, а следовательно, для перехода от одной экономической системы к другой не нужно якобы никаких коренных преобразований, не нужна социальная революция. Конечный логический результат этих теорий при рассмотрении динамики экономических систем — это теория конвергенции со всеми ее ложными выводами.

На базе типологии экономических систем буржуазными экономистами разных направлений были созданы теории социализма, либо извращающие его подлинную природу, либо предлагающие фальшивую альтернативу (под маркой социализма) реально существующему экономическому строю социализма, а также научной теории социализма. В рамках неоклассического направления возникли теории так называемого центральноуправляемого хозяйства, призванные опорочить социалистическую систему хозяйства.

Буржуазная теория экономических систем в ее «неоклассическом» варианте представляет собой попытку подменить научную типологию способов производства, разработанную марксизмом и основывающуюся на критерии производственных отношений, такой типологией, в основе которой лежат критерии форм экономических связей — натуральных, товарных, планомерных. «Неоклассическая» теория «экономических систем» выдает за «экономическую систему» лишь некоторые элементы хозяйственного механизма; институционалистское направление в теории «экономических систем» составляет «систему» из самых разнородных элементов хозяйственного механизма, производительных сил, со-

циальных и правовых форм, между которыми отсутствует какая-либо системная, органическая связь. Причем большая часть институционалистов в качестве решающих отличительных признаков экономической системы вычленяют опять-таки отдельные элементы хозяйственного механизма.

Буржуазная экономическая теория пытается противопоставить учению марксизма-ленинизма разрабатываемую ею теорию «экономических систем». Однако буржуазная теория оказывается не в состоянии разработать подлинно научную теорию экономической системы. Буржуазная политэкономика сознательно оставляет в стороне анализ таких важнейших, коренных черт экономической системы, без рассмотрения которых создание подлинной теории экономической системы оказывается невозможным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» И ИХ МЕТОДОЛОГИЯ	12
1. Определение «экономической системы» и ее структурных элементов представителями различных школ буржуазной политэкономии	12
2. Анализ методологии «реального» и «идеального» типов хозяйства .	17
Глава вторая	
НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» . . .	24
1. Противоречия в концепции «экономических систем» В. Ойкена — К. П. Хензеля	24
2. Принципы классификации «экономических систем» в работах Н. Клотена и П. Самуэльсона	32
Глава третья	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ТЕОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ»	41
1. Критерии типологизации систем в теориях «экономических ступеней» и «стадий»	41
2. Концепция «осевого принципа» Д. Белла	45
3. «Экономические системы» Дж. Гэлбрейта	48
4. «Технологический подход» к типологизации «экономических систем» .	56
5. Экономический строй в буржуазных теориях структурализма	60
Глава четвертая	
ТЕОРИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОГО ХОЗЯЙСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ	71
1. «Экономическая система» «центральноуправляемого хозяйства» В. Ойкена и ее модификации	71
2. Теория «общего хозяйства» Х. Ричля	78
3. Концепция «центральноуправляемого хозяйства» в теории «принятия решений»	82
4. Экономический строй «центральноуправляемого хозяйства» с позиций «теории благосостояния»	86
5. Ключевые элементы «центральноуправляемого хозяйства» в концепциях буржуазных авторов	91
6. Исторические формы «центральноуправляемого хозяйства»	96
Глава пятая	
БУРЖУАЗНАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В «ЦЕНТРАЛЬНОУПРАВЛЯЕМОМ ХОЗЯЙСТВЕ»	101
1. Негативистская теория «центральноуправляемого хозяйства»	101
2. Модели экономического процесса в системе «квазицентральноуправляемого» хозяйства	108

Глава шестая

«СИСТЕМОНЕЙТРАЛЬНАЯ» ТЕОРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» И ТЕОРИЯ «ВСЕОБЩЕГО ПЛАНОВОГО РАВНОВЕСИЯ» . . .	114
1. Причины возникновения и основные черты «системонейтральной» теории «экономических систем»	114
2. Проблема аллокации в «системонейтральной» теории «экономических систем»	119
3. Основные положения теории «всеобщего планового равновесия» . . .	124

Глава седьмая

БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ» РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО ФОРМ	130
1. Буржуазная политэкономия о формах рыночной системы	130
2. Теория оптимума в модели «совершенной конкуренции»	147
3. Концепция оптимума в условиях олигополии	153

Глава восьмая

БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИКИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ» . . .	167
1. Методологические принципы теории «конвергенции экономических систем»	168
2. Теории «дивергенции» экономических систем (теории несовместимости)	182
3. Основные черты буржуазных концепций перехода от одной системы к другой	186
4. Методы статического сравнения «экономических систем»	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203

Владимир Николаевич Котов

Критика буржуазных теорий «экономических систем»

Утверждено к печати Институтом экономики АН СССР

Редактор Т. Е. Филиппова. Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технический редактор Р. Г. Грузинова. Корректоры Ф. А. Дебабов, Л. Р. Мануильская

ИБ № 18225. Сдано в набор 01.10.80. Подписано к печати 15.12.80. Т-20734. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13.
Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 3450 экз. Тип. зак. 5166. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •